Министерство образования Российской Федерации

НОВЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ
г. Электросталь

ДИАЛОГ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Материалы Международной научно-практической конференции

22 декабря 2006 года

ТОМ I

Москва
2007

УДК 491.701-.75(082)
ББК 81.-2Р

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета *Ощепкова В.В.*;
доктор филологических наук, профессор Нового гуманитарного института *Монина Т.С.*

Диалог языков и культур в современном мире: Материалы международной научно-практической конференции в 2-х томах. Том I. – М: Изд-во Московского государственного областного университета, 2007. – 268 с.

ISBN 978-5-7017-0968-1

В сборнике представлены материалы докладов участников международной научно-практической конференции, состоявшейся 22 декабря 2006 года в Новом гуманитарном институте.

Сборник содержит интересный и разнообразный материал, посвященный исследованию вопросов межкультурной коммуникации, среди которых одной из важнейших является проблема диалога языков и культур.

В сборнике представлены труды отечественных и зарубежных исследователей, рассматривающие лингвистические и методические проблемы межкультурной коммуникации, а также вопросы дизайн-образования в свете диалога культур в современном мире. Издание адресовано специалистам в области лингвистики и межкультурной коммуникации, искусствоведения, дизайна, а также студентам факультетов лингвистики и дизайна.

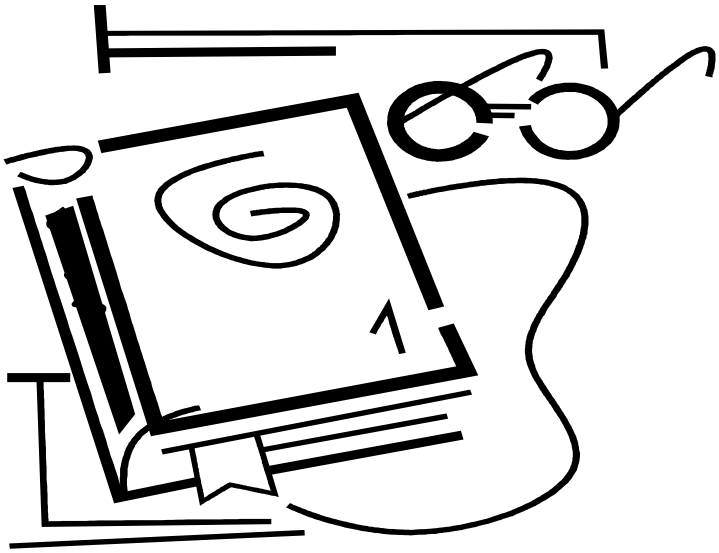
Ответственный редактор:
кандидат филологических наук, доцент ***М.Н. НИКОЛАЕВА***
Новый гуманитарный институт

УДК 491.701-.75(082)
ББК 81.-2Р

ISBN 978-5-7017-0968-1

© НГИ, 2007
©Московский государственный областной университет, 2007

Пленарные доклады



Монина Т.С.
НГИ (г. Электросталь)

Механизмы диалога культур

В XXI веке понятие «диалог» практически во всех сферах гуманитарных наук: в литературоведении, лингвистике, психологии, социологии, педагогике и др. – признается одним из базовых. В связи с этим семантическая структура этого понятия значительно расширила свои границы. Если ранее диалог рассматривался, прежде всего, в качестве основной формы речевого взаимодействия людей, особого речевого жанра коммуникативного акта, то теперь он исследуется не только как свойство человеческого мышления, но также как форма бытия человека в природе и социуме [1].

Ведя диалоги самого различного характера, человек оказывается в сложной, зачастую внутренне противоречивой разноуровневой системе диалогических связей. Изучение внутренней иерархии таких систем диалогических связей остается, по всей видимости, делом будущего, тем не менее можно констатировать, что уже выработаны некоторые теоретические положения, которые можно интерпретировать как непреложные.

Наиболее широкое понимание диалога было представлено в концепции Ю.М.Лотмана, рассматривавшим диалог как частный способ взаимосвязи компонентов. Сущностным, онтологическим, качеством диалога он признавал дискретность его формального проявления. По его мнению, дискретность – способность выдавать информацию порциями – является основным законом всех диалогических систем. Дискретность как форма проявления диалога заключается в попеременной направленности сообщений: участники диалога последовательно переходят с позиции «передачи» информации на позицию «приема» информации, Когда одна из сторон осуществляет «сообщение», другая сохраняет паузу и наоборот, вследствие чего передача информации осуществляется дискретными порциями с перерывами между ними [2].

Процесс диалога он описывает как смену центра и периферии коммуникации, состоящей из трех сменяющих последовательно друг друга этапов. На первом этапе коммуникации генератор информации находится в ядерной структуре семиосферы, а получатель – на периферии. На втором этапе – во время коммуникативной паузы – происходит насыщение информацией пассивного участника диалога, ее ментальная обработка. Третий этап характеризуется сменой позиции коммуникантов. Пассивный участник диалога переходит с периферии в центр коммуникации, а активный участник становится получателем информации.

Диалог как форма коммуникации имеет разнообразные способы реализации: партиципантами диалога могут выступать общности разного типа, группы самого разного объема: нация; этнос, профессиональные ассоциации, общественные организации и политические партии и, наконец, отдельные индивиды как наиболее типичные участники диалогического взаимодействия. Партиципантами диалога могут быть не только люди, но также различные системы и категории, в частности такой сложный «участник» диалога, как культура. Само словосочетание «диалог культур», будучи по своей сути метафорой, не осознаваемой подавляющим большинством как таковая, давно уже стало привычным и употребительным (см., например: Диалог культур – культура диалога, 2002; Англия и Россия: диалог двух культур, 1994) [3].

Схема развития диалога между культурами повторяет принципиальную схему развития диалога.

Первый этап диалога является моментом передачи информации от одной культуры к другой. Между приемом и отправлением информации наступает коммуникативная пауза, которая в самосознании принимающей культуры фиксируется как период наименьшей активности. Поступающая извне информация сохраняет облик «чужой». В воспринимающей культуре она занимает высшее ценностное место в иерархии.

На втором этапе диалогического процесса тексты-провокаторы полностью растворяются в культурной толще воспринимающей культуры. Оба начала: «импортированная» культура и «своя» культура – взаимно перестраиваются: «новое» истолковывается как субстанция, органически вытекающая из старого, таким образом, традиционное, привычное, ранее дискредитированное, реабилитируется.

Когда насыщение информацией достигает определенного порога, наступает третий этап диалога, приводящий в движение внутренние механизмы текстопорождения принимающей культуры. Культура-приемник, в пространство которой переместился общий центр семиосферы, из пассивного состояния переходит в состояние возбуждения. Перейдя в позицию культуры-передатчика, она сама становится источником потока текстов, направляемых в другие, информативно периферийные, районы семиосферы. Новые тексты, основанные на культурных кодах, в отдаленном прошлом стимулированные внешним вторжением, уже полностью преображены. На базе полученной информации текстопринимающая культура начинает бурно создавать новую, бомбардируя ею другие культуры, в том числе и своего «возбудителя». При этом, что очень существенно, происходит энергетическое возрастание: система, пришедшая в состояние активности, выделяет энергии гораздо более, чем ее возбудитель, и распространяет свое воздействие на значительно более обширный регион. В этом заключается прогрессирующий универсализм диалогического взаимодействия культур.

Развитие культуры циклично и, как и большинство динамических процессов в природе, подчинено синусоидным колебаниям. При вычленении из истории мировой культуры какого-либо изолированного ряда, типа: «история английской литературы» или «история русского романа» – мы получаем хронологически вытянутую непрерывную линию, в которой периоды интенсивности сменяются относительными затишьями. Однако стоит увидеть в имманентном развитии диалог, чтобы стало очевидным, что

периоды так называемого спада на самом деле являются временем паузы в диалоге, заполненной интенсивным получением информации, за которой следуют периоды ретрансляции.

Условием существования диалога, с точки зрения Лотмана, является различие в информационном объеме партиципантов. Пассивный партиципант побуждает активного к даче информации, незнакомой, но необходимой ему. Однако семиотическое различие между участниками диалога, хоть и является необходимым условием, имеет свой предел, оно не может быть абсолютным, часть информации должна быть общей – именно она и обеспечивает основу взаимопонимания партиципантов. Чтобы преодолеть семиотический барьер (у участников диалога свой речевой код), нужна взаимная заинтересованность участников ситуации в сообщении. Для выработки общего языка каждый из участников ситуации стремится перейти на «чужой» язык, вследствие чего речевые коды участников диалога сближаются, и обмен информацией сопровождается некоторой степенью языковой интерференции.

В развитии диалога русской и европейской культур можно выделить три пика взаимодействия. Первый приходится на период Крещения Руси (988 г.) и определяется принятием христианской культуры, второй период связан с реформаторской деятельность Петра Первого, начало третьего периода предопределено развитием инновационных информационных технологий и новых видов технологических коммуникаций в конце XX века.

Крещение Руси вызвало широкий поток религиозных текстов из стран, ранее уже принявших христианство (Болгария, Сербия), на греческом и искусственном, созданном Кириллом и Мефодием общеславянском книжном языке. Древняя Русь, открыв перед собой дверь в чуждую ей культуру, через овладение новой богословской мыслью приобретает неограниченные возможности приобщения к духовной жизни других народов. Параллельно с усвоением новой информации идет процесс влияния греческого и старославянского языков, особенно последнего, на русский. Старославянский

язык привносит в язык и менталитет русского народа огромный культурно-исторический потенциал книжного слова, дает толчок для развития не только церковнославянского языка – языка церкви, но и языка светской литературы [4].

Поступающая информация вначале сохраняет облик «чужой». В русской культуре она занимает высшее ценностное место в иерархии в связи с поворотом от язычества к христианству. В XI в. на Руси развертывается интенсивная переводческая деятельность. Но параллельно с усвоением текстов развивается стремление отделить христианскую веру от греческого влияния. После же захвата Константинополя турками на Руси окончательно закрепляется подозрительное отношение к чистоте веры у греков, и христианство бесповоротно утверждается как «русская вера». Возникшая концепция, идея, «Москва – третий Рим» утверждает статус русской церкви как оплота православия. Русская культура перемещается в ядро семиосферы и сама становится источником потока текстов, направляемых в периферийные информативные районы.

Значительно более полно реализовался второй гигантский диалог между русской и западной культурами, развернувшийся на протяжении XVIII–XIX вв. Как и при принятии христианства, реформа Петра сопровождается резким разрывом с традицией. Этому же стремлению к кардинальному разрыву со старым следует отнести и последующее влияние французского Просвещения в России. Французский язык получает повсеместное распространение в образованных кругах, под сильным воздействием которого происходит формирование современного русского литературного языка. На основе романской культуры зарождается русская словесность, которая получит наивысший пик развития в золотом веке классической литературы в творчестве Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского и других великих русских писателей. Уже начиная с Пушкина русская культура становится транслирующей, поток текстов поворачивается в обратном направлении – трудно переоценить значение русской культуры в

последующий период не только для Европы, но и для всей мировой цивилизации в целом.

Если внимательно и непредвзято обратиться к современному состоянию русской культуры и русского языка, можно, видимо, утверждать, что мы находимся в начальной стадии третьего диалога с западной культурой.

Этот процесс начался еще в эпоху социализма. Несмотря на железный занавес Россию не удалось полностью изолировать от мирового сообщества. В ранге языка мирового общения русский язык контактирует с официальными рабочими языками в ООН: английским, французским, испанским, китайским. Процесс их взаимодействия пока еще плохо изучен, но отдельные наблюдения над работой по переводу в международных организациях позволяют полагать, что такие контакты активизировали некоторые специфические черты языкового строя. Среди них следующие: 1) повышение удельного веса слов на латинской и греческой основе, так называемых интернационализмов и 2) тенденция к «номинативности».

Количество полнозначных глаголов значительно уменьшается, так как многие из них переходят в связочные. В то же время количество словосочетаний, эквивалентных имени существительному, значительно возрастает: высказывание строится из разнообразных имен и именных сочетаний, однообразно связываемых небольшим количеством глаголов. Расширяют сферу употребления описательные глагольно-именные обороты *оказать (помощь, влияние, давление).* Семантический центр тяжести высказывания переносится на имя существительное или именное словосочетание. Активизация этих процессов объясняется следующими причинами. В ситуации международного общения вырабатывается специфический фонд понятий, которые должны быть максимально адекватно восприняты членами сообщества. Для репрезентации терминологии формируется межъязыковой общий словарный фонд на базе греческого и латинского языков, изначально бывших поставщиками в европейские языки

специальной абстрактной лексики. Международный «фонд понятийных неологизмов», находит свое выражение как в значениях отдельных имен существительных, так и в различных новых сочетаниях имени с определениями, выражающими модификации основной идеи. Такого рода процессы напоминают слабую степень «языкового скрещения» типа креолизации, когда грамматика языка остается исконной, а лексический фонд обновляется за счет массовых заимствований и калек. В данном случае, однако, заимствование происходит не из одного какого-либо языка в другой (например, не из русского в английский или из английского в русский), а из общего понятийного фонда, воссоздаваемого – аналогично, но разными языковыми средствами – в каждом из контактирующих языков. В пределах языкового союза отмечаются процессы создания общей части словарного фонда, формируются также общеязыковые словообразовательные, морфологические и синтаксические категории [5].

Сейчас мы, очевидно, находимся в последней фазе пассивного периода получения информации, т.е. находимся на периферии диалога. Политико-экономические условия складываются таким образом, что нам необходимо после железного занавеса советской диктатуры получить большой объем информации. Особенностями момента является изменение информативной структуры: диалогическим партнером современной России можно назвать всю мировую культуру в целом. В связи с распространением Интернета в России большое влияние на систему русского языка оказывает, прежде всего, английский язык. Поступающие извне тексты на английском языке для некоторой части населения (активно или частично знающих язык) не представляются «чужими». Даже в малообразованную часть населения проникает большое количество англицизмов. Это можно наблюдать по художественной литературе, активно включающей в состав русского текста иноязычную лексику, порой даже в графической форме английского языка, особенно в тех случаях, когда речь идет об Интернете. Так, книга В.Пелевина «Шлем ужаса» – своеобразная «пьеса», созданная в стилистике интернет-

чата, изобилует иноязычной лексикой. Персонажи и сюжеты античной мифологии (влияние греческого и латинского языков продолжает оставаться актуальным) органично встроены в структуру виртуального диалога XXI века. Имена всех персонажей обозначены латиницей: *Ariadna, Monstradamus, Romeo-y-Cohiba, Stiff_zoSSchitan* и др. Иноязычные вкрапления большей частью имеют авторский перевод (– *Nutscracker; Я могу; – Organizm: Здесь только Щелкунчик, Ромео и я? Правильно?),* но некоторые фразы оставлены без подстрочника (*Started by Ariadna: At xxx pm Построю лабиринт…),* что говорит об уверенности автора в понимании этих фраз читателями (такая уверенность 30 лет назад была практически невозможной). Однако уже наступает этап критики усвоенных текстов. Обнаруживается стремление отделить некое высшее содержание усвоенного миропонимания от той конкретной национальной культуры, в текстах которой она была импортирована. Начинает складываться представление, что «там» эти идеи реализовывались в «неистинном» – замутненном и искаженном – виде и что именно «здесь», в лоне воспринявшей их культуры, они находятся в своей истинной, «естественной» среде. Абсолютно некритическое принятие информации сменяется аналитическим периодом. Ярким показателем этого служит благожелательное восприятие публикой эскапад М.Задорнова об американской культуре. Будущее, надеемся, за аккумулированием содержания поступившей информации, ее обновлением и ретрансляцией.

Примечания

1. *Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1998; Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М.,1993; Падучева Е.В. Говорящий: субъект речи и субъект сознания // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.,1992.*
2. *Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб., 2001 .– С.268–276.*
3. *Англия и Россия: диалог двух культур. Теоретические проблемы литературных взаимосвязей. – Воронеж, 1994; Диалог культур – культура диалога. – М., 2002.*
4. *Войлова К.А. Старославянский язык в зеркале славянской культуры книжного слова // Педагогическое образование и наука. – 2004. – №6.*
5. *Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – М., 2004. – С. 251–254.*

Юдов В.С.
НГИ (г. Электросталь)

Диалектика рационального и иррационального в современной культуре

Каждая эпоха обладает бесконечным числом свойств, множеством устойчивых процессов, которые можно квалифицировать как тенденцию. Культурологические характеристики современной эпохи при всем различии подходов сходятся на признании кризисной природы ее переходного состояния. Наиболее очевидной и основополагающей драмой современной культуры является расхождение ее рациональных начал с началами внерациональными (этическими, нравственными, религиозными, художественными и т.д.), проявившееся еще в начале прошлого века.

Истоки культурологического кризиса прослеживаются уже в начале прошлого века, когда пафос познания, поклонения эмпирической реальности техническому и научному прогрессу уже начинает заметно ослабевать и в недрах этой тенденции возникает диалектически противоположная ей идея неизбежности крушения техногенной цивилизации. На рубеже XX века в духовной сфере нарастает ощущение нестабильности культуры, убеждение в неизбежности крушения техногенной цивилизации, происходит переоценка рациональных начал жизни.

Негативная оценка рационального подхода, восходящая к философской мысли Ф.Ницше и М.Хайдеггера, связана, прежде всего, с именем О.Шпенглера. Культура, по мнению О.Шпенглера, переходит на стадию умирания цивилизации, стадию перехода от творческого порыва к бесплодию, когда высокое искусство заменяется массовой культурой, бездуховным техницизмом и спортом. Разрушительная сущность диктата разума, как отмечает О.Шпенглер, приведет к культурной агонии европейскую цивилизацию, к ее гибели вообще, доказательством чему служат мировые и локальные войны XX века, разгул жестокости, массовые психозы, кризис нравственности и т.д. Старая проблема гуманистического

содержания познавательной деятельности («проблема Руссо»), приобретает новое конкретно-историческое выражение: может ли человек рассчитывать на науку в решении глобальных проблем современности? На этой основе подвергается сомнению онтологическая ценность рационального мышления, которое воспринимается как жесткий конструкт, не имеющий возможности объяснить живую, меняющуюся реальность Вопрос об исторических судьбах и роли науки в ее отношении к человеку никогда так остро не обсуждался, как в настоящее время в условиях нарастающего глобального кризиса цивилизации. Предельно пессимистичен взгляд на современный мир высказали французские экзистенциалисты А.Камю, Ж.-П.Сартр.

В социально-политической сфере рождаются идеи социализма, которые самими основоположниками определяются как диалектический возврат на новом историческом уровне к первобытнообщинным реалиям господства общественной собственности и примата коллективного над индивидуальным. На общем бытовом уровне и на уровне массовой культуры и искусства наблюдается засилье мистических настроений, инфляция духовных ценностей, наступление меркантилизма, многообразное проявление инфантилизма. «Мы находимся в состоянии творческого распада, протоплазмы, смеси разложения и нового рождения – аморфной, атональной, дисгармоничной, первобытной» [1].

В годы кризиса рушится доверие к старой системе символов, но еще не найден новый язык, новые ценности. Отсюда стремление вернуться к первоисточникам и отказ от логического, аналитического, дробного в пользу интуитивного и целого. Основной психологической реакцией, по мнению Х.Ортега-и-Гассета, становится стремление к опрощению: человек, потерявший себя в сложностях бытия, надеется спастись в простоте. «Жажда простоты автоматически побуждает человека грезить о прошлых временах – временах архаичных, начальных, лишенных этой запутанности. Отсюда горячее желание вернуться к первоистокам, отсюда жизнь как ностальгия по прошлому, как «возвращение к…», возврат от усложнений, запутанной

культуры к культуре простой и даже больше – от «культуры вообще» к тому, что было до нее, – к голой природе» (Х. Ортега-и-Гассет). Ф.Т.Маринетти призывал творческую интеллигенцию порвать с иллюзией правдивости, которой обманывает себя ratio.

Кризис доверия уму углубился после открытия психологической наукой уровня бессознательного в человеческой личности, которое не только революционизировало психологическую науку, но имело и общий культурологический эффект. Аспект бессознательных мотивов в человеческой деятельности активно осмысливается философией культуры, привлекает внимание теоретиков и практиков искусства. З.Фрейд, по мнению К.Юнга, открыв подступы к бессознательному, сообщил нашей цивилизации новый импульс [2].

К.Юнг, продолживший и развивший учение Фрейда, выявил особую форму существования бессознательного – «коллективное бессознательное», которое как кристаллизация исторического опыта поколений реализуется в качестве архетипических моделей и структур. Архетипы рождаются в недрах коллективного бессознательного и репрезентируют бесчисленные психические опыты однотипных жизненных ситуаций и переживаний, вследствие чего служат основанием создания мифа. Человеческая психика не исчерпывается только сознанием, бессознательное активно участвует во всех проявлениях отдельной личности и культуры в целом. К.Г.Юнг писал об опасности игнорирования фактора бессознательного: «Если девальвация создающего символы бессознательного несет с собой резкий разрыв между рациональным сознанием и бессознательным, то эго-сознание, само того не замечая, будет подавлено теми самыми силами, которые оно отрицает и стремится изгнать. Сознание становится фанатичным и догматичным… В результате сознание порождает бессознательные религии… вроде таких движений как нацизм и коммунизм» [3].

Положительная оценка состояния культуры данного периода, выразившаяся во взглядах Н.Федорова о возможности научного воскрешения

предков, перехода к регулированию земных и космических процессов, преобразования человека (подхваченные впоследствии Т. де Шарденом, В.И.Вернадским, А.Л.Чижевским, К.Э.Циолковским) скорее лишь усиливала общий пессимистический взгляд на динамику культуры этого времени.

Противоречивые процессы культуры и их теоретическое осмысление имеют аналоги в художественном творчестве – первые сигналы опасности кризиса поступали именно из области искусства. Н.Бердяев писал о романтизме начала XIX века, что он есть реакция природно-органического элемента культуры против ее технического элемента. Эта реакция была во многом интуитивной по происхождению и часто символичной по способу выражения как апелляция к запредельному, интуитивному, иррациональному. Импрессионизм выразил ее в размыве предметности цветом и светом, модерн – в акценте на органических формах в орнаментах, архитектурном декоре, соединении органического и условного. Наиболее ярко реакция отторжения рационального проявилась в творчестве символистов (П.Верлен, П.Валери, А.Рембо, Ш.Бодлер, С.Малларме, М.Метерлинк, А.Блок, А.Белый, Вяч. Иванов, Ф.Сологуб и др.) в их склонности к мистицизму, отказе от социальной детерминированности.

Возникает новый тип мифологического сознания, который в значительной мере сгладил противоположение рационально-рассудочных и иррационально-природных начал культур Европы и России, которое было отмечено еще во времена Чаадаева и Данилевского.

Миф есть материализация эйдоса сущности (в терминах А.Ф.Лосева), в мифе сделан акцент на скрытом смысле явленного, форма выражения в мифе монументализируется, упрощается, деформируется в интересах содержания. Языческий идол выходит из адекватности внешней реальности и подчиняется реальности внутренней, метафизической сущности. Форма подчиняется выражаемому ею смыслу, теряет случайные и дополнительные признаки, оставляя только острохарактерные, предельно индивидуальные для данного содержания. Возникает художественный эффект, сходный с эффектом

функциональности форм у механизма, машины. В определенном смысле можно говорить (с соответствующими коррекциями) о «перетекании» методов научного исследования на художественное и литературное творчество. В соответствии с целями научного анализа создается некоторый идеализированный объект исследования, лишенный некоторых необходимых свойств, без которых он не может существовать, но которые затемняют существо протекающих в нем процессов. Сложный объект представляется как бы в очищенном виде, что облегчает его изучение [4]. Вследствие этого обе тенденции развития общества (рационально-рассудочная и иррационально-природная) объединились в пределах художественного творчества, сблизив существовавшие до этого в контрарном противостоянии две культуры: европейскую и российскую.

Изменение художественной интенции сопровождается изменением общего абриса художественной структуры произведения. Прорисовка архетипов включает в себя как старые изобразительные приемы, так и ранее не используемые активно художественные способы, направленные на актуализацию новых тем искусства. В состав художественных средств стали включаться способы иррационального отражения мира: символическое описание, описание ассоциативного характера, проявленное в сновидческих и бредовых состояниях. Совершенно иную функциональную специфику приобретает язык художественного произведения, который теперь призван передавать не только рационалистическое содержание, но также и иррациональное. Яркой приметой нового художественного видения явилось подчеркнутое отсутствие прямой аксиологии. Стремление к познанию глубинных структур человеческой сущности привело к попытке гиперобъективизации отражения действительности, к выражению просто явленности мира, без его субъективного искажения, художественное описание должно стать частью когнитивного процесса, субъективное в художественном творчестве должно уйти на задний план, описание должно стать совершенно объективированным.

В художественном творчестве реальная жизнь в полноте ее проявлений, в ее многогранности и сложности подвергается редуцированию в интересах художественного исследования внутреннего мира героев, сферы их бессознательного. Герой как бы оказывается в тесном пространстве своего “Я”, а его внешнее социальное окружение, погруженное в тень, оказывается и эмоционально, и содержательно менее нагруженным. Это открывает возможность предельного проникновения во внутренний мир персонажей, позволяет исследовать нюансы, оттенки их душевных и духовных состояний, но ценой определенной потери жизненной полноты. Мифологические романы представляют собой не столько целостное и адекватное описание действительности, сколько художественную реализацию определенных философских теорий. Вследствие этого установка на описание бессознательного оборачивается приматом элемента сознательного в творчестве. Подобные произведения характеризует, с одной стороны, некоторая умозрительность, как естественное, органичное воплощение работы личного сознания, а с другой стороны, символизм архетипического как отражение работающего подсознания писателя. Таким образом, мифологические произведения, нацеленные авторской интенцией на отражение объективного содержания, на самом деле становятся субъективизированными, прежде всего, выражающими позицию автора.

В концепции А.Ф.Лосева миф есть нераздельность личности и ее выраженности во внешнем мире, «миф есть имя, развернутое в направлении смысла и идеи, имя, данное как созерцаемая, изваянная смысловая картина сущности и ее судеб в инакобытии» [5].

Для европейской ментальности с эпохи Возрождения характерно противопоставление становящейся личности внешнему, оппозиционному ей миру. Феномен личного, индивидуального, начала детерминирует движение от личности к воссоединению с миром «Как странно, что мировой поток пробегает уже не где-то мимо нас, что он теперь вдруг проходит через наши сердца, что нас зовут приключения и дикие судьбы и что сейчас или вскоре

настанет миг, когда мы понадобимся миру, когда мир начнет изменяться. Удивительно только, что такое одинокое дело, как «судьба», я должен проделать вместе со столькими людьми, сообща со всем миром» – утверждает главный герой романа Г.Гессе «Демиан».

Для дионисийной природы русской ментальности характерно представление о человеке как о личности, растворенной в мире (коллективном целом). Русский человек изначально разомкнут в мир, поэтому путь индивидуации ему необходимо пройти иначе: сначала он должен познать этот мир и затем, через него, самого себя. Поэтому в европейском художественном творчестве прослеживается тенденции от идеи к образу, а в русском творчестве: от образа – к идее.

Различие двух культур на рубеже двух тысячелетий также остро ставит вопрос о принципиальной возможности их взаимодействия, как и столетие назад. А его решение необходимо, прежде всего, потому, что отставание нравственных императивов от уровня развития технологии не просто опасно, а губительно для человечества: «Становится ясно, что путь технологической цивилизации, по которому человечество уверенно шагало последние четыре века, подошел к концу, что с такими стереотипами массового сознания нам попросту не выжить. Нетрудно предположить, что в XXI веке от многих привычных вещей придется отказаться, как в сфере технологии, так и в области идеологии, морали, основополагающих представлений о человеке» [6]. Положительный вариант решения этой проблемы основывается на общности мифологического понимания мира европейской и русской культур: диалектика возвращения к целостному синкретическому восприятию прослеживается на всех уровнях и во всех сферах общественного бытия. Сферы рационального и иррационального спонтанно взаимодействуют как в научной, так и в социально-бытовой сфере.

На повестку дня выносятся вопросы изучения феномена «понимание» как результата взаимодействия между коммуникантами как в пределах одной культуры, так и при межкультурном общении. Выявлено, что продуктивным

подходом к анализу феноменологических параметров понимания является его типология, осуществляемая по различным основаниям. Последние могут быть представлены как система гетерогенных оппозиций, могущих быть иерархически организованными в некоторый комплекс, который позволит охарактеризовать феномен «понимание». Этот комплекс предполагает последовательный учет психологических, социокультурных, деятельностных характеристик обоих коммуникантов, дискурсивных условий, в которых осуществляется интеракция, индивидуальные и социокультурно детерминированные особенности использования интерактантами вербального кода (родного для них и/или неродного), а также когнитивными особенностями, сказывающимися и на кодировании сведений о мире (в том числе и на категоризации и концептуализации средствами языковой картины мира), и на декодировании сведений, активизируемых тем или иным способом при интеракции того или иного типа [7].

Примечания

1. *Юнг К.Г., Нойман Э. Психоанализ и искусство. – М., 1990. – С. 181.*
2. *Юнг К.Г. (а) Воспоминания, сновидения, размышления. – М., 1998. – С. 211.*
3. *Юнг К.Г. Архетип и символ. – М., 1991. – С. 283.*
4. *Концепции современного естествознания. – Р/нД, 1999. – С. 33.*
5. *Лосев А.Ф. Миф – число – сущность. М., 1994. – С. 232.*
6. *Курдюмов С.П. Синергетика и прогнозы будущего. – М., 1997 – С.6.*
7. *Гудович И.С. О диалоге естественнонаучной и гуманитарной культуры// Культура взаимопонимания и взаимопонимание культур. – Ч.1. – Воронеж, 2004. – С.69.*

Степакова В.В.
Педагогическая академия последипломного образования, (г. Москва)

Графический язык как феномен культуры

Велики творения рук и разума Человека, оставленные нам в наследство предшествующими поколениями. Одно из них – искусство изображать окружающий мир.

За многовековую историю человечество создало множество языков общения, большинство из них позволяет передать информацию о событиях, природных явлениях, деловых контактах, чувствах людей, но только один из них передает информацию о форме и геометрических свойствах трехмерных объектов, созданных человеком. В этом – феномен графического языка.

Графический язык позволяет отображать любую форму: геометрическую, техническую, художественную, и в этом проявляется уникальность языка.

Графический язык имеет несколько систем записи: изобразительную и знаковую, что дает возможность отнести его к синтетическим языкам и говорить о его языковой необычности.

Графический язык обладает несколькими методами записи: линейная перспектива, купольная и панорамная перспективы, проецирование на аксонометрическую плоскость и на три взаимно перпендикулярные плоскости проекции, изображение с числовыми отметками, позволяющими получить принципиально отличные графические образы записи информации. В этом также проявляется исключительность графического языка.

Графический язык имеет несколько систем записи: изобразительную и знаковую, что дает возможность отнести его к синтетическим языкам и говорить о его языковой необычности.

Раскроем подробнее некоторые тезисы.

Графический язык и его место в передаче информации о предметном мире. Мы живем в век единого информационного пространства. Это

означает, что осуществляется широкое информационное общение посредством различных средств, методов и способов предъявления информации во всех сферах. За многовековую историю человечество выработало различные способы передачи информации: устные и письменные; знаковые и образные; звуковые, световые, жестовые и т.д.

Информацию, предъявляемую графическими средствами, способами и материалами называют визуальной информацией, поскольку она воспринимается человеком через органы зрения. Наиболее часто мы пользуемся схемами, диаграммами, графиками, техническими рисунками, перспективными изображениями и т.д., с помощью которых осуществляется обмен информацией. Графические изображения характеризуются образностью, символичностью, компактностью, относительной легкостью прочтения. Именно эти качества графических изображений обуславливают их расширенное использование в быту, производстве, технике, науке, искусстве. Прогнозируется, что в ближайшее время до 80% информации будут иметь графическую форму предъявления, что обосновывает необходимость приобретения умения считывать информацию, представленную графическими средствами. Среди всего многообразия графических изображений особое место занимают изображения, выполненные с помощью графического языка.

Исторические предпосылки зарождения графического языка. Проблема происхождения любого общественного явления, в том числе графической культуры и графического языка, может быть правильно решена лишь при учете того, что оно возникает на основе определенной общественной потребности. Графическая культура и ее язык, как явления, происходят из настоятельной необходимости общения с другими людьми в быту и в процессе их трудовой деятельности.

Проблема возникновения и развития графического языка связана с рассмотрением следующих вопросов: зарождение и корни графического языка (науки и практическая деятельность, явившиеся основой графического

языка), графические образы человеческого бытия, которыми оперирует графический язык, причины разнообразия графической записи информации.

Пока не на все вопросы можно ответить однозначно: многие из них остаются «белыми пятнами» в истории развития графической культуры и графического языка. Существуют такие изображения, которые можно отнести как к той или иной области научного исследовании (лингвистики, истории искусства и др.), так и искусства (изобразительного, декоративного). На сегодняшний день четко разграничить между собой изобразительное письмо и символические изображения древности, изобразительные системы (знаковые и другие) – дело непростое. Необходимы критерии (параметры), по которым мы могли бы рассматривать указанные изображения с точки зрения их принадлежности к графическому языку, имеющему свои законы и правила, а также системы записи информации.

Совершенно очевидно, что корни графического языка берут свое начало в седой древности. Возникновение и развитие его начинается в те времена, когда изобразительное письмо было единственным способом сохранения для потомков информации о важнейших исторических, политических, военных и др. событиях, природных явлениях, деловых контактах между людьми. Истоки графического языка находим в идеографической и пиктографической письменности. В первобытных рисунках и древних пиктограммах берет свое начало, зарождается и формируется графический язык, основными языковыми элементами которого являются изображения, символы, буквы, цифры, знаки. Контурные наскальные рисунки, используемые в религиозных и обрядовых ритуалах первобытных людей, изображения, составляющие идеографические письмена, стали отправными для создания контурных изображений, позволяющих передавать формы и геометрические свойства трехмерных объектов, созданных человеком. Контурные изображения составили изобразительную систему графического языка.

Вторая система графического языка – знаковая, также формировалась в течение тысячелетий. К сожалению, история сохранила не много исторических документов, по которым возможно проследить ее эволюцию.

Наличие двух различных языковых систем позволяет рассматривать графический язык как синтетический язык, представляющий собой совокупность развивающихся изобразительных и знаковых систем, взаимосвязанных, взаимодополняющих друг друга и предназначенных для отображения, сохранения, передачи геометрической, технической, технологической и другой информации о трехмерных объектах, создаваемых человеком (подчеркнуто нами – *В.В.*)

Определяя графический язык как совокупность развивающихся систем графического отображения информации, имеем в виду процесс развития и возникновения новых, ранее неизвестных изобразительных систем.

Под изобразительной системой графического языка мы понимаем единство и взаимодействие трех ее составляющих: метода изобразительной системы (метода проецирования), правил использования элементов изобразительной системы графического языка (точек, линий, контуров), изображения объекта (проекции объекта на плоскости).

Изобразительная система (в широком смысле) – совокупность образующих ее элементов, за которые принимаются пространственные образы, определенная теория изображений и соответствующие ей графические изображения. Эти элементы находятся в определенных отношениях между собой (проекционных, геометрических, метрических и др.), образующих определенные связи, характеризующие целостность и единство изобразительной системы.

Древнейшей изобразительной системой (не относящейся к графическому языку) является древнеегипетское письмо, характерным признаком которого является передача информации посредством изображений (условными канонизированными рисунками, линиями, знаками).

В практике архитектурного проектирования используют изобразительную систему перспективных изображений, теоретическую основу которой представляет перспектива. Проекты, выполненные по правилам перспективы, – это графическая запись геометрической и технической информации об архитектурных сооружениях, позволяющая судить об эстетических качествах архитектурного образа.

Примером общепринятой в мире изобразительной системы, используемой в науке, технике, строительстве, дизайне, является система, основанная на методе Г.Монжа. Начертательная геометрия – теоретическая основа этой изобразительной системы, а эпюр – материализация графической записи геометрической информации о трехмерных объектах. На основе этой системы выполняются изображения чертежей технических, дизайнерских и архитектурно-строительных проектов.

Знаковая система графического языка представляет собой совокупность условных знаков, цифр, букв, текстов, которые дополняют, уточняют геометрическую, метрическую информацию изображенных объектов, а также несут самостоятельную информацию технического и технологического характера, необходимую для изготовления и сборки изделий на производстве. Кроме того, знаковая система позволяет уточнять геометрические и конструктивные особенности изображенного объекта. Так, знаки **R**, **∅,** □ – поясняют форму изделия, буквы латинского алфавита **s, l** являются знаками, условно обозначающими толщину и длину изделия, цифры – определяют величину размеров изделия и его частей, буквы русского алфавита **А-А** обозначают изображения сечений и разрезов, сочетание букв, например **Ср.,** означает покрытие поверхности тонким слоем серебра, **Ст. –** марку стали и т.д.

Синтез изобразительной и знаковой систем дает возможность получить емкую графическую запись информации о трехмерном объекте (машиностроительном, архитектурном, строительном, дизайнерском).

Широта применения графического языка позволяет отнести его к коммуникативным языкам делового, международного общения, так как его изобразительную систему составляют графические образы, получаемые методом проецирования, понятные без слов, в отличие от знаковой системы языка, используемой в каждой отдельной стране и частично во всем мире.

С помощью графического языка мы можем мысленно создавать пространственные образы формы объектов и оперировать ими.

Графический язык является элементом культуры современного общества. С помощью графического языка можно отображать новые конструкторские, дизайнерские идеи, архитектурные замыслы, а также необходимые данные для их воплощения. Современный графический язык используется в компьютерной графике, при геометрическом моделировании и выполнении чертежей. Информацию об изделии, записанную с помощью графического языка можно сохранять на дубликатах чертежей, электромагнитных дисках и др.

Проблемы считывания геометрической информации с графических изображений. Графические изображения, созданные с помощью графического языка, обладают свойством метрической определенности и несут в себе полную и точную геометрическую информацию о форме, размерах, пропорциях, положении объекта (или изделия) и его частей в пространстве.

Геометрическая информация на чертеже отображается с помощью линий, знаков и текстов (например “Сфера R20”). Линия – главный элемент графического изображения, являющаяся основным носителем информации о геометрической форме изделия. Линии, изображающие предмет, образуют контуры, которые показывают на чертеже видимые границы поверхности предмета с внешней средой (пространством), границы между поверхностями предмета; абрис фигуры сечения.

Не всякое графическое изображение, являясь единственной проекцией предмета, дает полную информацию о его форме в силу свойств

параллельных проекций. Поэтому для раскрытия полной информации о форме применяют несколько проекционных изображений, представляющих собой систему взаимосвязанных изображений (чертеж).

Чертеж содержит отображаемую и неотображаемую геометрическую информацию о предмете.

К *отображаемой информации* относится вся информация, которая представлена на чертеже.

К *неотображаемой информации* чертежа, называемой «информацией по умолчанию», относится та часть геометрической информации, которая не фиксируется на чертеже, но подразумевается как совершенно очевидная. На чертежах, как правило, не указываются величины углов, равные 90°. Кроме этого, внутри контура изображенного предмета не показывается материал, из которого он изготовлен. Однако, считывая информацию, мы уверены в том, что он существует в реальности. Эта условность для начинающих читать чертежи вызывает трудности в прочтении изображений, поскольку необходимо создать пространственный образ формы.

Вся информация чертежа обладает рядом характерных особенностей, отличающихся степенью условности предъявляемой информации. При всей полноте информации о форме предмета следует на чертеже различать условно неотображаемую информацию, условно отображаемую информацию и частично отображаемую информацию. Названные особенности предъявления информации необходимо знать для правильного чтения и рационального использования изобразительных возможностей графического языка. Часть условностей закреплена ГОСТами ЕСКД. Особенности изобразительной системы графического языка, представленные в типах информации рабочего чертежа, можно видеть из следующей таблицы:

Особенности изобразительной системы графического языка, представленные в типах информации рабочего чертежа

Условно неотображаемая информация	Условно отображаемая информация	Частично отображаемая информация
1. Не показывается материальность объекта. 2. Не изображаются оси координат 3. Не показывается расположение секущей плоскости при построении местного разреза 4. Не показывается направление поворота наклонной плоскости при построении ломаного разреза. 5. Не показываются границы изображения сечений, полученных при построении ступенчатых разрезов. 6. Построение изображений в проекционной связи без нанесения последних на чертежах	1. Изображение резьбы 2. Зубья зубчатого колеса 3. Упрощенное изображение линии перехода поверхностей. 4. Зачернение части окружности одинакового размера. 5. Графическое изображение материала в разрезах и сечения. 6. Изображений покрытий. 7. Изображение рифления. 8. Изображение плоских поверхностей (лысок) на чертежах. 9. Наложенное изображение. 10. Изображение тонкостенных элементов в разрезах. 11. Наложение изображений внутреннего и внешнего контуров деталей при построении чертежа (условно прозрачный материал)	1. Частичное изображение профилей зубьев и шлицов. 2. Обрыв при изображении длинномерных деталей. 3. Частичное изображение симметричных деталей. 4. Частичное изображение повторяющихся элементов. 5. Изображение дополнительных видов элементов деталей. 6.Соединение части вида и части разреза (в том числе половины вида с половиной разреза).

Под условно неотображаемой информацией чертежа мы понимаем такую информацию, которая графически не изображена, но подразумевается, что она известна. Тем не менее, она считывается теми, кто знает систему прямоугольного проецирования на взаимно перпендикулярные плоскости проекции и правила построения видов, разрезов, сечений.

Условно отображаемая информация представляет собой совокупность различных упрощений, условностей, допущений при передаче формы предмета. Условно отображаемая информация о геометрической форме предмета определена ГОСТами ЕСКД.

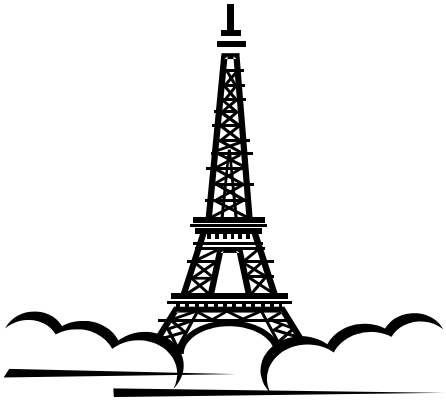
Частично отображаемая информация – информация, позволяющая увеличить информационную насыщенность изображений за счет частичного сокращения изображений. Использование этой особенности названной

изобразительной системы графического языка дает возможность избежать различных повторов в изображениях предмета, при этом сделав акцент на выявлении главных элементов его формы.

Рассмотрение особенностей изобразительной системы графического языка с позиций информационного, лингвистического и системного подходов показывает необходимость их (т.е. особенностей) дальнейшего изучения и ставит перед учеными задачу последующей проработки знаковой системы графического языка. Рассмотрение графического языка с названных позиций углубляет теоретические основы технической графики и создает целостное представление о графической культуре.

Секция 1

Диалог языков и культур. Интерференция языковых картин мира. Особенности межкультурной коммуникации на современном этапе



Александрова Е.М.
МГОПИ (г. Орехово-Зуево)

Интернациональный анекдот: проблемы аналогии

Анекдоты получили широкое распространение в современном обществе и прочно вошли в практику речевой коммуникации как некие «речевые карикатуры» на те или иные явления общественной жизни. Произведения данного жанра широко представлены как в русской, так и во французской и англоязычной (в т.ч. американской) традициях, в каждой из которых существуют аналогичные термины, ср.: «*анекдот*» (рус.), “*anecdote*” (*f*) (фр.), “*anecdote*” (англ.). При этом они обозначают разные понятия, так во французской традиции под анекдотом понимается исторический случай, маленькое забавное происшествие (эпизод, событие, слово, реплика, поступок…) [8, С.364], английский термин также связывается с историческим героем и прецедентом [9, С.11], тогда как русский используется для обозначения двух понятий: короткого рассказа о незначительном, но характерном происшествии из жизни исторического лица, а также небольшого устного шуточного рассказа с неожиданной и остроумной концовкой [2, С.26]. Для обозначения последнего во французской традиции используются термины *blague* (*f*) (шутка), *histoire* (*f*) *drôle* (забавная история) [8, С.15], тогда как в английской – термин *joke* (шутка). Именно небольшой вымышленный шуточный рассказ с неожиданной, остроумной концовкой, обозначаемый в разных культурах терминами *анекдот*, *blague*, *histoire*, *drôle*, *joke*, является объектом нашего исследования.

В настоящее время, возможно, благодаря Интернету, многие анекдоты переводятся и становятся «интернациональными». Интернациональными мы называем анекдоты, существующие на разных языках, имеющие аналогичные сюжеты. В качестве основной причины появления большого количества переведенных текстов исследователями отмечается «бурное развитие анекдотопечатания, которое привело к нехватке анекдотов»,

ликвидировать которую их издатели пытались разными способами, в том числе и «добывая анекдоты из зарубежных изданий» [3, С.395].

Переведенные тексты переносятся в другую культуру, адаптируются к фольклорной среде в соответствии с принятыми в ней нормами жанра, а также языковыми нормами. Они закрепляются за определенными стереотипными ситуациями, приспосабливаются к особенностям национального менталитета, доминирующим ценностям общества и т.д. и функционируют в иной культуре уже в качестве самостоятельных фольклорных произведений.

Проведение межъязыкового сопоставительного анализа подобного рода текстов на русском, французском и английском языках представляет собой попытку выявления их сходств и отличий в различных культурах, что является необходимым для построения теоретической модели для разработки переводческих стратегий в коммуникативных актах, включающих анекдот.

По мнению Н.К.Гарбовского, «…сопоставление оригинальных текстов позволяет избежать некоторых опасностей, которым подвержено сопоставительное исследование текстов оригиналов и текстов их переводов, и в известной степени располагает более объективными данными для анализа» [4, С.13]. Это обусловлено, по мнению автора, двумя причинами: во-первых, «сопоставление оригинального (исходного) текста с текстом перевода ставит исследователя в некоторую зависимость от языкового опыта переводчика» [4, С.13], тогда как при сопоставлении текстов, адаптированных к фольклорной среде исследователь не ощущает индивидуальности третьего лица, во-вторых, «ограниченность переводного материала текстами художественных произведений и текстами лишь немногих жанров научной речи… не позволяет в полном объеме сопоставить “жанры и стили” языков» [4, С.15].

В данном исследовании, интернациональные анекдоты рассматриваются нами с точки зрения их грамматической (морфологической

и синтаксической) аналогии. В ходе работы были выявлены отличия в специфике использования глагольных времен и порядка слов в предложении.

Рассмотрим следующие примеры:

Два немца приехали в Париж. Но поскольку они были большими снобами, то решили выдать себя за англичан. Заходят в кафе на Елисейских полях и заказывают гарсону:

– Two martinis, please!

– Dry? – уточняет гарсон.

А один из немцев отвечает:

– Nein! Zwei!

Deux Allemands **visitent** Paris après-guerre. Comme ils **ne veulent pas** se faire remarquer, ils **décident** de parler anglais afin de se faire passer pour des citoyens britanniques. Ils **s'installent** à une terrasse et **commandent** des consommations:

- Two Martinis, please!
- Dry? **demande** le garçon.
- Nein, ZWEI!

Two German tourists **went** to Paris, France, and they **decided** to speak English because their French **wasn't** good enough and talking German would not make them very popular. So they **went** to a bar and **called** the waiter. "Two martinis, please," **said** the first in perfect English. "Certainly sir," the waiter **replied,** "Would you like dry martinis?" And then the other **bellowed**: "Nein, zwei!"

Обращает на себя внимание тот факт, что для описания ситуации (действий персонажей) в русском и французском примерах используется настоящее время *заходят, заказывают, уточняет, отвечает* и **présent** *visitent, ne veulent pas, décident, s'installent, commandent, demande,* тогда как в английском действия персонажей описываются при помощи **Past Simple** *went, decided, wasn't, went, called, said, replied, bellowed.*

Следует отметить, что авторская речь в русских и французских анекдотах в подавляющем большинстве случаев представлена глаголами в настоящем времени. Эта особенность, по мнению некоторых исследователей, «связана с близостью анекдота народному театру: используя так называемое «настоящее изобразительное», рассказчик представляет действие как бы разворачивающимся в данный момент перед глазами зрителей» [7].

Исключение составляют так называемые одномоментные анекдоты (см. классификацию [1, С.10]), представляющие собой краткие монологические сообщения об одном или нескольких событиях, носящих описательный

характер, в них используются глаголы совершенного вида в результативном значении.

Отличие текстов данной группы от других состоит в том, что их структура представлена только текстом «от автора» и не содержит речи персонажей. Они, таким образом, представляют собой краткие монологические сообщения об одном или нескольких событиях, носят описательный характер и обладают, как правило, минимальной сюжетностью. Текст одномоментного анекдота может представлять собой слово, словосочетание, предложение, развернутый текст.

Слово:

Беременный.

Словосочетание:

Буратино **утонул**.
Колобок **повесился.**

Такие тексты обладают сюжетностью, но сюжетностью минимальной, в них есть глагольная форма, описывающая действие или процесс. В них присутствует несоответствие между субъектом и предикатом, которое, как считает Е.М.Мелетинский, весьма характерно именно для анекдота [6, С.5–10]. Но количество дает новое качество: до предела ослабленная сюжетность, сверхмалый объем текста не позволяют, по мнению некоторых исследователей, отнести такие тексты к собственно анекдотам. При их помощи носители так же, как при помощи «абстрактных» анекдотов, пародируют и высмеивают сам жанр.

Предложение:

Дрессировщик **выпил**, львы **закусили**.

Le marine belge **a organisé** une grande journée portes ouvertes. Et ses trois sous-marirs **ont coulé.**

К данной группе также относятся русские анекдоты о Штирлице:
Штирлиц **наклонился** над картой СССР, его неудержимо рвало на родину.
До Штирлица **не дошло** письмо от Центра. **Не дошло**, хотя он перечитал его еще раз.

По мнению Е.Я. и А.Д.Шмелевых, «…дело здесь в том, что такие анекдоты рассказываются не от лица рассказчика анекдота, а от лица “закадрового диктора”, который является как бы одним из “персонажей” анекдотов о Штирлице (пародируется “закадровый голос” Е.Копеляна из телевизионного фильма “Семнадцать мгновений весны”); ведь на использование глагольных времен в речи персонажей анекдота ограничений не накладывается» [7, С.32].

Одномоментные анекдоты напоминают собой теле-, радио, газетные сообщения. В некоторых случаях в завязке может содержаться указание на место цитации:

Из газеты: «В результате очередной операции в Чечне были задержаны следующие боевики: Камаз Отходов, Подрыв Устоев, Забег Дебилов, Украл Снарядов, Угон Белазов, Захват Аулов».

Carnet mondain.
Mademoiselle Annie Zète s’est mariée avec Ali Coeur. Leur mariage a été célébré par le Pène Neau at l’Abbé Rittif. Les deux témoins étaient Guy Gnaulet et Madame Marthe Inie. Parmi les invités se trouvaient Monica Sisse, Harry Carre, Lydia Bolomante, Charlie Monade, Greux Nadine et Eddy Jestiff accompagné de sa femme chérie Brandie.

Как правило, такие анекдоты и в русской, и во французской традициях построены на каламбурах.

Развернутые тексты:

В СССР **выпустили** почтовую марку с портретом Брежнева. Вскоре пошли жалобы, что марка не приклеивается. Выяснили в чем дело. Оказалось, что перед тем как наклеить марку, люди плевали не на ту сторону.

Très déçu, Saddam Hussein **a du renoncer** à faire imprimer en Irak des timbres à son effigie: quelle que soit la qualité de la gomme utilisée, les timbres ne collaient pas aux enveloppes. Il est vrai que les Irakiens s’obstinaient à cracher du mauvais côté.

Подобные анекдоты, возникающие как непосредственный отклик на некоторое историческое событие, могут подаваться в виде байки (другой речевой жанр, отличающийся от анекдота по своим речевым характеристикам), а также анекдоты о знаменитостях, имеющие сходство с *историческими анекдотами (рассказами о характерных происшествиях из жизни исторических лиц)*, также характеризуются прямым порядком слов.

Следует отметить, что часть английских анекдотов также представлена в настоящем времени **Present Simple**, **Present Continuous**, например:

Sherlock Holmes and Dr Watson **are going camping**. They **pitch** their tent under the stars and **go** to sleep. Sometime in the middle of the night Holmes **wakes** Watson **up.** “Watson, look up at the stars, and tell me what you deduce”. Watson **says**, “I see millions of stars and even if a few of those have planets, it’s quite likely there are some planets like Earth, and if there are a few planets like Earth out there, there might also be life”. Holmes replied: “Watson, you idiot, somebody stole our tent!”

Холмс и Ватсон ночью на болоте. Холмс **говорит**: – Ватсон, что вы видите над нами? – Звезды, Холмс.– И что это вам говорит? – Завтра будет хорошая погода. – Нет, Ватсон! У нас украли палатку!

Sherlock Holmes et Dr Watson **vont** camper et **plantent l**eur tente sous les étoiles. Pendant la nuit, Holmes **réveille** son compère et lui **dit** : «Watson, regarde les étoiles, et dis-moi ce que tu en déduis». Watson **répond**, très inspiré : «Je vois des millions d´étoiles, et si certaines d´entre elles sont des planètes, elles ressemblent un peu à la Terre, et si elles lui ressemblent, peut être qu´il y a aussi de la vie». Holmes **répond**: «Watson tu es un crétin. Quelqu´un nous a volé la tente».

И, все же, в подавляющем большинстве случаев описание действий персонажей в английских анекдотах представлено временами **Past Simple**, **Past Continuous**.

Синтаксическое соответствие, подразумевающее аналогичное описание ситуации (аналогия в расположении элементов высказывания относительно друг друга и в их грамматических функциях), зачастую зависит от типа анекдота.

В структуре жанра могут быть выделены группы анекдотов, имеющие сходство по признакам внешней языковой структуры, а также сюжетно-композиционной структуры с такими жанрами фольклора, как афоризм, загадка, сказка и др., с которыми анекдот активно взаимодействует. Анекдот является своеобразной пародией на другие фольклорные жанры, с которыми также имеет общие грамматические и синтаксические характеристики.

По признакам сюжетно-композиционной структуры анекдоты делятся на бессюжетные (*анекдоты-афоризмы, анекдоты-загадки, анекдоты-шарады, информационные анекдоты, анекдоты-велеризмы*), сюжетные (*анекдоты-драмы, анекдоты-сказки, анекдоты-сплетни, анекдоты-покупки, анекдоты-тосты*) и анекдоты, обладающие минимальной сюжетностью (*одномоментные анекдоты*) [1, С.3–11].

Бессюжетные французские и русские анекдоты, как правило, имеют аналогичные синтаксические структуры. Рассмотрим следующие примеры:

– Знаете ли Вы, как называется ситуация, когда у мужчины две жены?
– Бигамия.
– А когда много жен?
– Полигамия.
– Ну, а если только одна?
– *Монотония.*

- Savez-vous comment ça s'appelle quand un homme a deux femmes?
- La bigamie.
- Et quand un homme a plusieurs femmes?
- La polygamie.
- Et quand il n'a qu'une femme?
- *La monotonie.*

"In some countries," said the geography teacher, "men are allowed to have more than one wife. That's called polygamy. In others, women are allowed to have more than one husband. That's called polyandry. In this country, men and women are allowed to have only one married partner. Can anyone tell me what that's called?"
"Monotony, sir?"

Русский и французский примеры представлены схемой «вопрос – ответ», они представляют собой анекдоты-загадки. Английский аналог классифицируется нами как информационный анекдот. Тексты, отнесенные нами к данной группе, имеют структуру, аналогичную структуре анекдотов-загадок. Их отличает наличие указания на участников речевого акта, а также на условия его протекания. При этом референциальной основой коммуникации не является сюжетная ситуация. В подобных речевых актах реализуется потребность в информации. Таким образом, говорящие названы, описаны условия, в которых совершается речевой акт, но такие анекдоты могут существовать и без вышеуказанных уточнений, сохраняясь при этом в форме загадки.

В большинстве случаев при переводе текстов данного типа, так же как и других бессюжетных анекдотов, возможно сохранение синтаксической структуры исходного текста.

Структуры сюжетных анекдотов аналогичны структурам эпических, повествовательных жанров, таких как сказка, басня, былина, роман и другие, где персонажи не только говорят, но и действуют. Таким образом, комизм может заключаться как в словах, так и в действиях персонажей.

Композиционная структура анекдотов данной группы, как и структуры других сюжетных анекдотов, является более сложной. Как правило, в тексте содержатся все ее элементы (экспозиция, завязка, кульминация и развязка):

Приходит мужик в цирк к директору и говорит:
– Возьмите меня на работу. Я хороший дрессировщик.
– А что вы умеете делать? – спрашивает директор.
– Могу сделать так, что крокодил будет играть на рояле, а бегемот будет петь романсы.
– Не может быть! Это невозможно! Продемонстрируйте!
Мужик притащил откуда-то крокодила и бегемота. Крокодила сажает за рояль, бегемота ставит рядом. Крокодил играет, бегемот поет. Потрясенный директор хватается за голову:
– Но ведь это невозможно! Здесь должен быть какой-то секрет.
– Да, вы правы. Дело в том, что поет и играет только крокодил, а бегемот лишь разевает рот.

Un amateur d'oiseaux s'arrête devant la cage d'un rossignol et l'écoute chanter avec admiration, sans même jeter un coup d'oeil à la vieille perruche triste et déplumée qui partage son perchoir.
– Je l'achète, dit-il au vendeur. Quel est son prix?
– Mille francs les deux.
– Vous ne m'avez pas bien compris. Je ne prends que ce merveilleux rossignol. Vous pouvez vous arder votre vieille perruche.
– Impossible, monsieur. On ne peut pas les séparer.
– Mais pourquoi donc?
– C'est le rossignol qui chante, mais c'est la perruche qui a composé la musique…

Экспозиции вышеприведенных анекдотов представлены различным порядком слов. В русском анекдоте представлен зачин с прогрессивным порядком слов, в самой сильной для письменной речи коммуникативной позиции, в конце высказывания, на которую падает фразовое ударение, оказывается субъект. Для письменной речи на русском языке характерен именно прогрессивный порядок слов [5, С.488].

Во французском примере представлен зачин с регрессивным коммуникативным порядком, при этом использована типичная грамматическая конструкция – субъект вводится с неопределенным артиклем. «Такая конструкция весьма типична для французских высказываний, в которых коммуникативно значимым является субъект», – пишет Н.К.Гарбовский [5, С.492].

Таким образом, французские и русские анекдоты используют разный порядок слов для обозначения коммуникативно значимого субъекта.

Гарбовский Н.К. отмечает, что «русским высказываниям с прогрессивным порядком следования элементов коммуникативной структуры, в которых коммуникативно значимый субъект, мыслимый как общее понятие, оказывается в постпозиции, т.е. на последнем месте, во французском и английском языках обычно соответствуют высказывания регрессивной структуры, в которых субъект обозначен именем с неопределенным артиклем и располагается на первом месте» [5, С.494].

Заходит **мужик** в бар, садится за стойку и знакомится с соседом:
– Бонд... Джеймс Бонд.
– Дамм... Ван Дамм... Клод Ван Дамм... Жан Клод Ван Дамм.

A chicken walks into a diner and takes a seat next to **a man**.
The chicken leans over and asks the man, “Hey there, what’s your name?”
The man looks over to the chicken and replies, “Bond, James Bond. And you?”
The chicken smiles and says, “Ken, Chic Ken.”

Вполне вероятно, что вышеприведенный русский анекдот переведен с английского, так как именно в англоязычной традиции широко распространены анекдоты о Джеймсе Бонде.

В то же время, если субъект мыслится как понятие единичное (знаковый, узнаваемый персонаж, вокруг которого сформированы циклы анекдотов), он соответственно является темой, и в этом случае в русских анекдотах он располагается на первом месте, а во французском и английском языках обозначается именем существительным с определенным артиклем.

Учительница спрашивает Вовочку:
– Я «красива», – какое это время?
– Прошедшее, Мария Ивановна.

L’instituteur demande à Toto:
– Toto, si je dit: «Il pleut», quel temps est-ce?
– Du mauvais temps, M’sieur, ça c’est sûr.

The schoolmistress questions John, a boy with a very alert look.
“Let’s hear, John! If I say to you, I’m beautiful, what tense is it?”
“Past tense, madam.”

Следует отметить, что разные фольклорные традиции обладают различным набором знаковых персонажей, которые не нуждаются в представлении, их число ограничено, и предполагается, что они известны всем носителям языка и представителям данной культуры. Существуют как общие для различных культур (например, *прапорщик/ l’adjudant/ the*

sergeant), так и индивидуальные (напр., *дистрофик* (рус.), *le bourreau* (фр.), *the lawyer* (англ.)) знаковые персонажи.

Изменение порядка слов при адаптации анекдота к иноязычной культуре, если его функции в двух языках не совпадают, является достаточно часто встречающимся видом синтаксического варьирования.

Следует отметить, что для французских и английских анекдотов также характерно использование в начале предложения наречий места и времени.

Заходит мужик к приятелю, а тот сидит, с собакой в шахматы играет. Мужик с удивлением восклицает: – Ну и умная же у тебя собака! А сосед ему отвечает с недовольством: – Да не больно она и умная. Ведь счет 3:2 в мою пользу.	**Dans un bar parisien, trois types jouent au poker**… avec un chien. Stupéfait, un client s'approche de l'un des joueurs et lui demande: – C'est à vous, le cabot? – Oui. – Et il joue souvent au poker, comme ça? – Oui. – Et il joue bien? – Pas tellement, non. Chaque fois qu'il a des bonnes cartes, il ne peut s'empêcher de remuer la queue.

В данном случае экспозиции анекдотов обнаруживают сходство с традиционными зачинами сказок: *Жили-были дед и баба/ Il était une fois un homme et une femme/ Once upon a time there was girl*.

Идет волк по лесу и видит поляну, а на ней сидит заяц и что-то пишет. – Что пишешь, заяц? – Диссертацию. – А тема какая? – Как зайцы волков едят. – Да ты чего, косой, ополоумел что ли? Где это видано? – Как где! Имеются достоверные факты. Хочешь, пойдем в лес, покажу. Уходят они в лес. Через некоторое время заяц возвращается и продолжает писать. Тем временем к нему подходит лиса – Здорово, косой. Чего пишешь? – Диссертацию. – Да? И что за тема? – Как зайцы лис едят. Реакция была еще хуже, чем у волка. Опять они уходят в лес, опять заяц возвращается один и продолжает писать. Приходит медведь. Стандартный вопрос. Но на этот раз диссертация оказалась о том, как зайцы едят медведей. И опять они	Scene: **It's a fine sunny day in the forest; and a rabbit is sitting outside his burrow**, tippy-tapping on his lap top. Along comes a fox, out for a walk. Fox: "What are you working on?" Rabbit: "My thesis." Fox: "Hmmmmm. What is it about?" Rabbit: "Oh, I'm writing about how rabbits eat foxes." (incredulous pause) Fox: "That's ridiculous! Any fool knows that rabbits don't eat foxes!" Rabbit: "Come with me and I'll show you!" They both disappear into the rabbit's burrow. After a few minutes, gnawing on a fox bone, the rabbit returns to his lap top and resumes typing. Soon a wolf comes along and stops to watch the hard working rabbit. (Tippy-tap, tippy-tap, tippy-tippy-tap). Wolf: "What's that you are writing?" Rabbit: "I'm doing a thesis on how rabbits eat wolves." (loud guffaws).

уходят в лес.
Проходя мимо кустов, медведь видит поляну, а в центре сидит огромный лев и вокруг него огромная гора костей.
Мораль: Неважно, какая у тебя тема, а важно кто твой научный руководитель.

Wolf: “You don’t expect to get such rubbish published, do you?”
Rabbit: “No problem. Do you want to see why?”
The rabbit and the wolf go into the burrow, and again the rabbit returns by himself. This time he is patting his stomach. He goes back to his typing.
(Tippy-tap, tippy-tap, tippy-tippy-tap).
Finally a bear comes along and asks, “What are you doing?”
Rabbit: “I’m doing a thesis on how rabbits eat bears.”
Bear: “Well that’s absurd!”
Rabbit: “Come into my home and I’ll show you.”
SCENE: Inside the rabbit’s burrow. In one corner, there is a pile of fox bones. In another corner is a pile of wolf bones. On the other side of the room a huge lion is belching and picking his teeth.
MORAL:
It doesn’t matter what you choose for a thesis topic.
It doesn’t matter what you use for your data.
It doesn’t even matter if your topic makes sense.
What MATTERS is who you have for a thesis advisor.

Вывод: структуры интернациональных анекдотов преобразуются в соответствии с нормами жанра в различных фольклорных традициях. Морфологические и синтаксические преобразования производятся с целью сохранения поэтики жанра анекдота в различных культурах.

Литература

1. *Александрова Е.М. Структурный тип анекдота как речевого жанра// Язык, культура и межкультурная коммуникация: Сб. ст./ Под ред. Н.К. Гарбовского. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – С. 3–11.*
2. *БСЭ. Третье издание.– М., Изд-во «Советская энциклопедия», 1970. Т.2.*
3. *Вознесенский А.В. О современном анекдотопечатании// НЛО. – 1996. – №22. – С.393–399.*
4. *Гарбовский Н.К. Сопоставительная стилистика профессиональной речи. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 144 с.*
5. *Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 544 с.*
6. *Мелетинский Е.М. Сказка-анекдот в системе фольклорных жанров// Мелетинский Е.М. Избранные статьи. Воспоминания. – М., 1998. – 321 с.*

7. *Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 144с.*
8. *Le Grand Robert de la langue française. Deuxième Edition. Paris, 1986. (anecdote V.1, blague V.2).*
9. *9. Putz C. Anecdote// Simple Forms. An Encyclopaedia of Simple Text-Types in Lore and Literature./ Ed. by Koch W.A. - Bochum, 1994. - P. 7-12.*

Барышникова И.В.
МИЛ (г.Москва)

Культурные ассимиляторы как метод повышения межкультурной компетентности

Межкультурная коммуникация и межкультурное взаимодействие в российском образовании занимают важное место, потому что межкультурные контакты стали частью повседневной работы специалистов разных сфер деятельности. Психологи и педагоги, менеджеры и юристы, историки и искусствоведы, программисты и инженеры – все они, как и многие другие, сталкиваются с проблемой межкультурного взаимопонимания. Осознание особенностей своей культуры, понимание специфики других культур является основой межкультурной компетентности.

В последнее десятилетие появилось много учебных пособий по межкультурной коммуникации, во многих вузах факультеты иностранных языков переименованы в факультеты лингвистики и межкультурной коммуникации, в средствах массовой информации все чаще встречаются материалы по межкультурной проблематике. В процессе изучения «иной» культуры используется метод культурного ассимилятора. Это метод направлен на повышение межкультурной чувствительности и на изучение атрибуций другой культуры. Использование культурного ассимилятора помогает преодолеть культурный барьер.

Изучая различные ситуации межкультурных контактов, обрабатывая опыт взаимодействия представителей разных культур, ученые[1] разработали различные программы подготовки обучаемых к межкультурному

[1] Brislin R.W., T. Yoshida. Intercultural Communication Training: An Introduction. Thousand Oaks, 1994.

взаимодействию, включая просвещение, ориентирование, инструктаж и тренинговые занятия[1]. Широкое распространение получил метод культурного ассимилятора, или техника повышения межкультурной сензитивности, описывающая конфликтные ситуации межкультурных контактов. Участникам тренинга предлагается несколько вариантов объяснения поведения субъектов двух культур. Например, анализ ситуации «День рождения», взятый из культурного ассимилятора, предназначенного для обучения студентов: «Ольга – студентка третьего курса экономического факультета. Она приехала из России на двухгодичную стажировку в США, в Калифорнийский университет Лос-Анджелеса, по программе обмена между вузами. Поселилась она в университетском общежитии, в одном студенческом коттедже с четырьмя американскими студентками. Все девушки прекрасно сжились друг с другом, и через три месяца, когда подошел ее день рождения, Ольга решила устроить вечеринку для подруг. Купить на свою небольшую стипендию продукты для праздничного стола она решила в супермаркете, до которого надо добраться на машине. Когда она спросила у соседок, как ей лучше ехать, объяснив причину поездки, она услышала в ответ: «Как? Ты что-то будешь в свой день рождения делать?» Ольга была поражена и не знала, как ей поступить: отметить праздник, пригласить других знакомых или сделать все так, как и собиралась?» Далее предлагаются четыре возможных варианта ответа.

«Как вы можете объяснить причину такой реакции американок, и как следует поступить Ольге?

Американские студентки на самом деле не так уж хорошо относились к Ольге, как ей казалось, и таким образом хотели дать ей это понять.

Соседки Ольги уже запланировали на тот вечер какое-то другое мероприятие и собирались предложить ей пойти с ними вместо вечеринки.

[1] Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.: ИП РАН, Академический проект,1999. – С. 292 – 296.

Американки думали, что в России день рождения не отмечается, и поэтому были удивлены, услышав, что их соседка приглашает их отпраздновать этот день вместе.

Соседки знали заранее о том, что у Ольги день рождения, и считали, что в этот день ее надо освободить от всех хлопот и устроить для нее праздник. Поэтому они не хотели, чтобы она сама занималась подготовкой вечеринки»[1].

Каждый ответ прокомментирован. Три комментария маловероятны, а один ответ лучше всего объясняет удивление американских студенток, которые не ожидали от Ольги активных приготовлений и сами готовили для нее сюрприз. В группе обсуждаются различные результаты выбора решений, обыгрываются и другие ситуации. Главное – в процессе тренинговой работы каждый участник переходит от неточного варианта к правильному ответу, описывающему особенности поведения с учетом «инаковой» культурной специфики.

Использование метода культурного ассимилятора позволяет научить человека воспринимать окружающий мир с иной точки зрения, отличной от своей. Главная цель – понимание иной культуры и адекватное поведение в различных ситуациях межкультурного взаимодействия. «Поступай так, как делают другие. Делай так, как они любят, как им нравится. Это правило означает, что, попадая в чужую культуру, целесообразно поступать в соответствии с нормами, обычаями, традициями этой культуры, не навязывая своих религий, ценностей, образа жизни»[2].

---

[1] Рот Ю. Межкультурная коммуникация. Теория и тренинг / Ю. Рот, Г. Коптельцева. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. – С. 168 – 169.

[2] Почебут Л.Г. Этнические факторы развития личности // Введение в этническую психологию / Под ред. Ю.П.Платонова. СПб: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1995. – С.77.

Дмитренко А.В.
МПГУ (г. Москва)

Особенности межкультурной коммуникации в свете интерференции культур

(на материале англо-русских межкультурных отношений)

Современные тенденции развития международного сотрудничества, необходимость преодоления межкультурных противоречий и конфликтов особенно актуализируют исследование вопросов межкультурной коммуникации, в ряду которых одной из важнейших является проблема взаимодействия культур и наций, напрямую связанная с их межкультурными отношениями.

Восприятие и мнение друг о друге представителей различных стран, народов и культур относятся к числу проблем, которые вызывают интерес не только у широкой общественности. Изучение этих вопросов имеет, несомненно, научное и познавательное значение. Подобно тому, как в личных отношениях мы ориентируемся на сложившиеся представления о человеке, в сфере межэтнических отношений наше поведение строится на том, что мы думаем и как воспринимаем тот или иной народ. Положительный образ человека и народа способствует установлению контактов с ним, а отрицательный оказывается препятствием для таких контактов, для взаимоотношения и сближения.

При этом большое значение приобретает изучение истории того или иного образа «другого», его происхождения и эволюции в общественной мысли страны, исторической памяти народа. Всегда интересно и поучительно также взглянуть на историю собственной страны глазами зарубежных авторов – будь то современника её исследователя или очевидца, наблюдателя происшедших в прошлом событий.

Исследуя область межкультурной коммуникации, сфокусированной на поведении людей, сталкивающихся в разнообразных ситуациях повседневной действительности с различиями в их культуре поведения и их

отношении к представителям другой нации, хотелось бы заострить внимание на двух компонентах межкультурной коммуникации – культурологическом и собственно коммуникативном.

Как представляется, межкультурная коммуникация – это тот перекрёсток, на котором встречаются интересы традиционных гуманитарных наук – социологии, культурологии, психологии, этнологии и др. И не только встречаются, но и диктуют свои правила и законы. Изучение межкультурной коммуникации может производиться с точки зрения каждой из этих дисциплин, не говоря уже о возможности исторического и сравнительно-сопоставительного подходов.

Бытующее на Западе в веках представление о русских как о нации мрачных, редко улыбающихся людей к началу XXI столетия стало подвергаться сомнению. Русские, по мнению англичан, представляют собой, в своём большинстве, нацию совершенно не склонную к оптимизму. Этот факт находит своё научное объяснение и с исторической точки зрения. Россия в течение всей своей истории вынуждена была отражать атаки захватчиков, закрывая свои границы от врага, что символически выразилось в том, что русский рот закрыт и не улыбается.

Размышляя о хмуром, неулыбчивом образе русского человека, сложившегося у англичан, стоит обратить внимание на исторически традиционное отношение русских к улыбке и смеху в русской культуре. С давних времён до нас дошли русские поговорки, в которых заключена мудрость народа, его умение тонко подмечать отдельные стороны жизни человека, в которых раскрывается также его наблюдательность и способность кратко и сжато выражать своё отношение к окружающему миру. Эти поговорки: «смехом сыт не будешь»; «смех до добра не доводит»; «где смех, там и грех», подтверждают в некотором роде правоту англичан по поводу сложившегося у них образа русских. Данные поговорки показывают, что традиции особого отношения к улыбке и смеху в России имеют глубокие корни. Поэтому центральное место в лике России занимает не улыбка,

нетипичный элемент русского лица, а скорее многострадальные глаза, так как, по мнению англичан той эпохи, когда эти поговорки были особенно в ходу, у русских наблюдается скорбный лик.

Существует также идея, выраженная в частности, в работах Е.И.Волковой, о том, что после трагического опыта XIX – начала XX веков, опыта многочисленных войн и разочарований, на официальном лике России пока просто не может быть улыбки.

Таким образом, можно считать улыбку атрибутом западной культуры. В русской культуре преобладают угрюмые, уставшие лица русских на улицах и площадях городов. Образ страны, сложившийся ещё до посещения России англичанами, весьма любопытен. Англичане находят нашу страну мистической. Им трудно понять во время общения с русскими, о чём русские думают.

Согласно опросу общественного мнения, проведённому среди англичан в XX столетии, первые впечатления англичан о нашей стране – холодная и большая. Англичанам трудно понять эмоциональную реакцию русских, как и русскую мимику. Это является серьёзным барьером в общении между двумя народами. Русские – непредсказуемы в общении для англичан. Они производят на британцев неоднозначное впечатление, к сожалению, вызывают отнюдь не положительные эмоции. Они считают нас несколько агрессивными, мрачными и недружелюбными. Особенно трудным является для англичан постижение того факта, что русские «необязательные» и ленивые. Разговор русских на улице часто звучит для англичан так, будто люди ругаются.

Суммируя представления англичан о нашей стране, можно сказать, что Россия видится им как большая, холодная, опасная страна, где жизнь течёт медленнее, чем у них. Россия – евразийская держава, но не Европа, и не Восток в полном смысле слова. Англичане считают русских «другими». Когда наблюдается некоторое потепление в отношениях между нашими

странами, британцы причисляют нас к Европе, когда же отношения ухудшаются между Англией и Россией, то нас сразу причисляют к Азии.

Как известно, у каждого народа есть определенное представление о людях других национальностей, представление, складывающееся веками, часто довольно субъективное, однако не лишенное при этом рационального зерна, то есть так называемой «доли истины». Такие стереотипные образы, конечно же, свойственны каждому народу о других народах. Под стереотипом обычно понимается устойчивый, обобщающий образ, который, по мнению большинства людей, свойствен определённой нации или её представителям. На протяжении длительного времени ведется полемика в научных кругах об определении понятия «стереотип». Нет единого мнения, к сожалению, об этом понятии до сих пор.

В научной литературе можно встретить разные термины – национальные стереотипы, этнические предрассудки, этнические представления, национальные образы и другие – выражающие одно и тоже явление. Изучением стереотипов занимаются самые разные специалисты – социологи, психологи, политологи, филологи, историки и др. в самых разных странах.

Разного рода словари, справочники и энциклопедии достаточно единодушны в определении стереотипа. Все они сходятся в том, что стереотип это – «схематический, стандартизированный образ или представление о социальном явлении или объекте, обычно эмоционально окрашенные и обладающие большой устойчивостью». Стереотип выражает привычное отношение человека к какому-либо явлению, сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта.

Столь же единодушны и словари на Западе: «Стереотип устойчивый, обобщающий образ или ряд характеристик, которые, по мнению большинства людей свойственны определенной личности или вещи, образ, идея, характерная черта и т.д. которые стали устойчивыми и

стандартизированными без учета индивидуальности (и поэтому, видимо, ложны)».

Существует две категории стереотипов: поверхностные и глубинные. Поверхностные стереотипы – это те представления о том или ином народе, которые обусловлены исторической, международной, внутриполитической ситуацией или другими временными факторами. Они меняются в зависимости от изменений в мире и обществе. Продолжительность их бытования зависит от общей стабильности общества. Это, как правило, образы-представления, связанные с конкретными историческими реалиями.

В отличие от поверхностных, глубинные стереотипы неизменны. Они не меняются с течением времени. Безусловно, может меняться отношение к тем или иным чертам, присущим данному народу, но черты остаются теми же. Среди глубинных стереотипов в особую группу выделяются внешние: связанные с внешними атрибутами жизни и быта народа. Несмотря на постоянные перемены в быте народов, они тоже меняются очень незначительно. Меха, самовары, огромные шали – считаются неотъемлемой частью русской жизни вот уже несколько веков подряд.

Следует отметить, что все стереотипы эмоционально окрашены, при этом в отношении ближайших соседей преобладает негативная окраска. В отношении же дальних соседей преобладает обычно позитивная окраска, позитивные черты.

Во всей неразберихе внешнего мира мы выхватываем то, что наша культура уже определила для нас, и мы имеем очевидную тенденцию воспринимать эту информацию в форме стереотипов.

Сложившиеся стереотипные представления о русских и англичанах дают ключ к пониманию их особенностей. Это помогает в общении при межкультурных контактах двух народов. На наш взгляд, важно иметь чёткое представление о том, как нас видят другие, чтобы строить общение с учётом этих традиционных и не всегда неверных представлений.

Англичане считали и продолжают придерживаться точки зрения, что климат оказывает на русских двойственное влияние при формировании характера.

Во-первых, чтобы элементарно выжить, русские вынуждены бороться с враждебными силами природы, и эта борьба развивала в них такие качества, как твердость воли, энергия и сила. Но, во-вторых, будучи не в состоянии изменить природу в благоприятном для себя направлении, русские всё же в конечном итоге склонялись перед ней и подчинялись непреодолимым силам. Так, развивалось терпение, покорность и проявлялась слабость как противоположность твёрдости и воли как качествам русских. Влияние климата, как объяснял английский учёный Морис Беринг, демонстрирует ту смесь русского характера, которая, по признанию английского автора, больше всего озадачивала англичанина, а именно, смесь грубости и добродушия, доброжелательности и жёсткой бесчувственности.

Но всё же в русских преобладает доброта. М.Беринг писал свою книгу «Русский народ» в 1911 году, когда в России наблюдались аграрные бунты, сопровождаемые грабежами и бесчинствами в помещичьих усадьбах.

Термин «Русская душа» появился благодаря знакомству англичан с романами Л.Н.Толстого и Ф.М.Достоевского. Противоречивость характера с этого времени стала приписываться всем классам и слоям общества русских.

Согласно Берингу, в каждом русском есть что-то от Петра Великого, Мышкина и Хлестакова. Русские часто переходят от одного настроения к другому, от отчаяния к дикому веселью, от апатии к энергичности, от покорности к бунту и от восстания к подчинённости.

Так, обычно сдержанные англичане находили, что все русские «подозрительно любопытны» и «отвратительно смехоохотливы». С неодобрением отмечали и то, что русские имеют привычку «слишком много» есть и пить. Причём в самой процедуре пития у обыкновенных русских, по мнению английских наблюдателей, начисто отсутствовала её коммуникативная социальная функция. Они просто залпом выпивают

спиртной напиток и продолжают жадно глотать его, пока не кончится весь запас, или пока не станут мертвецки пьяны. Вот как писали о русских английские писатели ещё в начале XX столетия.

Из книг английских авторов о России можно было также узнать, что русские очень любят поспать. Вздремнуть после еды для русских обязательно. Беспричинная смешливость уже сама по себе представлялась свидетельством вполне определённого уровня умственного развития простолюдина.

Представители же верхнего слоя общества, с которым англичане встречались в странах Западной Европы, в самой Англии и России, напротив казались им чересчур образованными. По мнению Грёхема, русский интеллигент с его свободным знанием иностранных языков и готовых мнений обо всех духовных процессах в Европе заставлял среднего англичанина, даже если тот имел университетское образование, казаться бесцветным.

Положение стало меняться только с наметившимся в 1907–1914 гг. британско-российским политическим и культурным сближением. «Прелесть русской жизни, писал Морис Бэринг, – заключается в её глубокой, прирождённой сердечности, в отсутствии лицемерия.

Русские самые человечные и самые добрые от природы люди Европы. В России больше гуманизма, чем в любой другой стране Европы».

Вот такие характеристики русского народа, данные британскими авторами ещё в начале XX века, оказали влияние на формирование образа «другого». Вот он – образ «другого».

Таким образом, на наш взгляд, стереотипные представления о том или ином народе часто дают ключ к пониманию его особенностей. Чтобы научиться общаться с представителями другой нации, важно иметь чёткое представление о том, как нас видят другие, чтобы строить наше общение с учётом традиционных и не всегда неверных представлений.

Русские же всегда относились к англичанам с определённым почтением. Нами всегда ценилась их деловитость и трудолюбие, уравновешенность, изысканная вежливость, высокий практицизм. Хотя, нами отмечалась сухость и чопорность британцев, а также их некоторая флегматичность в общении с другими. Ведь даже, ругаясь, англичанин, обращаясь, например, к своему конкуренту, скажет: «Дорогой сэр, вы – мошенник». При этом лицо говорящего оскорбительную фразу будет выглядеть невозмутимо, так как спокойствие и выдержка – присущи британцам. Воистину нам есть чему поучиться у англичан, их культуре поведения, а точнее, этикету в общении. В англоязычном мире улыбка – это знак культуры, это традиция, обычай: растянуть губы в соответствующее выражение, чтобы показать, что у вас нет агрессивных намерений, вы не собираетесь ни ограбить, не убить. Англичане – рабы традиций.

Образ «другого» является сложным механизмом, постоянно испытывающим на себе влияние тех политических сил, интересы которых он выражает и, в свою очередь, оказывающим постоянное внимание на общественное мнение, формируя его, и воспитывающим общество в определённом духе.

Положительный образ человека или народа способствует установлению контактов с ним, а – отрицательный оказывается препятствием для такого сближения.

Согласно британской классификации на формирование характера образа «другого» влияют следующие факторы: географический, социальный, психологический, национальный и др. Каждый из этих факторов имеет множество подфакторов, основными всё же являются, по мнению англичан, географический и социальный.

Для россиян важно также при создании образа «другого» знать особенности английского этикета.

Британские бизнесмены стараются показать на переговорах, что они руководствуются благоразумием, компромиссом и здравым смыслом. Можно

заметить, что англичане даже при отсутствии разногласий редко принимают окончательное решение во время первой встречи. Они не любят спешить. Редко открыто выражают своё несогласие с предложением противоположной стороны. Представители других стран во время деловых переговоров с ними хорошо понимают значимость и сдержанных высказываний и юмористических замечаний, но их может раздражать британская неопределённость. Британцы прибегают к ней, чтобы ввести в заблуждение или сбить с толку оппонента или же чтобы просто отложить заключённые сделки на неопределённый срок.

Используя обаяние, неопределённость и типичную британскую сдержанность в высказываниях, юмор и явное благоразумие, британцы могут смеяться на переговорах, но при этом довольно долго оставаться жёсткими. Они всегда занимают оборонительную позицию, которую скрывают как можно дольше. Русским следует обнаружить её признаки, проявляя такое же благоразумие, юмор, сдержанность и упорство.

Английский деловой этикет – это часть культуры. Феномен культуры – это реальная жизнь, имеющая большое значение для общества в целом, а также для организации, группы внутри неё или даже отдельно взятого индивида. Многие исследования сегодня подтверждают, что эффективность деятельности организации зависит от типа силы организационной культуры.

Благодаря полученному опыту межкультурного общения сегодня русские смотрят на мир шире и гораздо терпимее относятся к культурному своеобразию других людей. Соответствующее культурное воспитание может не только свести к минимуму культурный шок, культурную несовместимость русских и англичан, но и способствовать расширению профессиональных контактов в разных сферах жизнедеятельности и увеличению опыта межкультурного общения между Россией и Англией.

Если разумно и правильно использовать культурные различия между двумя нашими народами, то они могут превратиться в источники дополнительных возможностей для русских. Для достижения наилучших

результатов при ведении деловых переговоров с англичанами русским следует применять полученные ими знания и навыки работы с представителями этой страны. Стиль делового общения, его принципы и правила, стратегия и тактика достижения результатов очень существенные моменты в межкультурном взаимодействии.

Деловое общение – это и обмен эмоциями, и взаимодействие, и психологический контакт. Низкая культура корпоративного общения, на наш взгляд, должна считаться неприличием, неуважением обычаев, традиций, общепринятых норм поведения, необходимых для межкультурного общения с представителями других стран.

Егорова Н.А.
НГИ (г. Электросталь)

Южная идентичность в США и региональная идентичность субъектов Российской Федерации

Для каждого человека важно не быть один на один с миром, а ощущать себя членом каких-либо значимых групп – семьи, государства, национальности: «иногда мы сознательно идентифицируем себя с определенной группой или местностью, признавая, что между нами и ними существует какая-то важная для нас связь» [1].

По мнению П.Сорокина, «из всех связей, которые соединяют людей между собой, связи по местности являются самыми сильными. Одно и то же местожительства порождает в людях общность стремлений и интересов» [2]. В итоге образуется группа, отмеченная колоритом данной местности и особенностями, которые отражены в материальной и духовной культуре, менталитете.

Население таких территорий, как Юг США может претендовать не просто на региональную идентичность, но и на особую региональную общность, которая формировалась в течение нескольких столетий их освоения, экономического и культурного развития.

В связи с этим Дж.Ш.Рид предлагает рассматривать южное сообщество «как часть населения страны, которая представляет собой географически-социальное единство, осознает его, гордится своими идеалами и обычаями и ощущает свое отличие от жителей других регионов (*перевод наш – Н.Е.*)» [3].

В американский обиход вошло выражение “southern identity” («южная идентичность») – соответствие чего-либо культуре Юга, образу южных штатов в массовом сознании. В русском языке подобного понятия нет, возможно, потому что проблемы региональной идентичности встали перед нашим отечеством сравнительно недавно. Исследователь Н.В.Сверкунова, многие труды которой посвящены Сибири, сделала предположение о том, что такой общности как «сибирство», в настоящее время не существует. У жителей региона осталась генетическая память о ней, которая проявляет себя в «почти неуловимых оттенках бытия» [4].

Региональная идентичность – довольно сложное структурное образование, в котором можно выделить несколько составляющих. Часто выделяются следующие:

– региональная символика (герб, гимн, флаг);

– неофициальное название региона;

– традиции культуры (литература, музыка, живопись, искусство, кухня);

– региональные праздники [5].

Так как в каждом регионе территориальная идентичность имеет свои особенности, критерии могут варьироваться. В работах, посвященных Югу США, к уже перечисленным особенностям добавляются историческое прошлое и язык [6].

В предлагаемой вашему вниманию статье мы предприняли попытку установить общие и отличительные составляющие южной идентичности в США и региональной идентичности в субъектах Российской Федерации.

На Юге региональная идентичность во многом связана с Гражданской войной 1861–1865гг. Она послужила отправной точкой для возникновения

региональной идентичности как Севера, так и Юга. И хотя война закончилась полтора столетия назад, память о ней бережно хранится.

На Юге она стала хорошо продаваемым брэндом: можно купить мундиры, ружья, бюсты генерала Р.Ли, кинжал Конфедерата, «Поваренную книгу Гражданской войны» [7]. До сих пор существуют периодические издания, посвященные войне, например, ежемесячная газета «Новости Гражданской войны» [8].

Большую популярность имеют общественные организации «Дочери Конфедерации» и «Сыновья Ветеранов Конфедерации». Энтузиасты работают в музеях и архивах, заботятся о могилах погибших, принимают участие в инсценировках битв. Участие в патриотических организациях создает иллюзию принадлежности к элите.

Несмотря на то, что Конфедеративный флаг не имеет официального статуса в Соединенных штатах, его изображение можно видеть повсеместно: на одежде и автомобилях, на спортивных аренах и перед зданием правительства штата. Это выразитель довольно разных эмоций: сопричастности истории, сопротивления политическому превосходству Севера, гордости за предков, осознания себя – Я – Южанин/ Мы – Южане.

Автомобилисты 9-ти штатов (Джорджии, Алабамы, Мэриленда, Южной и Северной Каролин, Теннеси, Вирджинии и Луизианы) могут использовать на номерных знаках эмблему общества «Сыновья Ветеранов Конфедерации», которая включает боевой флаг Конфедерации.

На Юге память о войне стала гражданской религией. Высказывание Марка Твена о том, что для Юга Гражданская война сродни началу новой эры, справедливо и сейчас [9].

Кроме официального административного деления на штаты в США существует и так называемое «поясное» деление на регионы (*belt regions*). В разное время Юг ассоциировался, по крайней мере, с несколькими из них – *the Cotton Belt* (хлопковый пояс, по названию основной агрокультуры, выращиваемой на Юге), *the Sun Belt* (солнечный пояс, в соответствии с более

благоприятным климатом). Сами южане избегают употреблять подобные синонимы, поскольку так видят Юг северяне. Во второй половине XX века все меньше американцев стали верить в Бога. Исследования Фонда Гэллапа показывают, что восемь из десяти наиболее религиозных штатов находятся именно на юге страны [10]. Отсюда ассоциации Юга с «землей обетованной» – *Christendom*. Южане часто используют выражение *the Bible Belt* (библейский или религиозный пояс), сравнивая свою малую родину с «безбожным» Севером. Такие сравнения носят шутливый характер, но, как известно, в каждой шутке есть доля правды.

The North has the Rust belt; the South has the Bible belt [11].

Американский социолог Дж.Ш.Рид установил, что название *Dixie* (по одноименной песне), потеряло свою актуальность, продолжая встречаться в названиях организаций преимущественно в Миссисипи и в некоторых районах Джорджии [6]. В целом, южанам не свойственно называть свое местожительство как-то иначе.

Благодаря ощущению непохожести, самобытности, которое всегда присутствовало у жителей региона, стало возможным развитие южной литературы, музыки, искусства. Из всех перечисленных видов музыка, как отмечают сами американцы, исконно южное изобретение. Корни джаза, блюза, рок-н-ролла, кантри, ритм-энд-блюза стоит искать в Сент-Луисе, Нэшвилле, Канзас-Сити, Мемфисе [12]. Музыкальное направление само может являться визитной карточкой региона, тогда как для литературы нужен некий «носитель» – поэт, писатель, Таковыми стали У.Фолкнер, М.Твен, В.Моррис.

Особенности приготовления пищи, рацион питания жителей Юга отличает их от американцев, живущих на севере и западе страны. Америку часто сравнивают с «плавильным котлом». Кухня южных штатов может по праву считаться результатом его работы. Блюда французской, мексиканской, индейской кухни послужили возникновению того, что в Америке называется “*soul food*” – душевная еда. Известный историк Юга Джон Эгертон считает ее

ключевым элементом в имидже региона, его характере и сути: речь и стиль жизни могут измениться, но любовь к южной кухне останется [13].

With the South itself, no other form of cultural expression, not even music, is distinctively characteristic of the region as the spreading of a feast of native food and drink before a gathering of kin and friends. For as long as there has been a South, and people who think of themselves as Southerners, food has been central to the region's image, its personality and its character (ibid).

Как заметил мудрец: «Мы то, что мы едим». Хотя широкое распространение кукурузы позволяет считать кашу из кукурузной крупы всеамериканским блюдом, именно южане придали ей национальный южный статус. В отличие от северян мамалыгу или *grits* никогда не едят с сахаром или сиропом. Любимая еда стала предметом многих сентенций:

True grits, more grits, fish, grits, and collards.

Life is good where grits are swallowed [9].

Children are like grits: they should be taken out 3 times a day for meals and then be put away [14].

No Grits, No Glory [15].

Аббревиатура *G.R.I.T.S* (Girls/Gentleman Raised in the South) стала особенно популярна после опубликования ряда книг Деборы Форд "The Grits Guide to Life", "Putting on the Grits: A Guide to Southern Entertaining".

Барбекю считается второй религией Юга.

There are two religions down South: Baptist and Barbecue [15, p. 73].

In the South, good barbecue is a religious experience [16].

На особое место этих двух блюд в жизни юга указывает и большое количество исследований, посвященных им. Огромной популярностью в США пользуются книга "Cornbread Nation 1: The Best of Southern Food Writing" и ее продолжения "Cornbread nation 2: The United States of Barbecue" и "Cornbread Nation 3: Foods of the Mountain South" [17].

Барбекю это целое событие, в котором важен процесс, а не результат, это повод собрать вместе друзей и родственников и поболтать. Как и

большинство южных блюд, оно требует долгого приготовления. Но, несмотря на это неудобство, пропаганду здорового образа жизни и распространение сети ресторанов быстрого питания по всей стране, домашняя еда не утратила на Юге актуальности. Наоборот, она завоевывает новые территории. Рестораны, предлагающие блюда южной кухни, такие как *Cracker Barrel*, давно перешагнули за границы региона. Небольшое кафе при автозаправке в Теннеси превратилось в сеть из 538 ресторанов в 41 штате [18].

Мы будем не правы, упомянув только кукурузную кашу и барбекю. Окра, жареный цыпленок, лук видалия [19], холодный сладкий чай это то, без чего Юг невозможно представить. “They say the South – land of iced tea, magnolias, cornbread, front porch swings, watermelons, azaleas, and okra – is losing its identity” [20].

Каждый штат считает делом чести проведение какого-либо «съедобного» фестиваля – барбекю (Lexington, North Carolina; Owensboro, Kentucky), мамалыги (St.George, South Carolina; Warwick, Georgia), окры (Burkeville, Alabama), сладкого лука (Vidalia, Georgia), арахиса (St.Rita, Louisiana).

Одной из тех сфер жизни, в которой довольно ярко проявляется местный колорит, является спорт. Юг США имеет собственный вид спорта – кольцевые автогонки NASCAR. Из игровых видов спорта особенной популярностью пользуется футбол. Превосходство южан в этом виде спорта признается даже северянами. “Fix that, get rid of the Confederate flag and maybe we’ll take you seriously in something other than college football” [11].

Интересно отметить названия университетских команд, которые несут в себе региональную культурную коннотацию: Fighting Okra (Cleveland, Mississippi), Volunteers (Knoxville, Tennessee), Patriots (Tyler, Texas), Rebels (Oxford, Mississippi) [21].

Кроме различных фольклорных, музыкальных и «съедобных» фестивалей, на Юге есть ряд официальных праздников (*state holidays*),

которые являются нерабочими днями. Воспользовавшись данными энциклопедии Американа, мы установили, что многие южные штаты солидарны в их выборе. День памяти Конфедератов отмечается в Алабаме, Джорджии, Кентукки, Луизиане, Миссисипи, Флориде (в Техасе – День героев Конфедерации), День рождения генерала Р.Ли (19 января) – соответственно в Алабаме, Кентукки, Миссисипи, Флориде, Южной Каролине, Арканзасе [22].

Говоря про региональную идентичность Юга, невозможно не затронуть язык, а точнее, то наречие, которое выделяет южан среди остальных жителей страны. “The first thing outsiders notice about Southerners is the way we talk. In fact, if it wasn’t for our speech, some people wouldn’t know a Southerner from Minnesotian” [23].

Особенности речи обладают метафорической силой, помогая слушателю строить образ южанина «по аналогии» – медленная речь = медлительность, несообразительность и т.п.

Учеными доказано, что воспринимаемое на слух протяжное произношение слов (*drawl*), характерное для южан, не связано с более медленным темпом речи [24]. Несмотря на это, северяне представляют соседей медлительными и менее сообразительными. У большинства американцев Юг ассоциируется с провинцией, сельской местностью, а его жители необразованными деревенщинами. “Southerners are perceived to be ignorant imbeciles with the inability to speak correctly” [25]. “Southerners, just by the very sound of the accent, are always less intelligent” [11].

Неизменное добавление *sir* и *ma’am* к ответу на общий вопрос (Yes, ma’am) по отношению не только к старшим, но и к сверстникам и людям моложе, частое употребление обращений подобных *honey*, *darling*, *bubba* (сокращение от *brother*) создали южанам образ людей мягких, учтивых, гостеприимных.

My experience with Southerners is that they are very polite people who like to tell long stories as if they have all the time in the world… A Southerner will

address me as “sir.” A New Yorker will address me as “hey, you!” I will take Southerners over New Yorkers any day of the week [12].

Вместе с тем, северянам часто кажется, что южане недоговаривают или говорят не то, что думают.

I’ve noticed that a lot of southerners are really nice to you, but ya can’t quite tell if it’s sincere or not i.e. when a southerner says, “bless her heart” hmmm... I’m thinking that doesn’t always mean something pleasant?

Southerners tend to be more patient but can be sugary nice and mean at the same time [26]

Автор книги “Suddenly Southern” Морин Даффин-Уорд, уроженка Юга, пишет, что, несмотря на то, что в общении используется один и тот же язык, северянам приходится сталкиваться с «трудностями перевода».

“Tell it like it is” is not a badge of honor down here. Since Southerners don’t always mean what they say, and don’t always say what they mean, beginning listeners tend to lose some things in the translation [25].

Посмотрим, каким образом региональная идентичность строиться в субъектах Российской Федерации.

Во многих регионах России наблюдается процесс возвращения к досоветской символике. Так, в Ростовской области официальным стал гимн Великого Войска Донского «Всколыхнулся, взволновался православный тихий Дон». Утверждена и соответствующая символика – флаг и герб [27]. Герб Тамбовской области представляет собой несколько видоизмененный дореволюционный герб Тамбовской губернии; он же повторяется на флаге. В качестве гимна выбран марш «Прощание славянки» (1912) уроженца области В.И.Агапкина [28].

С 1990-х годов все чаще наряду с административными названиями стали использоваться природно-географические наименования регионов: Кубань (Краснодарский край), Поморье (Архангельская область), Колыма (Магаданская область), Югра (Ханты-Мансийский АО), Кузбасс

(Кемеровская область). В последнем случае неофициальное название всегда было более распространенным.

Так как нас интересует и образ регионов в массовом сознании «соседей», мы посчитали интересным привести следующие сравнения:

Страна арбузов – Астраханская область,

Родина Деда Мороза – Вологодская область,

Бабье царство – Ивановская область,

Земля Абрамовича – Чукотка [5, С.18–20].

В нашем отечестве выдающиеся писатели, композиторы, художники всегда считались общенародными. Сейчас принято обращаться к корням, поэтому все чаще вспоминают, что великий композитор Глинка и поэт Твардовский родились на Смоленщине, а классик русской литературы Тургенев в Орловской области.

В нашей стране регионы прославились не столько особенностями кулинарного искусства, сколько продуктами, производимыми на их территории. Самыми известными являются следующие: астраханские арбузы и черная икра, башкирский мед, краснодарские помидоры, тульские пряники [29].

В России практики проведения «съедобного» фестиваля нет, но появилась традиция пышных празднований юбилеев городов, например 1000-летие Казани (2005), 300-летие Санкт-Петербурга (2003). Как отмечает Н.Петров, «помимо мощного импульса региональному самосознанию каждое празднование оставляет и материальные следы в виде монументов отцам-основателям, реставрации старых и сооружении новых архитектурных символов [5, С.5].

В каждом регионе нашего отечества есть свои главные вида спорта, многие из которых получили развитие еще в советское время (конный спорт и авторалли в Татарии, хоккей в Ярославле, шахматы в Калмыкии. Символами регионов стали и названия команд – Уралочка (Свердловская область), Кубань (Краснодарский край).

Итак, проведенное исследование показало, что региональная идентичность на Юге США и в субъектах Российской Федерации имеют некоторые общие составляющие (региональная символика и неофициальное название региона), однако, с разным наполнением. Региональная символика в обеих странах историческая по происхождению. Несмотря на то, что Флаг Конфедерации несет на себе большую культурную нагрузку, не все жители южных штатов признают его. Мы согласны с Дж.Ш.Ридом в том, что для чернокожего населения и недавних иммигрантов этот признак не актуален [3]. Неформальные названия Юга США теряют актуальность для южан, но довольно часто используются в центральной печати и жителями других частей страны.

В России 18 регионов имеют полный комплект символики, еще в 48 утверждены гербы и флаги. В отличие от Соединенных Штатов в субъектах Российской федерации нет на данный момент региональной литературы, музыки, кухни (исключение – казачья кухня). Причиной тому, возможно, служит иной принцип деления страны (центр – периферия) и долгое существование «уравнительной» системы в период существования Советского Союза.

Все это позволяет сделать вывод о том, что в США южная идентичность уже сформирована. Она позволяет южанам по нескольким критериям выделить «своего» среди «чужих». В картине мира остальных американцев «южная идентичность» аналогична концепту «южанин». При его активации в их сознании всплывает стереотипный образ жителя южных штатов, который:

– верит в то, что Гражданская война еще продолжается или что Юг выиграл;
– имеет дома флаг Конфедерации;
– отмечает день рождения генерала Р.Ли;
– религиозен и предан семейным ценностям;
– гостеприимен и вежлив;

– малообразован и говорит с сильным акцентом;

– предпочитает домашнюю еду (жареного цыпленка, кукурузную кашу, барбекю, сладкий чай);

– болеет за одну из университетских команд по футболу или смотрит гонки NASCAR.

Интересно отметить, что образ южанина в сознании американцев за последние 20 лет почти не изменился. Описанный выше стереотип продолжает бытовать и в наше время. Для сравнения приводим отрывок из книги Дж.Ш.Рида “My Tears Spoiled My Aim” (1983):

We would say, for example, that people who eat grits, listen to country music, follow stockcar racing, support corporal punishment in the schools, hunt possum, go to Baptist churches, and prefer bourbon to scotch (if they drink at all) are likely to be Southerners [3].

Примечания

1. *Southern Identity Crisis. – http://jeanette-cetera.blogspot.com/*
2. *Сорокин, П. Система социологии. – В 2-х томах. Т.2. М.,1993. – С. 210, 213*
3. *Reed, J.S. The South: Where is it? What is it? http://xroads.virginia.edu/~DRBR/REED/tears.html*
4. *Сверкунова, Н.В. Сибиряки и «сибирство» //Восточно-Сибирская ПРАВДА. – 2000. – 7 октября.*
5. *Петров, Н. В. Формирование региональной идентичности в регионах России: общие закономерности, подходы к изучению. – http://www.dartmouth.edu/~crn/groups/centering_group_papers/Petrov.pdf – с.18–20.*
6. *Reed J. S., Reed D. V. 1001 Things Everyone Should Know about the South. New York: Main Street Books; Reprint edition. 1997. – pp. ix–xii*
7. *Civil War Recipes: Receipts from the Pages of Godey’s Lady’s Book/Lily May Spaulding (Editor), John Spaulding (Editor). – University Press of Kentucky, 1999. – 160 p.; Smith, M.E. A Civil War cook book: Typical of the times but timely for today. – Lincoln Memorial University, 1961. – 268 p.*
8. *The Civil War News. – http://www.civilwarnews.com/*
9. *April’s Southern Home: Southern Quotations. – http://www.geocities.com/southernbelle27203/quotes.html*
10. *Harper, J. Church a way of life in Dixie// The Washington Times. 2006 – April 28.*
11. *37 THINGS NORTHERNERS THINK, BUT WOULDN’T SAY TO YOUR FACE. – http://www.blacktable.com/gillin030110.htm*
12. *Perspectives. Domestic Politics Chat. The South Will Never Rise Again. http://www.perspectives.com/forums/view_topic.php?id=77333&forum_id=4*
13. *Egerton, J. Southern Food: At Home, On the Road, In History. – University of Nevada Press; New Ed edition, 1993. – p.6*
14. *Polenta: A Food for Every Day. – http://www.initaly.com/regions/friuli/sims.htm*

15. *Duffin-Ward, M. Suddenly Southern: A Yankee's Guide to Living in Dixie. –New York. Fireside, 2004. – 173p.*
16. *Ciampa, L. Southern cooking – a taste of Dixie// The CNN. – 1996. –July 15.*
17. *Cornbread Nation 1: The Best of Southern Food Writing/ Southern Foodways Alliance, John Egerton (Editor). – University of North Carolina Press, 2002. – 272 p.; Cornbread nation 2: The United States of Barbecue/ Lolis Eric Elie (Editor). – The University of North Carolina Press, 2004. – 320 p.; Cornbread Nation 3: Foods of the Mountain South/ Ronni Lundy (Editor). – The University of North Carolina Press, 2006. – 280 p.*
18. *Cracker Barrel Old Country Store. – http://www.crackerbarrel.com/*
19. *The Vidalia Onion Committee. – http://www.vidaliaonion.org/*
20. *Rhodes K. Southern Identity: A Southern Journal. http://www.asouthernjournal.com/Column/column47southernidentity.htm 2006*
21. *List of U.S. College team nicknames. – http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_U.S._college_team_nicknames*
22. *Американа. Англо-русский лингвострановедческий словарь. Под ред. Г.В. Чернова. – М.: Полиграмма, 1996. – с.914.*
23. *Ford, D. The Grits (Girls Raised in the South) Guide to Life. Plume; Reprint edition. – 2004. – p30.*
24. *Dorrill G. Sounding Southern: A Look at the Phonology of English in the South/English in the Southern United States. Ed. By S. Nagle and S. l. Sanders. Cambridge University Press, Cambridge: 2004 – p. 124.*
25. *Duffin-Ward, M. Suddenly Southern: A Yankee's Guide to Living in Dixie. – http://www.amazon.com/Suddenly-Southern-Yankees-Guide-Living/dp/0743254953*
26. *Solo-Ops Differences between Southerners and Northerners. – soloops.com/forum/lofiversion/index.php/t43213.html*
27. *Госсимволика. – http://www.statesymbol.ru/image/regionsymbol/*
28. *Администрация Ростовской Области. – http://www.donland.ru/*
29. *Портал органов государственной власти Тамбовской области. – http://www.regadm.tambov.ru/*

Кузьмина А.А.
МГОПИ (г. Орехово-Зуево)

Характерные особенности метафорической картины в британской народной балладе

Современный этап развития лингвистической науки характеризуется возросшим вниманием к проблемам взаимосвязи языка и культуры. Особый интерес представляет исследование культурной картины мира в художественном произведении.

Отличительной чертой художественного текста является то, что он содержит не только семантическую, но и эстетическую информацию. Так, по мнению М.Я.Блоха, «цель художественного текста состоит в возбуждении эстетического чувства его потребителя» [1, С.66]. Художественное произведение обладает силой эмоционального воздействия на читателя

благодаря индивидуально-образному изображению мира художником. Художественная картина мира представляет собой «систему образов-представлений о мире, месте человека в нем и связей между ними: о взаимоотношениях человека с действительностью – с природой, с обществом, с другим человеком – и с самим собой» [2, С.74]. Художественный текст как реализация художественной картины мира в знаковой форме связан с концептуальной и языковой картинами мира, которые формируются под влиянием сложных когнитивных структур языковой общности и представляет носителей «идиолекта» в лице поэта или писателя, реализующего её в своей художественной системе [см. об этом: 3, С.18–19].

В настоящей статье предпринимается попытка дать краткую характеристику художественной картины мира в таком жанре британской народной поэзии как баллада. Лингвостилистические особенности британской народной баллады являются достаточно яркими и отличными от особенностей других поэтических жанров, что даёт нам право рассуждать о балладе, как об отдельном весьма самобытном лингвостилистическом явлении, достойном пристального и детального изучения. Британская баллада как поэтический жанр – это имеющий строфическую форму народный лирико-эпический или лирико-драматический рассказ исторического, героического или романтического содержания, повествующий об одном событии или предании, не имеющий существенных признаков индивидуального авторства и созданный не ранее XIII и не позднее XVII веков. Сюжет большинства баллад характеризуется сжатостью, фрагментарностью и драматичностью. Баллада предназначалась для пения, нередко с музыкальным сопровождением.

Анализ художественной картины мира в балладе, как и в любом другом художественном произведении, представляет собой процесс выделения интеллектуальной, этической и эстетической информации, закодированной в

тексте. Этот процесс направлен на реконструирование системы архетипов, ценностей и убеждений, составляющих ментальность автора произведения.

В качестве инструмента исследования художественной картины мира в британской народной балладе мы рассматриваем концептуальную метафору. На наш взгляд, изучение системности метафорических переносов позволяет проникнуть в структуры человеческого мышления. Стереотипной картине мира баллады можно противопоставить картину мира, построенную на концептуальной метафоре, в которой заключено особое видение мира – необычное, вскрывающее индивидуальную сущность предмета. Представляется возможным вывести классифицированную совокупность метафорических номинаций за пределы традиционной картины мира в балладе и выстроить новую парадигму – метафорическую картину мира как упорядоченную систему образов, ассоциаций и коннотаций.

Исследования в теории метафоры (греч. μετβφορα, букв. – перенесение) начаты Аристотелем и насчитывают более двух тысяч лет. При интерпретации метафорических структур за основу принимается понимание метафоры как вторичной косвенной номинации, сохраняющей двуплановость и образный элемент значения. Метафора возникает при уподоблении одного явления другому на основе семантической близости состояний, свойств и действий, характеризующих эти явления. Для лингвистической науки конца XX века особенно значимыми оказались представления о метафоре как о средстве познания и объяснения действительности. Так, представители современной когнитивной лингвистики рассматривают метафору как когнитивное явление, относящееся к универсальным гносеологическим механизмам и к области представления знаний на концептуальном уровне – т.е. как форму мышления [4]. Когнитивные (или концептуальные) метафоры в художественной картине мира в балладе выступают средством постижения, рубрикации, представления и оценки определённого фрагмента картины мира при помощи концептов, относящихся к иной понятийной области.

Специфика такого способа концептуализации во многом зависит от национального, социального и личностного (авторского) сознания. Очевидно, что художественную действительность баллады метафорически концептуализирует не «человек вообще», а представитель народа, живший в Англии, Шотландии или Уэльсе в эпоху позднего Средневековья и Возрождения, и создаваемые им образы имеют субъективно-авторские и, в то же время, национально-культурные корни. Анализ метафорической картины мира баллады позволяет установить характерные для данного языкового отображения тенденции, связанные с обычными для определенного языкового коллектива ассоциациями.

Исследование метафорической картины мира в британской народной балладе позволяет прийти к следующим выводам.

Метафорическая картина мира в балладе антропоцентрична – она отражает явления действительности через призму человеческого сознания. Очевидно, что сам выбор носителя признака часто не подчиняется законам логической целесообразности и происходит в соответствии с субъективно-авторским ассоциативным мышлением. Антропоцентричность картины мира заключается в том, что автор баллады моделирует художественную реальность таким способом, который позволяет метафорически представлять сложные и далекие от повседневности концепты как простые и хорошо известные реалии, познавать и отображать мир таких недоступных непосредственному наблюдению сторон человека, как мысли и эмоции, страсти, этические установки и разного рода межличностные отношения, в соизмерении с физически ощущаемой действительностью с её антропоморфными, зооморфными и т.п. качественными, динамическими и ценностными свойствами. Так, например, любовь метафорически ассоциируется с волшебной страной, болезнью, одушевлённым существом, источником света, природной стихией и узами Купидона: “Love is a fairy land /sickness /an animate being /a source of light /an element /Cupid’s bonds”: As his prisoner there he kept her, /In his hands her life did lie; /Cupid’s bonds did tie her

faster, /By the liking of an eye ("The Spanish Lady's Love"). Горе и другие отрицательные эмоции мыслятся в тождестве с физическим грузом, тяжестью – "Grief is heaviness": But when he came to Bamesdale, /Great heaviness there he had, /For there he found two of his own comrades, /Were slain both in a glade ("Robin Hood and Guy of Gisbome"); 'Gallant captain, show some pity /To a lady in distress; /Leave me not within this city, /For to die in heaviness ("The Spanish Lady's Love"). Рассказ отождествляется с лентой или тканью, жизнь с дорогой, небеса, как религиозное понятие, – с ограниченным пространством (домом, либо садом) и т.д.: "A story is a piece of cloth /a ribbon", "Life is a road", "Heaven is a house /garden".

Человек метафорически концептуализирует действительность в виде некоего подобия своего тела и составляющих его частей и органов, своих физиологических и иных действий и потребностей. Физиологическая метафора – одна из наиболее традиционных в балладе: "The centre of a country is its heart", "The chief assistant is the right-hand man", "The sin is a wound", "One's personal identity /family roots /pedigree /nationality is blood", "The leader is the head": 'Before all others I have chosen thee; /Of a hundred gunners thou'st be my head' ("Sir Andrew Barton"). С другой стороны, человек представляется как бы в центре мира (не только реального, но и воображаемого). Для характеристики человека может быть привлечен признак любого другого существа или объекта, например, красивый человек метафорически соотносится с лебедем, чудом, русалкой, источником света и цветком: "A beautiful person is a swan /marvel /a mermaid /a source of light /a flower": Four-and-twenty nobles rode to the King's hall, /But bonny Glenlogie was the flower of them all ("Glenlogie"); The Earl's sweet daughter walked that way, /And she the fair flower of Northumberland ("The Fair Flower of Northumberland").

Ещё одной характерной чертой метафорической картины мира в балладе является отражение в ней доминантных концептов культуры. При разнородном характере потенциальных образов – носителей определенного

признака – выбираются те, которые наиболее близки и понятны носителю данной культуры. Источниками метафорической экспансии обычно становятся обозначения реалий, которые очень актуальны для общества, хорошо известны людям и вызывают их естественный интерес. Концептуальные метафоры, тяготея к сердцевине культуры, есть отражение наивной картины мира, доминантных культурных концептов. Наибольшее число концептуальных метафор в балладе группируется вокруг понятий, входящих в первый круг предметно-практических связей жизнедеятельности автора баллады – таких понятий, как жизнь и смерть, любовь, материальная собственность, предметы домашнего и сельскохозяйственного быта, физические ощущения человека, растительный и животный мир, элементы ландшафта. Так, в метафорах, связанных с семейными отношениями в балладе семья ассоциируется с главной материальной ценностью любого человека: “Family is a treasure”: ‘Have here my treasure,’ said William then, /‘My wife and children three’ (“Adam Bell”), There lived a wife at Usher’s well, /And a wealthy wife was she; /She had three stout and stalwart sons, /And sent them o’er the sea (“The Wife of Usher’s Well”). В сфере романтических чувств символом любви и средоточием эмоций традиционно считается сердце, при этом зачастую воспринимаемое как одушевлённое существо: “The heart is the embodiment/ receptacle of love/ strong feelings/ a material object/ an animated being”.

Показателен набор концептов, подбираемых для сравнения в компаративных оборотах. Например, красный цвет ассоциируется, в первую очередь, с вишней, а также с вином и розой: “The symbol of redness is blood/ a cherry/ a rose”; белый – с молоком (абсолютное большинство контекстуальных употреблений), далее идут снег, лилия и сыворотка: “The symbol of whiteness is milk/ snow/ a lily/ whey”; символом холода и неподвижности в британской балладе неизменно является глина: “The symbol of stiffness/ cold is clay”: But Meg and her sisters ne’er rose up/ Lay stiff and

cauld as clay (“Meg Drummond”), (ср. в русском языке «холодный как лёд») и т.д.

Продолжая рассуждение о характерных чертах метафорической картины мира в балладе, необходимо отметить, что в концептуальных метафорах баллады находят свое выражение и мифологические представления народа. Для объяснения событий и явлений внешнего мира человеческое сознание традиционно привлекает целый набор символов, которые являются для него доступными и соответствуют системе сложившихся в данном коллективе традиционных представлений. Образность мифологии обусловила почти универсальную по языкам и народным поэтическим жанрам мира серию метафор, которая характерна и для баллады. К примеру, разнообразные понятия, явления и предметы действительности в балладе предстают как одушевлённые существа. К ним относятся, в частности, страны, небесные тела, моря, реки, любовь, смерть, сердце, домашние животные, корабль, лук и стрелы, день и ночь другие: “The Moon is an animate being”: I saw the new moon late yestreen,/ Wi’ the auld moon in her arm (“Sir Patrick Spence”), ‘Come hold thy tongue, thou foolish lass!/ ‘Tis but the moon deceiving thee’ (“The Lochmabyn Harper”). Можно выделить целый ряд концептуальных метафор, делающих картину мира в балладе похожей на цепь уподоблений предметов и явлений действительности сказочным и фантазийным концептам: например, сон или любовь это волшебная страна, в которую уносится спящий или влюблённый (“Sleep is a magic land”, “Love is a fairy land”), любовь мыслится как природная стихия (“Love is a natural element”), смерть это сон, могила – место отдыха (“Death is a sleep”, “The grave is a place for rest/ a bed”), небеса предстают в виде холмов (“Heaven is hills”), ветер ассоциируется с Бореем, дующим в свой рог: “Wind is Boreas blowing his blast”: And Boreas blows his blast so bold/ That all our cattle are like to spill (“The Old Cloak”), луна и звёзды предстают в роли высших судей (“The Moon and stars are the highest judges”), терновник (венчавший Христа), зерно (основная традиционная земледельческая

культура) и трава (элемент традиционного ландшафта) характеризуются как священные растения (“The holy plant is the thorn/ grass/ corn”) и т.д. Метафорический язык народной баллады обслуживает табу. Так прямые номинации смерти заменяются разнообразными перифразами: “Death is making one’s wife a widow /falling asleep /having one’s heart cold /never walking again” и многие другие. Беременность и сексуальные отношения также относятся к табуированным элементам культурной картины мира, например, беременность метафорически ассоциируется с тяжестью: “Pregnant is heavy”: Of her young bairn she’ll ne’er be lighter,/ Nor in her bower to shine the brighter (“Willy’s Lady”). В балладе находят место и религиозные табу, так Бог-отец, Христос и Богоматерь зачастую обозначаются разнообразными перифразами.

Метафора, фактически представляя собой эллиптическую конструкцию, сокращённую форму сравнения, показывает, какие вещи являются эквивалентными или просто сопоставимыми в данной культуре, например, медицина ассоциируется с искусством (“Medicine is an art”), любовь с болезнью (“Love is sickness”), небеса и ад с холмами (“Hell is a mountain”, “Heaven is hills”), возлюбленный – с мёдом и птицей (“A lover is honey”, “A lover is a bird”) музыка с лекарством “Music is a remedy”: And then he played the good gay reel /That might a sick heart make to heal (“King Orpheo”).

Метафоры соотносятся с субъектом референции, как правило, на основе одного предикативного значения. Концептуальная метафора даёт оценочные сравнения, отражающие социальные стереотипы и эталоны поведения, выражает эмоциональное отношение к обозначаемому, соотносимое с чувствами-отношениями типа презрения, стремления к уничтожению кого-либо, желания выразить порицание или, наоборот, восторг, восхищение и т.п. Например, метафорические сравнения с животными дают представление о некоторых моделях поведения, принятых в данном сообществе. Так, собака представляется одним из наиболее распространённых объектов презрения в балладе: “The vilest creature is the

dog”: ‘The King of Spain is a foul paynim,/ And believeth in Manhound,/ And pity it were if fair lady/ Should marry a heathen hound (“King Estmere”). То же, хоть и в меньшей степени, можно сказать о свинье и змее: “The symbol of drunkenness is the swine”, “The symbol of evil is the snake”. Лошади и овцы, наоборот, пользуются уважением, зачастую выступая в балладе как одушевлённые, мыслящие существ: “The sheep /horse is an animate being”.

Сопоставление по параметрам оценки подтвердило относительную симметричность метафорических характеристик в балладе: язык баллады образует метафорические номинации как для обозначения объективно и субъективно положительных свойств, так и отрицательных характеристик.

Исследование метафорической картины мира даёт возможность описать систему ценностей, присущую данному языковому сообществу. Ценностная картина мира, объективно выделяемая в языковой картине мира, содержит систему моральных ценностей, этических норм и поведенческих правил. Анализ метафор позволяет сделать вывод о том, что основными эталонами ценности в картине мира баллады являются жизнь, семья, хлеб, золото и происхождение: “The universal material value is gold/ bread/ life”: And pleased him with all that she had,/ Whom she loved as her life; ‘But I wad give my very life/ I had that ladye to my wife!’ (“Cospatrick”).

Анализ религиозных концептов позволяет прийти к выводу о том, что религиозные идеи и культовые христианские персонажи также занимают в системе ценностей одно из ведущих мест. Так, например, Богоматерь ассоциируется с несравненной девой, святой Дамой, символом чистоты, мягкости и девственности (“Godmother is Lady/ a matchless maiden/ a holydame/ a pure virgin”, “The sacred person is Godmother”). Представление о ценностях картины мира баллады можно получить и при анализе клятв, которые приносят персонажи баллад. Очевиден вывод, что то, чем клянутся, занимает в ценностной иерархии человека достаточно высокое место. В клятвах героев в области-цели нами выделены такие концептуальные единицы, как части тела; жизнь; оружие; Бог-отец, Христос и Богоматерь,

терновник; трава и зерно и некоторые другие. “The sword is a precious possession”: For I vow and I swear by the hilt of my sword/ That your lord shall no more come near ye’ (“Johnie Faa”). “The holy plant is/ corn”: She sware her by the grass sae green,/ So did she by the corn,/ She hadna seen Young Hunting/ Since Monanday at morn (“Young Hunting”).

В заключение нашей статьи можно сделать вывод, что анализ типичных для британской народной баллады концептуальных метафор может являться средством анализа концептуальной, или культурной, картины мира в данном поэтическом жанре. Метафорические обозначения, вплетаясь в концептуальную систему отражения мира в британской народной балладе, окрашивают ее в соответствии с национально-культурными традициями и со способностью языка называть мир тем или иным способом.

Литература

1. *Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка// ВЯ. 2000. №4, с 56–67.*
2. *Соколов К.Б. Теория социокультурной стратификации // Нам 25! Книга о 25 годах исследований социального функционирования искусства Институтом искусствознания. – М., 2002. С. 74.*
3. *Толстой Н.И. Язык и народная культура (Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике). – М.: Серия "Традиционная духовная культура славян". Издательство "Индрик", 1995. – 511 с.*
4. *Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. – Chicago; L.: The U. of Chicago, 1980, – 242 p.*

Johan Maurer

Portland, Oregon, USA

Towards a dialogue of cultures

For the last twelve years, I have taught English as a second language. I have known a variety of students – most have been native speakers of Spanish or Russian or Arabic. But, despite their dramatically varied origins and biographies, their similarities far outweigh their differences.

I’ve been fascinated by how language and culture can serve to accentuate the differences and obscure the similarities. Many participants in this Dialogue of Languages and Cultures conference will have more academic expertise than I have, so I will not attempt to explain these realities, but simply to recount some

examples from my own experience – specifically from an American point of view. My hope for the conference is not to find ways of eliminating differences, but ways of using those differences to encourage a more fruitful dialogue among those who care about culture and languages – students and teachers alike.

Deep communication utterly depends on a shared understanding of cultural context. This does not mean that communication is doomed if we do not belong to the same culture; bridges are always possible. Our aim should not be to conceal differences, but to create a forum where we can compare notes on how our different cultures handle challenges common to all of us.

We cannot ever guarantee perfect communication. Even sharing the same culture does not guarantee clarity. Let me illustrate with two experiences of my own, both from my years as a denominational bureaucrat in the world of American Protestantism:

One experience concerns the word "dialogue." Many American religious liberals consider this word practically sacred. Conservatives, on the other hand, sometimes suspect that "dialogue" is a code word used by liberal intellectuals to disguise their methods of arguing for relativism and against certainty. With this background, I report the following dialogue with a pastor who was visiting my office with a complaint about denominational policy.

Johan: I think we should hold a dialogue with your church members about this concern.

Pastor: I'm sick and tired of dialogues.

Johan: Don't you believe that people who have different viewpoints should exchange their viewpoints and discuss them courteously?

Pastor: Of course! It's just *dialogues* I can't stand!

Another experience relates to the word "sanctuary." To many old-fashioned church people, the word "sanctuary" refers to the largest room in the church building, where worship is held. But during the 1980's and a bit beyond, the word also referred to a social movement in which American church people helped refugees who were in the United States without legal documents, often fleeing

from political repression at home. I soon realized that, in my community, the people who used the word "sanctuary" to mean assistance to refugees never used it in the older sense; and those who continued to use the word in its older churchy sense were unlikely even to know about the "sanctuary movement," much less to support it. It is as if these two groups lived on different linguistic planets. Part of my job was to expand each group's linguistic pool of references so that there was some overlap. I did not have to require either group to change their definitions, only to enlarge them by seeing that the original meaning of "sanctuary" actually had room for both understandings.

I'd like to discuss four interrelated themes that keep recurring in my experience of relating Russian and American cultures: *active vs passive*; *extrovert vs introvert*; *us vs them*; *manual vs automatic*.

Active vs passive

Observers of Russian-English communication such as Lynn Visson and Elena Bogdanovich-Werner often point out that language acquisition and mutual comprehension are sometimes obscured by the tendency of English speakers (especially Americans) to use the active voice and Russians to use the passive voice. I say "I am cold," whereas the equivalent phrase in Russian, when translated literally, sounds passive to my American ears: "To me it is cold." Or: "I want to sleep" vs "Sleep is wanted."

Elena Bogdanovich-Werner provides context for this difference:

Russian abounds with impersonal sentences or other constructions that do not have an active agent. This sentence system is one of the means of expressing a key concept of the Russian conceptual universe: that the individual is a humble passive observer of life, unable to control or fully understand it, as a result of which events usually turn out to have a negative effect on the individual. Hence the abundant use of negative constructions in Russian… and of structures lacking an agent or without an active agent. Recent linguistic data indicate that such impersonal structures are by no means declining in Russian. On the contrary, their

number and types are increasing and include new lexical units that are gradually replacing equivalent sentences with subjects.

Impersonal sentences in Russian serve to express human emotions, physical and mental processes, and acts depicted as being independent of the individual's will. In them, the individual is presented as a passive observer of life rather than an active participant. This sentence pattern (Impersonal Verb [or a word of category of state] + Noun in Dative or Accusative Case) is very productive because it exactly expresses the way Russians experience their lives, emphasizing the fact that certain events occur spontaneously and individuals are not responsible for them.[1]

I appreciate this contextual bridge between the two cultures, but I am wary of making too much of it. I know too many Russians who are not passive, or whose passivity is a public façade concealing a very active life. I also know too many Americans who are content to let life pass by while they do the minimum, blaming others for their misfortunes. Before drawing firm conclusions about real flesh-and-blood speakers based on their use of active or passive constructions, several other variables must also be taken into account: the speakers' own temperaments; their political and historical experiences; their own philosophy and spirituality; even their rhetorical range. (For example, do they ever speak ironically?) Although we are certainly formed by our cultures, including the mental categories represented by linguistic structures, it is unfair to label us before we even introduce ourselves personally.

Most importantly of all, what additional freedom for communication might we experience when we talk together about these half-true generalizations about the supposed correlations of grammatical passivity? When we are isolated, our linguistic patterns can be traps; when we are in communication, they are merely platforms – solid, supportive, but also a point of departure.

[1] "Common Mistakes of Non-native Speakers of Russian, part two," *SlavFile* 14/2 (Spring 2005), p. 17. Also see Lynn Visson, *Wedded Strangers: The Challenges of Russian-American Marriages*, New York: Hippocrene Books, 2001.

There is a perhaps related difference between American English and Russian that is also sometimes given a cultural interpretation: Russians tend to insert negative elements into both questions and assertions, whereas Americans tend to speak positively. More often than not, an American will say "Would you like to see a film," but Russians will say, "Wouldn't you like to see a film?" Asking for directions on the street, an American will say, "How do you get to the Museum of Fine Arts?" (Or, "Can you tell me how you get to…?") The typical Russian equivalent is almost impossible to render in natural English: "You couldn't tell me how to get to the Museum of Fine Arts?"

Again, I am cautious about overinterpreting this difference in cultural terms. Yes, the Russian tendency to use a negative is nearly universal. (To American ears, it can even sound funny, as when the most frequently used word for "quickly!" is *nemedlenno!* – not slowly!) However, the same device is also used at times in English to soften a request or to introduce an element of pleading: "Wouldn't you be willing to…?" "Aren't you ready to…?" One of the most frequent responses to "How are you?" is "Not bad." We have our own devices to soften the blow of a direct reply: "You don't want to do this, do you?" "Not really." My main point is that both languages have devices to soften direct statements, commands, or questions. Perhaps the bigger cultural issue is not these linguistic devices, but the threshold of social access that dictates the level of directness or indirectness required. And this leads to my second theme.

Extrovert vs introvert?

Estimates of the proportion of Americans who are extroverts vary: some say that about 75% of Americans are extroverts; other studies suggest that the numbers of introverts and extroverts in the USA are roughly equal. It may be an overused pop-psychology cliché that Russians are more introverted than Americans, and some observers trace language patterns to this difference. Without a shred of evidence, I believe that the proportions are actually not drastically different in Russia. However, I interpret the language difference as a reflection of our cultures' different understanding of the emotional threshold of relationship. Russian

language, with its negative default assumption, does not presume any relationship or obligation from the listener beyond a self-contained transaction:

1. The Russian speaker does not assume any interest on the other's part in fulfilling the speaker's desire; hence the negative and modest formulation: "You wouldn't be able to…"

2. However, the speaker does in fact expect the other person to be helpful; there is an elemental social expectation that the other person will do the right thing as an objective matter of duty. Strangers will give each other money on the bus in perfect assurance that the money will reach the driver or conductor, a phenomenon that mystifies some Americans.

3. The Russian speaker does not assume that the other wants to turn a routine transaction into a relationship. Courtesy consists of doing the right thing, period. This may explain the relative absence of "please" and "thank you" from routine or commercial exchanges. The "extrovert" face of American culture feels unsatisfied when there is no linguistic caress, even though in reality a deep new relationship is hardly likely or desirable in such routine and impersonal situations.

4. When the right thing is *not* done, the absence of an established relationship does not prevent a Russian from issuing a rebuke. A passenger on a crowded bus, next to a huge box with a new television in it, says to the person idly touching the box, "Why do you touch other people's things?" On another crowded bus, a pensioner who has not found a seat asks the teenagers sitting right in front of her, "What, you don't have a conscience?"

5. When the necessary information has been exchanged, a Russian telephone conversation ends. The American stares at the dead handset, unsatisfied with the absence of closing summaries or pleasantries.

However, every generalization breaks down in the field. I know Russians who say "please" and "thank you" constantly, and Americans who barely utter a grunt. I have a Russian friend with whom it is not possible to speak on the phone for less than half an hour, and I know a New Englander who does not even say goodbye at the end of the call. The general patterns do not limit individual

possibilities; they simply reflect a cultural expectation that, in Russia, informal pleasantries and friendly verbal flourishes are reserved for genuine relationships. In the USA, our culture seems to reflect a need for social reassurance even from non-acquaintances; if Russians require such social reassurances, perhaps those reassurances are usually expressed in the simple exchange of data and ordinary civic helpfulness. In the context of secure relationships, Russians display the same wide range of introversion and extroversion as Americans do.

For the sake of completeness, I should note one related cultural difference, already familiar to everyone at this conference, that has an important language component: English has almost completely lost the distinction between "thou" (ты) and "you" (вы). Only a few isolated groups, such as traditional Quakers, continue to retain "thou" and "thee" for family and other close relationships; some others still use it in church contexts in addressing God. For almost all English speakers, there is never a moment when a relationship must face the question: will I now be addressing "you" or "thee"? We English-speaking students of Russian face this emotional threshold unprepared. Perhaps this is one reason Americans seem less accustomed to calibrating our expressions of relationship, preferring instead to plunge ahead with greater familiarity than non-Americans are prepared to accept.

Us vs them

I am writing this during a tense political season in the USA, when all the members of the House of Representatives, our lower house of Congress, and a third of our Senators, the upper house, are being elected or re-elected to their offices. One of the major issues of the election campaign has been immigration policy. At this same time, immigration policy is a major policy discussion in Russia as well. In both cases, the emotional context of the discussion includes basic issues of national identity.

In the USA, many voters fear the nonviolent reconquest of "el Norte" by Latin Americans, some of whom represent the Mexican nation whose land was made part of the USA during an earlier period of American imperialism. These voters often resent the social expenditures and the alleged job losses caused by

illegal immigration, and are concerned by the danger to national security posed by insecure borders. In Russia, economic refugees and ethnically-based organized crime rings have contributed to suspicion of "foreigners" – even though many of the foreigners are actually Russian citizens, and others were part of the Soviet Union. Complicating all of these discussions is a lack of a common definition of what constitutes the essence of Russian identity – is it linguistic, ethnic, geographic, cultural, historical, or mystical? The subject of Russian identity is far too complex for me to dare to summarize here[1], but the concern has an impact on the cultural bridge between Russians and foreigners.

On the simplest level, the visitor to Russia is always aware that he or she is not quite at home. Once I was on bus 38 from Fryazevo, and I asked the driver to let me off at the last stop on the Fryazevo highway. (As you know, most of the bus stops have names, but I don't know many of those names.) The driver didn't understand me the first time, so I repeated my request; and as I spoke, I could hear someone whispering loudly behind me, in Russian, "He's not 'ours'." I have been in Russia often and long enough to know that this observation is not necessarily negative, it's just the blunt truth. It's also true that the foreigner, once admitted into relationships and friendships by Russians, may be treated with far greater warmth and generosity than a Russian visitor might be treated in the USA, despite the vaunted American love of everybody. Nevertheless, it's important for both sides of this cultural "ours/not ours" divide to be aware of it, and for the American visitor not to pass over it too hastily in his or her eagerness to be liked.

It is a central truth of social psychology that when I encounter a stupid person who is in my tribe or race remains nevertheless an individual, whereas the stupid person of another group can tend, if I'm not careful, to color my perception of that whole group. Americans have to deal with many leftover perceptions of Russians from the Cold War; in the meantime, Russians who draw conclusions about American people from the behavior of the planet's most visible Americans

[1] Two recent helpful English-language surveys of the subject for non-specialists are Vera Tolz, *Russia* (series: Inventing the Nation), New York, Oxford University Press, 2001; and James H. Billington, *Russia in Search of Itself*, Washington, DC, Woodrow Wilson Center Press, 2004.

may have many suspicions of us as a group. For me, this has meant long lectures from taxi drivers on American imperialism; suspicious questions from policemen; pointed speculations from my friends about the American hunger for Middle East oil; and at least one invitation to participate in a dubious joint economic venture.

In connection with language learning, the status of foreigner is actually helpful. Most people don't expect a true foreigner (either a Russian speaking English or a native English-speaker attempting Russian) to achieve the same level of street-level cultural fluency as he or she might achieve in technical fluency. To cross the divide between two cultures is an important achievement that does not require pretending that the divide doesn't exist.

Manual vs automatic

Finally, an important aspect of crossing cultural bridges is learning what each culture considers normal, automatic, "it goes without saying," and what each culture considers debatable or worthy of deliberate attention. Here are examples:

1. Public behavior and appearance are conducted with greater care in Russia than in the USA; but private behavior is often conducted more guardedly among Americans than among Russians, in my experience. Americans feel it is perfectly acceptable to wear their street shoes in their homes, but demand clean public bathrooms. Russians' priorities are usually the opposite.

2. Both Russians and Americans believe in punishing wrongdoers, but their methods of preserving social order and preventing crime are dramatically different. Americans tend to rely on rules and peer pressure (increasingly supplemented by technology, such as alarms and cameras), and Russians tend to rely on vigilance and authority. Driving patterns exemplify these cultural differences; so do bookkeeping methods, and even the legal systems – adversarial in the USA and inquisitorial in Russia, although a convergence may occur in the long term.

3. Russians and Americans are both quick to point out absurdity and injustice. However, many Americans interpret such communication as an invitation to solve the problem. It is almost impossible for an American to hear a complaint and not leap into problem-solving mode. When my Russian friend told

me how the hospital bureaucracy treated her, I wanted to coach her on the best way to demand proper attention. We cannot understand why the Russian doesn't want to join our campaign immediately.

Russians, on the other hand, tend to treat the lament and the problem-solving process as two separate matters. For right now, it is enough to express frustration, and to note yet another example of "only in Russia could such a thing happen." Perhaps later a solution will be found, probably with the help of a connection in the right place. But a good friend, even a good American friend, will learn not to cut short the lament, which has a value of its own. A friend is quick to listen but slow to intervene uninvited.[1]

Differences in cultural priorities lead to misunderstandings of each other, in part because they lead to misunderstandings of our own blind spots. Americans, for example, often suffer from a national messianic complex concerning the spread of democracy, and are unable to see where we have compromised on democracy ourselves, whereas we think we clearly see every authoritarian tendency among Russians. We cry "foul" when the Russian government adopts regulations to register foreign nongovernmental organizations, when our own government has for decades required foreign organizations to register. It is not an unreasonable request in either country. When the American vice president lectures Russians on how to conduct proper elections, many Americans do not see the irony, even though he won his own position through the most irregular presidential election in American history.

There is no magic formula to protect us from communication breakdowns resulting from cultural differences. However, if we remember to consider the potential causes of those breakdowns, and examine our own assumptions and blind spots, we are far more likely to build relationships that can transform misunderstandings into occasions for genuine dialogue – to the enrichment of ourselves and our students.

---

[1] See Nancy Ries, *Russian Talk: Culture and Conversation during Perestroika*, Ithaca, Cornell University Press, 1997, especially pp. 44-45, 118-121. Russian edition: Нэнси Рис, **Русские Разговоры: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки**, перев. Н.Н.Кулаковой и В.Б Гулиды. – М: Новое литературное обозрение, 2005, С. 97-98, 206-212.

Назарова О.Б.
НГИ (г. Электросталь)

Особенности аборигенных заимствований в австралийском варианте английского языка

Одним из основных источников пополнения австралийской лексики является заимствование из языков австралийских аборигенов, которые также называют австралийскими языками. По определению В.И.Беликова, австралийские языки – это языки коренного населения Австралии, кроме папуасского языка Мириам (восточные о-ва Торресова пролива) и тасманийских языков[1]. До появления белых поселенцев на австралийском континенте на протяжении уже нескольких тысяч лет жили племена аборигенов, которые по разным данным общались на 200–300 аборигенных языках. Так как диалектная раздробленность велика, то общее число австралийских языков иногда оценивается в 500–600. Отметим, что термин австралийские языки условен. Генетическая близость между всеми австралийскими языками не доказана.

Предки аборигенов – племена азиатского происхождения – появились на австралийском материке примерно за 40 тысяч лет до прихода европейцев. К моменту появления в Австралии белых поселенцев там жило несколько сот (ученые называют разные цифры: от 500 до 700) племен аборигенов, совершенно независимых друг от друга. Каждое племя имело свое племенное имя, свой язык и обычаи, свою территорию. Из 200 австралийских языков значительная часть находится на грани исчезновения, по следующим причинам:

– иногда былые поселенцы запрещали использование языков коренного населения. Случалось, что детей отнимали у родителей и селили отдельно, разговаривая с ними только на английском;

[1] Лингвоэнциклопедический словарь, С. 12-13.

– иногда именно родители обучали своих детей английскому языку, считая это одним из способов выжить в стране, которая теперь принадлежала белым людям;

– влияние радио, телевидения, журналов, газет, книг[1].

Лишь на так называемом «языке Западной пустыни» говорят 4 тыс. чел., число носителей остальных языков – от единиц до нескольких сотен человек. Многие австралийские языки имеют большое количество диалектов, из-за существенных лексических расхождений взаимопонимание между носителями некоторых из них невозможно. Это затрудняет разграничение языков и диалектов, вследствие чего общее число австралийских языков иногда оценивается в 500–600.

Историю изучения австралийских языков можно разделить на три периода.

1. 30-е гг. XX в. – изучением австралийских языков занимались в основном этнографы и миссионеры. Почти весь опубликованный тогда материал сводился к словникам и кратким грамматическим очеркам, часто написанным с позиции латинской грамматики.

2. 30–50-е гг. XX в. – связан с деятельностью А. Кейпелла, исследователя языков австралийских аборигенов[2], и его учеников. В это время создано большое количество научных грамматических описаний.

3. С основанием в 1961 году Австралийского института изучения аборигенов начался 3-й период изучения австралийских языков. Этот институт координирует все этнографические и лингвистические исследования; появляются детальные грамматики многих австралийских языков, активизируется лексикографическая работа, начинается сравнительно-историческое изучение австралийских языков.

Заимствование лексических единиц из языков аборигенов является одной из наиболее интересных проблем, так как оно происходило на

---

[1] данные из работы Акопян Ю.А., С 123.

[2] Кейпелл А., автор книг «A new approach to Australian linguistics, Sydney, 1956; 2 ed., Sydney, 1962; History of research in Australian and Tasmanian languages, CTL, v. 8, pt. 1. The Hague, 1971.

протяжении всего периода становления австралийского варианта английского языка, и до сих пор является одним из основных источников пополнения лексики AuE (австралийского варианта английского языка).

Рассматривая влияние других языков на AuE, которое было довольно ограниченным, следует отметить иноязычное влияние (европейское и неевропейское) и влияние других вариантов английского языка. В современном AuE сохранилось немного заимствований из европейских языков:

заимствования из немецкого языка (*delicatessen* – деликатесы, *lager beer* – светлое пиво, *schtrudel* – яблочный пирог);

заимствования из испанского языка (*lasso* – лассо, *rodeo* – родео, *lariat* – веревка для привязывания лошадей и мулов, *ranch* – ранчо, *corral* – загон, ферма)[1].

Прочие европейские языки оказали еще меньшее воздействие на AuE.

В результате переселения европейцев на австралийский континент происходило постепенное вытеснение и уничтожение коренного населения. Вместе с аборигенами исчезали и их языки. Английский же язык, наоборот, обогатился за счет заимствований из аборигенных языков, так как языки аборигенов стали источником для наименования объектов флоры и фауны, а также понятий, связанных с жизнью коренного населения. Хотя аборигенных заимствований в австралийском варианте английского языка меньше, чем австрализмов, они сохранили свою ценность, так как являются «живым» материалом, на котором можно исследовать лексико-семантические особенности языковых единиц, их взаимодействие с другими языками, их количественное соотношение и т.д.. Преобладание среди аборигенных заимствований лексических единиц прямой номинации свидетельствует о важной роли, которую они играют в современном AuE – заполняют пустые места, лакуны.

[1] Australian English; the language of new society. – Queensland 1989.

Один из законов этнографии гласит, что высшая культура (в данном случае культура «белых австралийцев») ассимилирует низшую (культуру аборигенов). То же самое применимо и к языку: язык высшей культуры влияет на язык низшей. Однако такое влияние не всегда бывает однонаправленным – язык менее развитого народа в свою очередь тоже воздействует на язык более цивилизованного общества.

Наше внимание привлекает лексический аспект взаимодействия аборигенных языков и AuE, а именно заимствования-сленгизмы на примере тематической группы «природа и природные явления». Выбор тематической группы неслучаен, так как флора и фауна Австралии – одна из групп, где насчитывается наибольшее количество заимствований.

Однако здесь встает вопрос о том, что именно считать заимствованиями. В Австралии 1/3 всех топонимов происходят из аборигенных языков, а словарь географических названий Australian Aboriginal Words and Place Names, (Melbourne, 1965) включает более 3000 слов, и это еще неполный список. Некоторые исследователи языков австралийских аборигенов говорят о том, что если не включать в список заимствований топонимические наименования, то по разным подсчетам, в AuE остается 200–220 аборигенных заимствований[1].

Первым и самым известным заимствованием из аборигенных языков считается слово *kangaroo*, которое проникло в английский язык еще до начала колонизации Австралии. В 1770г. капитан Джеймс Кук высадился на территории современного штата Квинсленд и вступил в контакт с местными жителями, и одним из первых слов, которые он записал, было *kangaroo,* но на языке встретившихся ему аборигенов *kangaroo* означало любое животное, кроме собаки (а не конкретно кенгуру). Кук также не знал о существовании десятков различных языков и сотнях диалектов на территории Австралии. Когда первые колонисты в 1788г. высадились на территории современного штата Новый Южный Уэльс, они встретили другое племя аборигенов, и

[1] Blake B.J., Australian Aboriginal languages, London, 1981.

небольшой словник, составленный Куком на основе языка знакомого ему племени, никак не мог им помочь. Более того, местные аборигены посчитали *kangaroo* словом белого человека; так, сами того не зная, европейцы переносили заимствования из одного аборигенного языка в другие, а аборигены заучивали слова своих соседей, думая, что учат английский язык.

Почти одновременно с *kangaroo* появилось другое слово *quoll* (означавшее одного из животных), но оно не вошло в общеупотребительный язык, а закрепилось в качестве составной части научного термина *Dasywrus quoll* (семейство кошачьих, обитающих в Австралии). По модели *kangaroo* в языке аборигенов образована целая группа слов, заимствованная в AuE и обозначающая различных животных (*potoroo*, *wallaroo*; ср. с образованными по аналогии: *Jackeroo* – управляющий фермой; *jillaroo* – «простушка», деревенская девушка и т.п.).

Все заимствования из аборигенных языков можно разделить на несколько групп.

1. ***Флора**: Bangalow* – the palm (пальмовое дерево), *Belah* – she-oak, разновидность дуба, *Coobah* – eucalyptus dumosa разновидность эвкалипта, *Geebung* – any species of persoonia (виды кустарника), *Mallee* – types of shrubby eucalypt (виды кустового эвкалипта), *Mulga* – type of acacia. Вид акации, в XIX в. также обозначало оружие, сделанное из этого вида акации. Теперь обозначает резные орнаменты на дереве, также употребляется в значении “a rumour, a falsehood”.

2. ***Фауна:*** *Bilby*: Rabbit bandicoot. bandy : Used for a number of different kinds of small snake; *Dingo* – native dog; also used as a term of contempt (собака динго, также в качестве ругательства)., *Kangaroo* – mammals of the macropodidae family, especially large ones, *Koala* – a tree-dwelling marsupial, *Numbat* – marsupial banded ant-eater of Western Australia (муравьед, обитающий в западной Австралии), *Potoroo* – kangaroo-rats (вид грызуна), *Tamma* – a type of wallaby found in Western Australia (кенгуру-валлаби, обитающие в западной Австралии), *Wallaroo* – mountain kangaroos of the

macropus genus (горные кенгуру), *Wombat* – burrowing marsupials of the family vombatidae (вид сумчатых млекопитающих), *Barramundi* (often abbreviated to *barra*) – in general use as the name of the fish (общее название рыб), *Luderick* – the blackfish (даллия), *Toopong* – a fish, of the genus (особый вид рыбы), *Wobbegong* – a number of species of shark (некоторые виды акул), *Yabby* – freshwater crustaceans and marine crustaceans (морские и пресноводные ракообразные), *Brolga* – large kind of crane, also known as the native companion (вид крупной цапли), *Corella* – kinds of crestless white cockatoo (белый безхохолковый какаду), *Galah* – the grey, rose-breasted cockatoo, also used in the extended sense of fool showoff (серый с розовой грудкой какаду), *Kookaburra* – large type of kingfisher famous for its laugh-like call (вид крупного зимородка известного своим криком похожим на смех), *Wonga-wonga* – the pigeon (голубь), *Bardi* – Western Australian for the larvae of barditstus cibarius, edible wood grub (личинка), *Korrumburra* – type of biting fly (вид мухи).

3. ***Культура аборигенов***: *Boomerang* – curved throwing weapon (бумеранг), *Bora* – male initiation site; “bora ring”, a motif drawn on the ground used for initiation (место инициации мужчин, кольцо-бора – узор, который рисуют на земле для инициации), *Coolamon* – wooden dish or shallow vessel (деревянная тарелка или неглубокий сосуд), *Corroboree* – Aboriginal singing and dancing, *Dilly* – a native woven bag for carrying things (плетеная сумка); *Didgeridoo, didjeridu*: An Aboriginal wind instrument (духовой инструмент). *Gundi* – an Aboriginal hut (хижина аборигенов, *Humpy* – an Aboriginal hut, also used of any rough hut or shack (хижина аборигенов, также о любой грубой постройке), *Kylie* – boomerang (a Western Australian word) (бумеранг на западе Австралии), *Mia-mia* – an aboriginal hut (Victorian word) (хижина аборигенов, употребительно в штате Виктория), *Mogo* – stone tomahawk (каменный томагавк), *Nulla-nulla* – Aboriginal club (палка аборигенов), *pitchi* – Aboriginal wooden dish or bowl (деревянная посуда), *Wrri* – a throwing stick (Victorian word) (лук, употребительно в штате Виктория), *balanda* in Arnhem Land (Northern Territory), *gubba* or *gub* in south eastern Australia, *migaloo* in

Queensland, *wajala* in Western Australia, *walypala* in parts of northern Australia – white man (различные названия «белого человека», *wommerra* – an aboriginal spear-throwing instrument (музыкальный инструмент аборигенов), *Gin, Lubra* – aboriginal woman (женщина), *Kipper* – an aboriginal male who has been initiated (мужчина-абориген, прошедший обряд инициации), *Myall* – wild, uncivilized; often used to refer to "bush" Aborigines as opposed to "civilized" ones (дикий, нецивилизованный часто противопоставляет аборигенов из глубины страны (буша) цивилизованным аборигенам)[1], *monatj* (in Western Australia), *booliman* (in Queensland), *gunji* or *gunjibal* (in New South Wales) – policeman (полицейский), *Cunnamulla cartwheel* – a big, broad trimmed hat (большая широкополая шляпа).

4. ***Общеупотребительные слова***: *Weeai* – young aboriginal man (молодой мужчина абориген); *Boong* – an aboriginal, also a native of New Guinea, hence ant dark-skinned person; *Kweeai* – young aboriginal woman (молодая женщина-аборигенка); *Cobbra* – head (голова); *Bingy* – stomach (живот); *Bogey* – to bathe oneself (купаться); *Pyalla* – to talk (говорить, болтать); *Yandi* – to winnow (веять зерно);. *Yakka* – work (работа); *Yarra* – mad; *Jerron* – afraid (испуганный); *Budgeree* – good (хороший).

Большинство слов имеют конкретное предметное значение. Особенностью заимствований из аборигенных языков является то, что эти слова редко приобретают переносное значение. Многие аборигенные заимствования уже устарели, и в современном AuE их остается, по разным подсчетам, всего около 130 лексических единиц.

Кроме тематической классификации представляет интерес и деление заимствований из аборигенных языков на эквивалентные и безэквивалентные. Как видно из приведённого выше списка слов, нет смысла вводить новые названия для уже названных предметов и явлений, поэтому вполне естественно, что безэквивалентных заимствований большинство.

[1] данные из Blake B.J. Australian Aboriginal languages, London, 1981.

Эквивалентные заимствования (проникновения) появляются, когда возникает потребность различить внутри предмета разные его подвиды. В таких случаях исконные и заимствованные слова-синонимы сужают свое значение. Эквивалентные заимствования из аборигенных языков принадлежат сфере повседневного общения, чаще всего эти слова называют человека и части его тела, род деятельности человека или общие понятия.

Аборигенные заимствования являются не только источником пополнения общей лексики австралийского варианта английского языка, но и австралийского сленга. Так, исследуя сленг тематической группы «Природа и природные явления», мы выявили некоторые заимствования из языков аборигенов:

boomah, boomer – a very large kangaroo; *Bunyip* – mythical spirit creature from outback said to reside in or near billabongs; *Corella* – a sheep which has lost some of its wool; *Gibber* – a boulder; *galah* – a loud raucous parrot; *Tautanoola Tiger* – surrounding jungle; *Wummera Shower* – *Woomera* – throwing stick used to launch a spear; *the Mulga* – surrounding jungle; *billabong* – branch of a river cut off from the main stream; *bombora – (bombie, bommie, bommy)* – a dangerous area of broken sea water, usually near the base of a cliff where waves break over submerged rocks; *warrigal, yarraman* – an outlaw horse or wildly behaved station hack; *ghilgai* – *gilgai, gilgie* a saucer-shaped depression in the ground which forms a natural reservoir for rain-water.

Примеры употребления сленгизмов аборигенных заимствований можно найти в австралийской прозе, поэзии, а также в прессе:

1. WALTZING MATILDA

Once a jolly swagman camped by a ***billabong***

Under the shade of a Coolibah tree,

And he sang as he watched and waited till his billy boiled,

You'll come a-waltzing Matilda with me.

Waltzing Matilda, Waltzing Matilda,

You'll come a-waltzing Matilda with me,

‘We buried him in secret an’ a bit o’ ***mulga*** scrub**,**

An’ fought about his blankets at the back o’ Carey’s pub;

But I often think about him when I open up his swag

Or pull my tea and sugar from his swellin’ tucker-bag –

Of course he doesn’t want ‘em now, he’s got his bed and board,

An’ rum-an’-nectar, maybe, at the shanty of the Lord.

2. THE PROSPECTOR’S TOAST

“I give you the toast of the prospectors. The prospector goes out into the music of the silent bush, with his pick in one hand, his water bag in the other hand, and his life in the other. He goes into the bush, where the hand of man has never set foot, and let me tell you, he don’t come back again until he have left his bones to be picked clean by the crows and ***dingoes***.”

3. Katharine Susannah Prichard *“Coonardoo”:* The country was dead and dry for hundreds of miles, even ***the mulga*** dying (27).

4. John O’Grady (Nino Culotta) *“Cop this lot”*: “Wot’s the betting yer mother was frightened by a ***galah***?”

5. 1847 Alexander Harris *Settlers and Convicts* ed. C.M.H.Clark (1954) 87: He did not object to stow himself ...under the **‘*gibbers*’** (overhanging rocks) of the river.

6. 1948 K.S.Prichard *Golden Miles* 244: He was toddling now, a sturdy, obstreperous youngster with a shock of dark hair, and ‘the wicked look in his eye of a regular young ***warrigul***,’ Dinny said.

7. 1975 Sydney Morning Herald 1 Dec. 2: Five men were tossed about in the darkness on a small liferaft for two hours yesterday after their yacht struck a reef and later sank. The mishap occurred about 3 a.m. when the yacht... struck a ***bombora*** about a kilometer off Norah Head.

Приход европейцев на континент изменил жизнь аборигенов, привел к резкому сокращению их численности и к угасанию самобытной культуры. Удивительно, но чем меньше становилось в Австралии аборигенов, тем больше внимание привлекали к себе их обычаи и традиции, их верования, их

языки. Так, в 30-х гг. XX века в австралийской литературе появилось движение, пропагандировавшее свободу от европейской литературной зависимости, призывавшее связать культуру современной Австралии с наследием аборигенов. Основателем движения был Реджинальд Чарльз Ингамеллз, а само движение называлось джиндиуоробакизм (*Jindyworobak* – «присоединить, включить в состав»).

Как отмечает Акопян Ю.А., исследователи языков австралийских аборигенов солидарны в оценке: все эти языки отличаются точностью, резко выраженной конкретностью и достаточно полным выражением мысли[1]. Ученые так же отмечают, что в племенных языках много названий для всего конкретного и единичного, что позволяло аборигенам в зримых, слышимых, осязаемых подробностях представить в речи внешний мир. «У них (австралийских аборигенов) нет общих слов, как дерево, рыба, птица и т.д., но есть исключительно специфические термины, которые применяются к каждой особой породе дерева, птицы и рыбы». «Австралийцы имеют отдельные имена почти для каждой мельчайшей части человеческого тела: так, например, вместо слова «рука» у них существует много отдельных слов, обозначающих верхнюю часть руки, ее переднюю часть, правую руку, левую руку и т.д.»[2].

Итак, аборигены и выходцы из Европы стали соседями, жителями одного континента. В этой ситуации логично, что один язык заимствовал у другого некоторые слова и выражения. По словам Рэмсона, «языки аборигенов оказались ни чем иным, как подходящим источником многочисленных наименований объектов нового окружения, в котором оказались переселенцы из Англии, а также понятий, связанных с жизнью и бытом коренного населения»[3].

Исследование австралийского варианта английского языка продолжается в нескольких направлениях и одно из них – исследование

---

[1] Акопян Ю.А., С. 123.
[2] Мечковская Н.Б., С. 146.
[3] цит. по Романюк Л.Э., С. 22.

региональных отличий внутри австралийского варианта английского языка возглавляет австралийский национальный лексикографический центр. Усилиями ученых центра было создано несколько словарей-регионализмов. Центр также занимается изучением заимствований из языков аборигенов и в 1990 г. выпустил словарь аборигенных заимствований в английском языке Австралии (Australian Aboriginal Words in English). В этом центре проводятся исследования особенностей английского языка аборигенов, а в 1996 г. был опубликован словарь английского языка аборигенов (Aboriginal English: A Cultural History).

Литература

1. *Акопян Ю.А., Лексико-семантические особенности австралийского варианта английского языка (на материале австралийской поэзии), Автореферат дисс… канд. фил.наук, Москва, 2003.*
2. *Мечковская Н.Б., Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманит. вузов и учащихся лицеев. – 2-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2000.*
3. *Романюк Л.Э., Локальная маркированность фразеологических единиц (на материале субстантивных и глагольных фразеологизмов австралийского варианта английского языка): Дисс. ... канд. фил. наук. – Москва, 1979.*
4. *Blake B.J., Australian Aboriginal languages, London, 1981.*

Использованные словари

1. *Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская Энциклопедия, 1990.*
2. *Australian Aboriginal Words and Place Names, Melbourne, 1965.*
3. *Australian English; the language of new society, Queensland 1989.*

Художественная литература и пресса

1. *Alexander Harris, «Settlers and Convicts», ed. C. M. H. Clark, 1954.*
2. *Australian book society, Melbourne, 1954.*
3. *O'Grady John (Nino Culotta) "Cop this lot", Child & Henry Publishing Pty Ltd, 1987.*
4. *Prichard K S., "Coonardoo", Progress Publishers, 1968.*
5. *Prichard K. S., Golden Miles, 1948.*
6. *Sydney Morning Herald, 1 Dec. 2, 1975.*

Николаева М.Н.
НГИ (г. Электросталь)

Диалог культур и его отражение в языке

(на примере лексической группы «Кухня народов мира» в английском языке)

В современном мире для установления, развития и поддержания отношений в разных областях экономической, политической и социально-культурной жизни необходимо преодоление не только языкового барьера, но и барьера, связанного с культурной (понятийной) картиной мира. «Если языковый барьер, – как пишет С.Г. Тер-Минасова, – абсолютно очевиден, то барьер культур становится явным только при столкновении (или сопоставлении) родной культуры с чужими, отличными от нее» [1, с.33].

Культурная (понятийная) картина мира – это отражение реальной картины через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его сознание, как коллективное, так и индивидуальное [там же, с.41].

Культурная картина мира специфична и различается у разных народов. Ее специфика обусловлена целым рядом факторов – географией, климатом, природными условиями, историей, социальным устройством, верованиями, традициями, образом жизни и т.п.

Существует много способов знакомства с иноязычной культурой. Одним из способов познания культуры других народов является знакомство с национальной кухней и лексикой, обозначающей ее. В определенной степени кулинарные блюда и их названия отражают реалии и понятия национальной культуры. Народная мудрость гласит: чтобы узнать человека, надо с ним пуд соли съесть. То есть, как минимум разделить с ним трапезу, ведь нигде так ярко не проявляется характер, как за столом. Это правило применимо и к целым народам. Кухня отражает все: историю нации, ее темперамент и мышление.

В лингвистическом мире постоянно проводятся эксперименты по созданию культурной карты мира. В 1994г. норвежские исследователи по межкультурной коммуникации разработали и представили культурную карту мира на международном конгрессе SIETAR в Финляндии. Среди культурных стереотипов, отражающих представления о странах, на этой карте присутствовали понятия, связанные с национальной кухней.

На культурной карте Европы, составленной студентами факультета иностранных языков МГУ в 2000г., среди различных культурных ассоциацией присутствует много понятий, относящихся к области национальной кухни разных народов. Более того, одна из карт Европы была полностью построена на ассоциации той или страны с национальной едой. Много культурных стереотипов, связанных с тем или иным видом национальной еды, было отражено на этих картах. Достаточно любопытным является тот факт, что Великобритания в сознании некоторых студентов МГУ ассоциируется с понятием «незнакомая кухня» (unknown cuisine) [там же, с.42].

Среди студентов факультета иностранных языков 3–5 курсов НГИ был также проведен аналогичный опрос на выявление культурных ассоциаций страны с национальной кухней. Самое большое разнообразие культурно-понятийных ассоциаций о национальной кухне было высказано в связи с Францией, далее следуют Великобритания, Италия, Германия, США и Япония. Удивительно, что студенты не назвали ни одного национального блюда или продукта, которые в их сознании ассоциируются с Австралией, Новой Зеландией и Канадой. Этот факт объясняется наличием «нулевых» социокультурных отношений, характеризуемых несформированностью образа страны в массовом сознании ввиду отсутствия контактов и недостаточности информации [2, с.198].

Культурными стереотипами студентов НГИ о национальной кухне США являются наряду с собирательным метонимическим понятием блюд

быстрого приготовления «*fast food*», также отдельные виды этой еды, в частности *cheeseburger, hamburger, chips, Coca-Cola*.

К культурно-понятийным стереотипам Великобритании студенты отнесли *pudding, bacon-n-eggs, fish & chips, toast with jam, porridge, beefsteak.* Франция ассоциируется с *сыром, вином, шампиньонами, улитками, шампанским, трюфелями, лягушачьими лапками, круассанами, устрицами, корнишонами, фуа гра*; Германия с *пивом, жареными колбасками, баварскими сосисками, шнапсом.* Италия представлена *спагетти (пастой), пиццей, лазаньей, оливками*; Швейцария – *сыром и шоколадом;* Япония – *сус(ш)и, морепродуктами, рисом* и *саке(э)*; а Китай – *рисом*. Некоторые студенты НГИ ошибочно отнесли «*пицц*у» к Испании, «*лазанью*» – к Мексике, а швейцарское блюдо «*фондю*» – к Франции.

Увлечение национальными кухнями сегодня – особое культурное явление нашего времени, выражающее заинтересованность обычаями других народов, стремление не растерять опыт прошлого. Знакомство с особенностями национального стола – один из лучших путей к взаимопониманию наций, так как в кухне любого народа отражается душа народа, его национальный характер [3, с.3].

Пополнение словарного состава английского языка новыми понятиями и лексикой, связанными с национальными кухнями, идет намного быстрее, чем в русском и других европейских языках. Это можно объяснить тем особым положением, которое английский язык имеет в мире. Согласно данным ЮНЕСКО, английский язык занимает второе место в мире (после китайского языка) по численности говорящих на нем[1], он активно вступает в диалог с другими языками, оказывает на них воздействие и одновременно заимствует понятия и лексику из других языков.

[1] Общее количество людей говорящих на английском языке составляет около 4,5 млрд. человек, из них 3,8 млрд. пользуются английским как первым языком и 0,7 млрд. человек – как вторым (Цит.: ж-л “Economist”, Jan.1st – 7th 2005, p.59. – pp 58-60).

Изучение фактов взаимодействия языков и культур на примере лексической группы «Национальная кухня народов мира» в английском языке является целью нашего исследования.

Как известно, диалог представляет собой двустороннее общение, нацеленное на взаимообогащение и развитие толерантности обеих сторон. Диалогу английского языка с другими языками свойствен постоянный и интенсивный характер, обусловленный статусом английского языка как языка международного общения.

Английский язык содержит немало слов, пришедших из других языков, в результате диалога и контакта культур и языков. В английском языке процент заимствований значительно выше, чем в других языках, так как в силу исторических причин он оказался легко проницаемым. Подсчитано, что число исконных слов в английском словаре составляет около 30%.

Процесс обширного пополнения словарного состава британского варианта современного английского языка датируется концом 40-х – началом 60-х годов XX века, периодом распада Британской империи. Многие страны, бывшие колонии Соединенного Королевства Великобритании, получили статус независимых государств. Позднее эти освободившиеся страны вошли в состав Британского Содружества наций, при этом жители этих стран получили право упрощенного въезда и получения британского гражданства. Поэтому на территории Великобритании можно обнаружить сообщества и диаспоры представителей азиатских стран – Индии, Бангладеш, Пакистана, Китая; национальные общины жителей Латинской Америки – Колумбии, Эквадора и Перу; африканские этнические группы из Камеруна, Ганы и Нигерии, а также общины и диаспоры европейских стран – Испании, Италии, Греции, Турции и др.

Одной из причин заимствования иноязычной лексики является потребность номинации средствами заимствующего языка реалий других этнических групп, с языком которых заимствующий язык вступает в тесный непосредственный или опосредованный контакт. Практически все

заимствования названий еды и национальных блюд связаны с необходимостью обозначить новые объекты или понятия, которые пришли в жизнь британцев с чужой территории.

Общепринятой классификации заимствованных слов не существует. Все обнаруженные заимствования анализируемой лексической группы проникли в английский язык непосредственно из языка-источника, минуя язык-посредник. Это объясняется, во-первых, фактом территориальной близости языков, например французского и английского языков в Европе; во-вторых, наличием единой графической системы написания иноязычных слов на латинице, используемой во многих языках мира. Некоторые слова из индоиранской и тюркской групп, арабских и некоторых африканских языков могли бы стать исключением из случаев прямого заимствования в английском языке, если бы не факт двуязычия в этих странах. Английский язык, как правило, является одним из официальных языков этих стран, чаще всего вторым, получившим этот статус в ходе длительного нахождения этих стран в составе Британской империи.

Иноязычное слово, попадая в английский язык, начинает приспосабливаться к его законам, т.е. происходит процесс ассимиляции иноязычных заимствований. Он протекает неравномерно и предполагает освоение формальной (звуковой, орфографической, грамматической, акцентологической) стороны слова и его семантики.

По степени ассимиляции в языке различают «исконнообразные» заимствования, совершенно неощущаемые как иноязычные элементы; специализированные заимствования, имеющие стилистически или терминологически ограниченную сферу применения; и национально или исторически окрашенные заимствования, обычно называемые «словами местного колорита», представлявшие собой иноязычные слабоассимилированные лексические вкрапления, ограниченные в своем употреблении этнографическим, географическим или историческим контекстом [4]. Обозначения понятий, связанных с чужой национальной

культурой, и среди них названия национальной еды и кулинарных блюд можно обнаружить во всех указанных классах заимствований.

В английском языке французские заимствования представляют самый большой пласт. В нем помимо других слов также отмечается лексика, связанная с общими понятиями приготовления и приема пищи, родовыми обозначениями видов еды, названиями кулинарных блюд и изделий, вин и сыров, обозначениями лиц, имеющих отношение к кулинарии и к дегустации блюд. Подобное обилие иностранных слов французского происхождения в английском языке объясняется, во-первых, существованием ареальных контактов между языками британцев и французов; а, во-вторых, влиянием исторических событий, в частности, Нормандского завоевания в 1066г., когда, по мнению британского лингвиста Дж.Эйтчисона, «множество французских слов были буквально навязаны в качестве составной части процесса лингвистической и культурной экспансии, последовавшей за экспансией военной» [5, с.222].

Французские слова и словосочетания исследуемой тематической группы относятся, во-первых, к специализированным заимствованиям, которые считаются иностранными словами по их произношению, написанию и/или грамматической форме, и, во-вторых, к национально окрашенным заимствованиям, обозначающим понятия иноязычной культурной картины, в нашем случае, национальной кухни.

К специализированным французским заимствованиям относятся слова и словосочетания тематической группы *Общие понятия кулинарии*. Это, прежде всего, слово ‘*cuisine*’ – «кухня, в значении стиль приготовления еды, национальная кухня», например: *Thai/ Italian cuisine*. Слово ‘*cuisine*’ сохранило в английском языке орфографическую форму и характерную особенность французского языка – акцентное выделение последнего слога [kwiˈziːn]. Однако в звуковой форме этого слова произошло качественное изменение – французский полусогласный звук [ɥ] был заменен английским губно-губным сонорным согласным [w]. В грамматическом плане

заимствование ‘*cuisine*’ приобрело категорию числа английского существительного. В последнее время у этого слова в английском языке произошло расширение значения, оно приобрело значение «*еда, которую можно съесть в конкретном месте, например в ресторане или гостинице»*, например, *a chance to try the local cuisine* (*M*, p.338). Также в английском языке есть словосочетания со словом ‘*cuisine*’: *‘haute cuisine’* [ˌəʊt kwiˈziːn] и ‘*nouvelle cuisine’* [ˌnuːvel kwiˈziːn]. Словарь *Macmillan* интерпретирует *‘haute cuisine’* как понятие *‘very good cooking, especially French cooking’* (p.654), а ‘*nouvelle cuisine’* – это ‘*a style of cooking from France that uses sauces and fresh food served in an attractive way*’ (*M.,* p.967). Два последних лексических образования находятся на начальной стадии ассимиляции и относятся к иноязычным вкраплениям. Словосочетание ‘*nouvelle cuisine’* принадлежит к заимствованиям последних лет в английском языке.

Выражение ‘*Bon appétit*!’ в значении ‘*Enjoy your meal’* довольно часто используется в английском языке в ситуациях, связанных с приемом пищи, и характеризуется позитивной коннотацией значения. Евро-английская калька этого выражения ‘*Good appetite*!’ встречается редко и не соответствует смыслу французского высказывания.

Английским языком практически полностью освоены французские слова, обозначающие лиц, имеющих отношение к приготовлению и дегустации пищи, например, *‘chef’* (рус. «шеф-повар в ресторане»), одно из частотных слов, используемых в английском языке; многозначное слово *‘gourmand’* [‘gʊəmənd], имеющее значения I. «лакомка, гурман; 2. *уст.* обжора», а также значение II. «любящий поесть; обжорливый», и слово *‘gourmet’* [‘gʊəmei] «гурман, гастроном; знаток вин» (БАРС, т.1, с.600). Словарь иностранных слов (СИС) (1979) при толковании понятия «гурман» как *любитель и знаток тонких изысканных блюд, лакомка* опирается на французское слово *‘gourmand’*. Более десяти лет назад словам *‘gourmet’* и *‘gourmand’* были характерны разные варианты произношения в английском языке. Так словарь *Longman* 1992г. у слова *‘gourmand’* отмечал два варианта

произношения – британское и американское, а у слова *‘gourmet’* три варианта: одно британское и два американских. В словаре *Macmillan* 2003г. у этих слов указывается по одному варианту произношения, т.е. процесс освоения этих иностранных слов происходит достаточно интенсивно. Любопытно, что Большой англо-русский словарь под ред. И.Р.Гальперина (БАРС) уже в 1979г. приводил варианты произнесения этих слов, наблюдаемые в словаре *Macmillan* 2003г. Словарь *Macmillan* 2003г. отмечает сужение значения у слова *‘gourmand,’* в частности, это – **1.** *someone who enjoys good food and wine* и **2.** *someone who eats too much*. Слово *‘gourmet’* представлено в *Macmillan* двумя частями речи – существительным и прилагательным, и у него отмечается расширение значения **1.** *someone who knows a lot about good food and wine*; **2.** *gourmet food is of a very high quality: a gourmet meal* **a**. *A gourmet cook is someone who can make a very good food* (*M.,* p.618).

Французские заимствования *‘sauté’* и *‘fillet/filet’*, не меняя своего фонографического образа, употребляются в английском языке как слова разных частей речи и обозначающие манеру приготовления блюд, особенности и названия блюд. Например: ‘sauté’[1] [ˈsəʊteɪ] – *v* ‘*to cook something quickly in a small amount of butter or oil*’; ‘sauté’[2] or ‘sautéed’ [ˈsəʊteɪd] – *adj*. ‘*cooked quickly in a small amount of butter or oil*’: *sauté potatoes*; sauté[3] – *n* ‘a meal made from food cooked quickly in a small amount of butter or oil’: *a sauté of liver and bacon* (*M,* p.1259) – «соте́»; ‘*fillet’*[1] [ˈfɪlɪt] – *n* 1. ‘*a single side of the body of a fish, with the bones removed*’: *a salmon fillet*; 2. ‘*a long thin piece of meat with no bones in it*’: *fillet of beef*; ‘fillet’[2] – *v* ‘*to prepare fish or meat for cooking by removing the bones*’ (*M,* p.520); filet [fɪˈleɪ] = fillet – кулин. «филе́(й)» (БАРС, т.1, с.512). Можно отметить, что в английском языке процесс ассимиляции этих слов происходит намного быстрее, чем в русском языке. В английском языке *‘sauté’* относится к частично ассимилированным, а *‘fillet’* к полностью ассимилированным, так как у этих

слов наблюдается уподобление фонетической и/или графической форм и грамматической парадигмы нормам английского языка. В русском языке эти слова выступают как неосвоенные иностранные слова.

В английском языке к заимствованиям относятся названия французских вин и напитков: *‘aperitif’, ‘frappé’, ‘cognac’, ‘champagne’, ‘Burgundy/burgundy’, ‘Beaujolais’, ‘Bordeaux/claret’* и др. Степень ассимиляции этих слов различна. Например, ‘*Burgundy’* относится к полностью ассимилированным заимствованиям. Примечательно, что при его ассимиляции использовался способ транслитерации. Во французском языке это слово имеет иное написание *‘Bourgogne’*. Более того, у этого слова в английском языке произошло расширение значения: *‘Burgundy’* [ˈbɜːgəndɪ] обозначает не только «вид красного и белого вина из французской провинции Бургундии», но и «темно-красный цвет» или просто «темно-красный» (*M*, p.181; *L*, p.129). Слово *‘frappé’* [ˈfræpeɪ] относится к частично ассимилированным заимствованиям, так как у него наблюдается неполное уподобление английскому языку фонографической формы и грамматической парадигмы. Так *‘frappé’* в словаре *Macmillan* – это многозначное слово, одно из значений которого имеет словарную помету *Am.E.* В английском языке это слово употребляется как существительное, имеющее два значения (*1. сладкий алкогольный напиток, подаваемый с множеством маленьких кусочков льда: 2. холодный густой молочный коктейль с кусочками фруктов*), и как прилагательное со значением «*холодный с добавлением льда*». Будучи прилагательным, это слово имеет синтаксическую особенность, оно всегда находится в постпозиции к определяемому существительному, например: ‘*a café frappé’* (*M*, p. 561; *L*, v.1, p.410).

Вторым европейским языком, из которого английский язык заимствовал большое количество слов темы «Национальная кухня», является итальянский язык. Прежде всего, это слова, обозначающие макаронные изделия или, используя итальянскую реалию, *пасту* (*‘pasta’* [pæstə])

различных видов и форм. Слово *‘pasta’* в словаре *Macmillan* 2003г. отмечено показателем высокой частотности в английском языке. Аналогичный индекс употребления в английском языке имеет еще одно итальянское слово *‘pizza’* [ˈpiːtsə], также относящееся к кулинарной теме (*M*, p.1073). Эти два слова в английском языке являются полностью освоенными варваризмами, их также можно обозначить английским словом *‘denizens’*, т.е. это иностранное слово, вошедшее в активное употребление и являющееся частью словарного состава английского языка. Вероятно, через несколько лет эти итальянские слова будут восприниматься многими носителями английского языка как исконно-английские.

К названиям итальянских макаронных изделий в английском языке, относятся следующие: *‘macaroni’*, *‘spaghetti’*, *‘tagliatelle’* [ˌtæɡljəˈtelɪ]’ (*L*, v.2, p.1077), *‘vermicelli’*, *‘ravioli’*, *‘cannelloni’* [ˌkænəˈləʊni] *tubes of pasta filled with a meat or cheese mixture* (*M*, p.198). Эти слова являются частично ассимилированными, они сохранили свои фонетическую и орфографическую формы, а также грамматические черты (в английском языке эти слова являются неисчисляемыми существительными). Итальянские трехсложные и четырехсложные слова – названия видов блюд и еды, в английском языке имеют главное ударение на предпоследний слог согласно акцентологическим правилам итальянского языка, в отличие от английских многосложных существительных, имеющих главное ударение на третий слог от конца.

В числе других итальянских слов исследуемой группы, вошедшим в английский язык за последнее десятилетие, отмечают такие, как ‘*lasagne’* or ‘*lasagna*’ [ləˈzænjə] *an Italian meal made with layers of flat pasta with a sauce, cheese and meat or vegetables* (*M*, p.800) «лазанья»; ‘*pepperoni*’ [ˌpepəˈrəʊnɪ] *a type of Italian sausage that is used in foods such as pizza* ((*M*, p.1050), рус. – «пепперони» – вид колбасных изделий; ‘*risotto*’ [rɪˈzɒtəʊ] *a food made from rice mixed with meat, fish, or vegetables* (*M*, p.1227) «ризотто». Здесь можно также назвать две разновидности итальянского хлеба – ‘*bruschetta*’

[brʊsˈketə] *Italian bread spread with oil, or oil and tomatoes, then toasted* (*M*, p.173), рус. «брускетта», и ‘*ciabatta*’ [tʃəˈbætə] *a type of flat Italian bread made with olive oil* (*M*, p.241), рус. «чебетта». Эти заимствования, выступающие как культурно-понятийные стереотипы, относятся к частично ассимилированной лексике, обозначающей национальные реалии.

Очередность подачи блюд, особенности приготовления еды обозначены такими итальянскими заимствованиями, как *‘antipasto* [ˈænti¸pæstəʊ] (plural ‘antipasti’) «*холодная закуска перед основной едой*» *(M,* p.50*), ‘al dente’* [æl ˈdenti] *adj. cooked until slightly firm but not soft* (*M*, p.33); *in cooking, al dente refers to pasta, which is firm, or ‘to the tooth’*. Эти слова относятся к частично ассимилированным специализированным заимствованиям.

К заимствованным названиям итальянских вин и сыров в английском языке относятся слова – ‘*Asti*’ [ˈæsti] *a type of sweet sparkling white wine from Italy* (*M*, p.72) «асти» и ‘*Chianti*’ [kɪˈænti] *a red Italian wine from Tuscany* (*M*, p.233) «кьянти». Интересно проследить процесс ассимиляции названия итальянского сыра *‘Parmigiano’* «пармезан», пришедшего в английский язык из французского языка (*Parmesan cheese – a hard Italian cheese with a strong flavour, often used on pasta*). Более 10 лет назад у этого слова наблюдалось несколько вариантов произнесения. В словаре *Longman* 1992г. даны три варианта произнесения этого слова [ˌpɑːmɪˈəˈzæn‖ˈpɑːmɪˈəzɑːn, -zæn] (v.2, p.747), а в словаре английского языка *Macmillan* 2003г. отмечается только один вариант произнесения названия этого сыра [ˈpɑːmɪzæn] (p.1030).

Лексика испанской национальной кухни представлена в английском языке достаточно скромно – всего лишь несколько названий испанских вин и напитков, заимствованных и получивших разную степень ассимиляции в английском языке, в частности *‘madeira’* [məˈdɪərə] «маде(й)ра”, *‘marsala’* [mɑːˈsɑːlə] «марсала», ‘*sangria*’ [sæŋˈgrɪːə] «сангрия» и *‘sherry’* [ˈʃerɪ]

«шерри». Испанское название *‘sherry’* (*a strong wine from southern Spain, often drunk before a meal – M*, p.1310) прочно укоренилось в английском языке, и у многих изучающих английский язык в качестве иностранного языка это название, наряду с ‘*brandy*’ ассоциируется с британской действительностью. Среди испанских слов, обозначающих виды еды и блюд, заимствованных в английский язык, можно назвать *‘paella’* (рус. «паэлья») и *‘tapas’* (рус. «закуска»). Так *‘paella’* [paɪˈelə] *a Spanish meal made from rice cooked with vegetables, chicken, shellfish, etc*. (*M*, p.1024) и ‘*tapas’* [ˈtæpəs] *n* [plural] *small amount of Spanish food served before a meal or with alcoholic drinks at a bar* (*M*, p.1468).

К немецким словам, относящимся к национальной кухне и частично ассимилированным в английском языке, принадлежат названия некоторых алкогольных напитков, в частности *‘schnapps’* [ʃnæps] *a strong alcoholic drink rather like gin* (*L*, v.2, p.933); ‘*kümmel’* [ˈkʊməl‖ˈkɪməl] *a strong alcoholic drink which tastes of caraway* (*L*; V.1, p.581); *‘kirsch’* [kɪəʃ‖kɪərʃ] *a strong alcoholic drink made from cherry juice* (*L*; v.1, p.576); мясного блюда *‘schnitzel’* [ˈʃnɪtsəl] (*L*; v.2, p.933) и кондитерского изделия *‘strudel’* [ˈstruːdl] *a sort of cake of Austrian origin, made of light pastry with fruit inside*: *apple strudel* ((*L*; v.2, p.1050). В словаре *Macmillan* (2003) в дефиниции слова *‘strudel’* уже не наблюдается ссылки на австрийское происхождение этого блюда, и определение носит общий характер –’*a type of pastry with fruit or nuts inside’* (p.1425).

Любопытна история проникновения слова «марципан» в английский язык. Слово *‘marzipan’* [ˌmɑːzɪˈpæn], обозначающее продукт, изготовленный из сахара и миндаля и используемый в качестве украшения и приготовления кондитерских изделий (*M,* p.877), было заимствовано в английский язык из немецкого языка, в который оно пришло из итальянского в виде *‘marzapane’* (СИС, с.303). В английском языке это слово ассимилировалось не полностью, оно сохранило иноязычную графическую форму, но частично изменилась

звуковая форма. Что касается грамматической парадигмы, то в разговорном английском и в американском варианте это слово приобрело категорию числа по принципу метонимического переноса, хотя в англоязычных словарях это слово зафиксировано как неисчисляемое существительное, обозначающее вещественное понятие.

Из греческого языка в английский язык были заимствованы слова *‘tzatziki’*[tsætˈziːki] *(M,* p.1553), рус. «тцатцики /тзадзики» – *соус из йогурта, огурцов и чеснока»* и *‘moussaka* [muːˈsɑːkə] *(M*, p.927), рус. «*мусака, традиционное греческое блюдо, в состав которого входят баклажаны и баранина*». Это блюдо распространено также у других балканских народов, где некоторые компоненты могут заменяться, за исключением баклажанов. Заимствования из греческого языка отражают греческие реалии и выступают как культурно-понятийные представители греческой национальной кухни.

В английском языке есть единичные заимствования из славянских языков. Например широко известное слово ‘yoghurt’ (yogurt) [ˈjɒgət] (*(M,* p.1671), рус. «йогурт, югурт (простокваша)» было заимствовано в английский язык из болгарского языка. Что касается слова «водка» *‘vodka’* [ˈvɒdkə], англоязычные словари не могут точно указать конкретный язык-источник, из которого английский язык позаимствовал название этого алкогольного напитка. В дефиниции этого понятия родиной происхождения этого напитка называют и Россию, и Польшу (*M,* p.1601). Оба этих славянских слова полностью ассимилировались в английском языке, так как наблюдается соответствие фонографической формы и грамматической парадигмы этих слов нормам английского языка.

Таким образом, диалог языков и культур в виде заимствований – это постоянный процесс, сопутствующий историческому развитию языков. Количество заимствований и языков-источников заимствований на разных этапах развития того или иного языка может быть различным. Проникнув в другой язык, иноязычные слова становятся неотъемлемой частью словарного

состава этого языка, начинают жить в новых исторических и лингвистических условиях, подвергаются в заимствовавшем их языке разнообразным изменениям, приспосабливаясь к языковой системе нового языка и продолжая развиваться вместе с ней.

Английский язык является уникальным языком диалога с другими языками, и в силу исторических условий развития приобрел статус языка международного общения, что, несомненно, выступает отражением космополитичного характера ментальности британцев, в первую очередь, и американцев, во вторую.

Английский язык позволяет людям, изучающим его, расширить границы своей культурно-понятийной картины вообще, и в связи с темой «Национальная кухня мира» в частности. Так как иноязычная лексика активно усваивается и осваивается в английском языке, у изучающих английский язык появляется реальная возможность через язык познакомиться с культурой других стран, и, следовательно, быть вовлеченным не только в диалог двух языков и культур, но и в полилог языков и культур.

Литература

1. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: СЛОВО/SLOVO, 2000.

2. Пустовалова О.С., Отношения между культурами на пути к диалогу//Межкультурная коммуникация и перевод: МОСУ, 2005. – С.197–200.

3. Кухни народов мира./Сост. М.В.Набережная. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005.

4. Амосова Н.Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. – М., 1956. – 218 с.

5. Эйтчисон Джеймс, Английский English (Грамматика, орфография, пунктуация, стилистика). – М.: Аквариум, 1996. – 464 с.

Список используемых справочных и англоязычных словарей и принятых сокращений

1. БАРС – *Большой англо-русский словарь: в 2-х т./ Сост. Н.Н.Амосова, Ю.Д.Апресян, И.Р.Гальперин и др. – М.: Рус. яз., 1979.*
2. СИС – *Словарь иностранных слов. – М.: Рус. яз., 1979.*
3. *L./Longman – Longman Dictionary of Contemporary English: Словарь современного английского языка: в 2-х т. – М.: Рус. яз., 1992.*
4. *M./Macmillan – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners: Macmillan Education, UK: Oxford, 2003.*

Пучкова И.Н.
НГИ (г. Электросталь)

Ирландские пословицы как отражение языковой картины мира и национального характера

Современное языкознание XXI века, став наукой широко интегрированной и многоаспектной, включило в область исследований последнего времени культурологические и лингвофилософские вопросы, проблемы психологии, этнологии речи, а также когнитивной лингвистики. Происходит осознание необходимости решительной переориентации лингвистических исследований с сопоставительного анализа языковых систем на изучение национально-культурной специфики реального функционирования языка и увязываемых с ним культурных ценностей, языкового сознания, языковой /лингвокультурной компетенции и т.п. Данное направление, получившее широкое признание и распространение в современной науке [1, 3, 4, 5, 8, 9], в сфере своих интересов выделяет такие понятия, как «образ мира», «образ сознания», «языковое сознание», «картина мира», «языковая картина мира» и др.

Языковая картина мира – исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности [4].

Наиболее ярко национально-культурная специфика проявляется в сфере истории, мифологии, фольклора (в частности, в пословицах), поскольку по своей специфике фольклор является самой демократичной формой искусства, и при любых обстоятельствах фольклор остается устойчивым, а также активным [7].

Особый интерес представляют, на наш взгляд, ирландские пословицы, так как в литературе отмечается схожесть менталитета русских и ирландцев [6].

Цель данной статьи – выявить специфику различных аспектов языковой картины мира, отраженных в ирландских пословицах, представить их типологию и выявить отраженные в них наиболее типичные черты национального характера ирландцев.

Материалом исследования послужили 400 ирландских пословиц, отобранных из электронных источников.

Анализ пословиц показал двойственность, противоречивость ирландской натуры, которая проявляется в их отношении к жизни, к родине, к женщине, к собственности.

Пословицы отражают философский и несколько пессимистичный взгляд ирландцев на жизнь. В них прослеживается мысль о бренности и конечности всего сущего (*No matter how often a pitcher goes to the water it is broken in the end, It is sweet to drink but bitter to pay for, Good as drink is, it ends in thirst*). Жизнь полна сложностей и лишений, а, следовательно, надо жить, не оглядываясь на других, наслаждаться жизнью, поскольку неизвестно, что будет завтра, и настанет ли завтрашний день вообще (*Dance as if no one's watching, sing as if no one's listening, and live everyday as if it were your last*). Апатия и пессимизм странным образом сочетаются с позитивным отношением к миру (*Take the world nice and easy, and the world will take you the same*), юмором и самоиронией (*Humor to a man is like a feather pillow. It is filled with what is easy to get but gives great comfort*).

В пословицах отражаются основные материальные ценности крестьянской, патриархальной Ирландии. Наиболее часто встречающиеся концепты – это «масло», «молоко», «корова», «хлеб», «виски», «крыша/кровля», «вода», «огонь/очаг», например:

What butter and whiskey won't cure, there is no cure for; No butter be on your milk nor on your ducks a web. May your cow be flayed. And may the flame be bigger and wider which will go through your soul than the Connemara mountains, if they were on fire; May you be afflicted with the itch and have no nails to scratch with! Here's to your roof, may it be well thatched. And here's to all under it – May

they be well matched! Do not take the thatch from your own roof to buy slates for another man's house. Half a loaf is better than no bread. There's little value in the single cow. He who has water and peat on his own farm has the world his own way. Firelight will not let you read fine stories, but it's warm, and you won't see the dust on the floor. A little fire that warms is better than a big fire that burns. Long churning makes bad butter.

Анализ языкового материала показал, что в пословицах ирландцев отражается их любовь к родному дому, к малой родине (*The longest road out is the shortest road home*) и гордость за свою страну и нацию (*Life's too short not to be Irish!*). Терпимость по отношению к другим нациям (*Everyone praises his native land*) граничит с агрессивностью по отношению к врагам страны (*May the enemies of Ireland never eat bread nor drink whisky, but be tormented with itching without benefit of scratching; The man who was dividing Ireland didn't leave himself last*). Угадывается такая схожесть менталитета ирландцев и русских, как самокопание, порожденное в том числе и имманентно присущими их характеру противоречиями. Патриотизм ирландцев сочетается с самоиронией и самокритичностью по отношению к некоторым национальным порокам, по отношению ирландцев к соседям и своим великим людям (*Drink is the curse of the land. It makes you fight with your neighbor. It makes you shoot at your landlord and it makes you miss him; The Irish forgive their great men when they are safely buried*). Еще одной отличительной чертой ирландцев, по общему поверью и по их собственному мнению, нужно назвать «дружелюбие и гостеприимство». Ирландцы рады гостям, причем подчеркивается гостеприимство простых людей (*Wide is the door of the little cottage*) как противоположность высокомерию и недружелюбию богачей и знати (*The doorstep of a great house is slippery*).

В ирландских пословицах отражается ироничный, а порой и сатирический взгляд на женщин и брак (*Marriages are all happy its having breakfast together that causes all the trouble*). Если верить пословицам, ирландские женщины обладают немалым количеством недостатков.

Наименьшие из них – болтливость (*Wherever there are women there's talking, and wherever there's geese there's cackling, Tell it to Mary in a whisper, and Mary will tell it to the parish*), транжирство и любовь к дорогим вещам (*Everything dear is a woman's fancy*). В пословицах осуждаются такие качества женщин, как легкомыслие и недалекость (*Women are stronger than men, they do not die of wisdom*), особенно у красивых женщин (*It is not the most beautiful woman who has the most sense*). Ирландцы иронизируют над любвеобильностью своих женщин (*You can't kiss an Irish girl unexpectedly. You can only kiss her sooner than she thought you would; It's why women marry – the creatures, God bless them, are too shy to say no; Women are shy and shame prevents them from refusing a man*), а также по поводу некоторых особенностей их физических и внешних данных (*Irishwomen have a dispensation from the pope to wear the thick ends of their legs downwards*). Что касается более серьезных недостатков – то к ним, пожалуй, можно отнести сварливость (*Like an Irish wolf she barks at her own shadow; There is nothing sharper than a woman's tongue*), упрямство и желание поступить наперекор (*Man to the hills, woman to the shore*), хитрость и коварство (*A woman can beat the devil)*. Одним словом, женщина – существо порочное, которое погубило род человеческий и может причинить всевозможные неприятности и беды (*Where comes a cow the wiseman lay down* (St.Colmcille), *there follows a woman, and where comes a woman follows trouble; A whistling woman and a crowing hen will bring no luck to the house they are in*). Женщина недостойна доверия (*It's difficult to trust a woman*), поскольку она всегда найдет оправдание и способ выйти из затруднительной ситуации (*An excuse is nearer to a woman than her apron*). Следовательно, ее нужно держать под подозрением, обращаться жестко (*Beat a woman with a hammer and you'll have gold*) и игнорировать ее слабости ('*Tis as hard to see a woman cry, as a goose go barefoot, What's good for the goose is good for the gander*).

И все же женщина – это неотъемлемый и необходимый компонент мироздания, о чем свидетельствует пословица *Man is incomplete until he*

marries, правда, после этого добавляет: *After that, he is finished*. Общение с женщиной ирландцы считают более приятным времяпрепровождением, чем насыщение желудка (*Only a fool would prefer food to a woman*).

В пословицах констатируется выносливость ирландских женщин (*Eight lives for the men and nine for the women*) и их находчивость (*Don't be ever in court or a castle without a woman to make your excuse*). Идеальной женщиной ирландцам представляется женщина кроткая, тихая, приветливая, дружелюбная, подобная овечке или ягненку (*A woman like a goose, a sharp pecking woman; A woman like a pig, a sleepy-headed woman; A woman like a sickle, a strong stubborn woman; A woman like a goat, a woman of rushing visits; A woman like a sheep, an affable friendly woman; A woman like a lamb, a quiet friendly woman*). И, конечно же, непреходящей ценностью считается любовь, которая помогает преодолеть все трудности на жизненном пути (*It is easy to halve the potato where there is love*).

Главная ценность в жизни ирландской женщины – это дети, без них она не считается состоявшейся (*A woman without is she who has neither pipe nor child*). Неотъемлемый компонент ирландской, как впрочем, и любой другой культуры, находящейся под влиянием католической церкви – это почтительное и трепетное отношение к матери, что находит выражение в пословицах *A man loves his sweetheart the most, his wife the best, but his mother the longest; He is scant of news that speaks ill of his mother; A boy's best friend is his mother and there's no spanker stronger than her apron string*.

Среди особенностей ирландского национального характера – предельное любопытство и общительность, которая иногда достигает крайней формы своего проявления – болтливости. С одной стороны, разговорчивость не представляется чем-то предосудительным: *There is no tax on talk*, – говорят ирландцы. С другой стороны, они констатируют, что несдержанность на язык часто доводит представителей их национальности до беды: *It is often that a person's mouth broke his nose*. Излишне разговорчивые люди, по большей части, бездельники (*The person of the greatest talk is the*

person of the least work; Great talk and little action). Ряд пословиц рассматривает молчание как антипод болтливости и считает, что оно приятнее любых разговоров (*A silent mouth is sweet to hear, Silent mouth is musical, A silent mouth never did any harm; A closed mouth – a wise head* – ср. русс. Молчание – золото). Идеальные творения – звезды – потому и идеальны, что они молчат, не издают шума (*The stars make no noise*). Молчание – это лучший способ поведения по отношению к разгневанному человеку (*When wrathful words arise a closed mouth is soothing*). Вместе с тем, к молчунам ирландцы относятся с некоторой долей недоверия (*The silent are often guilty*).

Болтливость мешает работе: чем меньше слов, тем скорее продвигается дело (*Least said soonest mended*). Ряд пословиц рассматривает прямо противоположную сторону болтливости, а именно – скрытность, умение хранить тайну. Пословицы прямо, в императивной форме говорят о необходимости хранить секреты, держать язык за зубами (*Keep your tongue in your jaw and your tow in your pump; Don't tell your secret even to a fence*), или делают это имплицитно: *It is no secret that is known to three*. Особенно нельзя поверять тайны женщинам (*The secret of an old woman scolding*) и детям (*Don't tell secrets to the children of your relatives*). Ряд пословиц о тайне носит оценочный характер, причем двойственный. Секрет – это и друг, и оружие (*A secret is a weapon and a friend*), но вместе с тем и обуза, поскольку он связывает, накладывает обязательства (*If it's a secret, it's binding*). Об осторожности и необходимости хранить молчание даже в самой, казалось бы, безопасной ситуации, предупреждают такие пословицы, как *Fences (ditches) have ears; Woe to the man that entrusts his secrets to a ditch*.

Еще одна группа ирландских пословиц – это пословицы, в которых отражаются понятия «собственность», «деньги», «богатство» и их антиподы – «бедность», «нищета». Прежде всего, констатируется, что богатство и собственность зачастую нельзя приобрести честным путем или много работая (*A shamefaced man seldom acquires wealth; Many an Irish*

property was increased by the lace of a daughter's petticoat). Пословицы декларируют, что жизнь богатых приятна (*Sweet is the voice of the man who has wealth; Possession satisfies*), легка (*A heavy purse makes a light heart; The money-maker (profiteer) is never tired*), на их стороне закон (*Possession is nine-tenths of the law*). Ряд пословиц рассматривает собственность в терминах «чужое-свое» и советуют человеку довольствоваться только тем, что ему принадлежит, и не пытаться присвоить чужое (*Have it yourself, or else do without it; Better own a trifle than want a great deal; Never scald your lips with another man's porridge* – ср. рус. *На чужой каравай рот не разевай*). О необходимости бережного обращения с чужой собственностью ирландские пословицы умалчивают (*The borrowed horse has hard hoofs*).

Вместе с тем, ряд пословиц отмечает, что богатство не приносит счастья (*There is misfortune only where there is wealth*), и что деньги не могут заменить мастерства и умения (*A handful of skill is better than a bagful of gold*). Ирландские пословицы призывают не делать из денег культа, жить сегодняшним днем и наслаждаться жизнью: *'Tis better to spend money like there's no tomorrow than to spend tonight like there's no money!* Самые ценные вещи в жизни, согласно ирландской пословице – это солнце, мудрость и щедрость (*Three best to have in plenty – sunshine, wisdom and generosity*).

С другой стороны, существуют и пословицы, осуждающие расточительность и призывающие к бережливости и благоразумию (*Willful waste makes woeful want, Do not take the thatch from your own roof to buy slates for another man's house*).

Ряд пословиц рассматривают понятие «бедность» как антипод понятия «богатство». Пословицы говорят о том, что жизнь бедняка сопряжена с печалью, трудностями, унижениями (*Poverty creates sadness; Many a defect is seen in the poor man; Shame is ever a part of poverty*). Бедность несовместима с дружбой (*Poverty parts good company*) и порождает пороки (*Put a beggar on horseback and he'll ride to hell*). Констатируется факт отсутствия взаимопонимания между богатыми и бедными (*The full man does not*

understand the wants of the hungry – ср. рус. *Сытый голодного не разумеет*) и отсутствия каких-либо точек соприкосновения между ними (*Poor men take to the sea; the rich to the mountains*). В ирландских пословицах прослеживается мысль о том, что бедность достойна не осуждения, а сожаления (*Poverty is no shame; Pity the man who does wrong and is poor as well)*, что самое страшное – это не бедность, а неправедный, порочный образ жизни (*There is nothing in the world so poor as going to hell*). С печальной иронией ирландцы отмечают в своих пословицах, что бедность имеет определенные преимущества (*It's hard to take britches off bare hips; A little pleases a poor man; A poor man never yet lost his property; The thief is no danger to the beggar*). Можно также сказать, что ирландцы смотрят на жизнь с оптимизмом и считают, что пока у человека есть здоровье и музыка, ему не страшна бедность – *No-one is ever poor who has the sight of his eyes and the use of his feet; Poor is the church without music*.

Ирландцы славятся своей удалью, беспечностью, бесшабашностью, поэтому большинство пословиц призывают к осторожности, предусмотрительности, последовательности в поступках. Пословицы рекомендуют не рисковать жизнью понапрасну (*It is better to be a coward for a minute than dead the rest of your life, A live dog is better than a dead lion; It's better to return from the centre of the ford than drown in the flood*). Еще одна группа пословиц отражает философский взгляд ирландцев на жизнь и констатируют бессилие человека перед внешними силами, а, следовательно, имплицирует совет смириться перед лицом неблагоприятных жизненных обстоятельств, которые человек не в силах изменить (*No stopping the force of a going wheel by hand; No forcing the sea* – ср. рус. *Плетью обуха не перешибешь*). Третья группа пословиц осуждает преждевременное хвастовство и призывает выражать удовлетворение результатами своего труда, только когда дело действительно закончено (*Don't count your chickens before they are hatched; Don't bless the fish till it gets to the land; Praise the ripe field not the green corn; Praise the ford when you have crossed it*). Четвертая

группа пословиц говорит о предусмотрительности и осторожности в своих поступках, намекая на полезность и благоприятные последствия такого поведения (*There's no need to fear the wind if your haystacks are tied down; Don't build the sty until the litter comes; Don't throw out the dirty water until you have the clean water in; A watched kettle never boils*).

Ирландский противоречивый характер чувствуется и в пословицах о времени. Во-первых, констатируется известный постулат «всему свое время» (*Be there with the day and be gone with the day; It is no time to go for the doctor when the patient is dead; When the apple is ripe, it will fall*). *If he went to a wedding, he'd wait for the christening* – скажут о человеке, засидевшемся в гостях. Во-вторых, пословицы рекомендуют делать все заранее и быстро (*Make your hay before the fine weather leaves you; Sow early and mow early; I'll go there tonight for evening is speedier than morning* – но рус. *Утро вечера мудренее; Long churning makes bad butter; A postponement till morning – a postponement for ever* – ср. рус. *Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня*). В-третьих, пословицы осуждают спешку и советуют выполнять работу медленно и постепенно (*The early riser gets through his business but not through early rising; The slow horse reaches the mill; God made time, but man made haste; Every little makes a mickle; Speed and accuracy do not agree; By degrees the castles are built*. Ср.: рус. *Тише едешь – дальше будешь, Поспешишь – людей насмешишь, Москва не сразу строилась*). К последней группе пословиц примыкают пословицы о терпении. Очевидно, суровые условия жизни, экстремальные испытания на протяжении истории привили ирландцам фаталистический взгляд на жизнь, некую апатию (*Get down on your knees and thank God you're still on your feet*). По выражению, ирландец «мог жить только изо дня в день, не будучи уверенным в завтрашнем. Он постоянно боялся, что вот-вот может наступить момент, когда он очутится лицом к лицу с голодной смертью и что, может быть, ему придется умереть где-нибудь в канаве, около дороги или под забором, а не то погибнуть от голодного тифа и перед смертью видеть страдания и смерть своих детей и

жены. Отсутствие всякой возможности улучшить свое положение создало апатию, то состояние духа, когда человек машет рукой на все и живет, как Бог послал, не делая никаких усилий» [2]. Суровые испытания научили ирландцев терпению. Терпение – это добродетель, лекарство от болезней и жизненных неурядиц, качество, за которое уважают человека, а также средство достижения блаженства в раю земном и небесном (*Patience cures many an old complaint; The one who waits the fine day, will get the fine day; Patience and forbearance make a bishop of his reverence; Patience can conquer destiny; Patience is a plaster for all sores; For what cannot be cured patience is best; There is not a tree in heaven higher than the tree of patience; Patience is a virtue that causes no shame; Time and Patience would bring the snail to Jerusalem*).

Суровые условия жизни воспитали в ирландцах и такие качества, как неприхотливость, непритязательность, готовность довольствоваться малым в еде (*A trout in the pot is better than a salmon in the sea; A wren in the hand is better than a crane to be caught*), в плане бытовых условий (*He who has water and peat on his own farm has the world his own way; A little fire that warms is better than a big fire that burns*), практичности и простоте в одежде (*If you have one pair of good soles its better than two pairs of good uppers*), жилье (*A hut is a palace to a poor man*), бережливости в тратах (*Enough and no waste is as good as a feast*).

Итак, пословицы отражают противоречивый характер ирландцев – от беспечной легкомысленности к их обостренному чувству историзма, осознанию своей принадлежности к роду-племени, подвергавшемуся экстремальным испытаниям на протяжении веков. «Среди всех народов они самые веселые и самые грустные, самые беспокойные и самые послушные, самые талантливые и самые непродуктивные, самые практичные и самые мечтательные, самые набожные и самые что ни на есть язычники. Эти невероятные противоречия вечно воюют в их крови» [6]. Отмечаются такие схожие черты в менталитете ирландцев и русских, как общительность,

гостеприимство, беспечность, щедрость, что позволяет говорить об интерференции языковых картин мира.

Литература

1. *Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций.– Вопросы языкознания, 1993, № 3*
2. *Афанасьев Г.Е. История Ирландии. Серия "Академия фундаментальных исследований: история". Изд.2 2006. – 320 с.*
3. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М., 1980.*
4. *Зализняк А. Ю. .Языковая картина мира. – М., 1997*
5. *Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М., 1990.*
6. *Михеев В. «Сам рыжий»// Европа. Журнал европейского союза. – N 40, Июнь, 2004*
7. *Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. – М., 1993.*
8. *Телия В.Н. Роль образных средств языка в культурно-национальной окраске миропонимания //Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. – М., 1996.*
9. *Савицкий В.М. Английская фразеология: проблемы моделирования. – Самара, 1993.*

Электронные источники

1. *www. irishcultureandcustoms. com*
2. *www. ncf. calrelon.ca/ireland.html*

Савельева Г.Н.

РГГУ (г.Москва)

Перевод и культура в современном гуманитарном знании

1. В контексте новой антропологически ориентированной парадигмы гуманитарного знания современная теория перевода основывается не только на лингвистической, но также и на культурологической концепции, отражающей когнитивный человеческий опыт и выраженной, в частности, в культурных концептах (см. теорию констант культуры Ю.С.Степанова).

2. Анализ перевода как культурного концепта дается в соответствии с интерпретацией лингвиста-культуролога В.Н.Топорова.

Перевод, *переводить* – восходит к и.-е.* per – *проникать, проницать, переходить, переносить, переводить*; значение существенно в связи с ролью перевода как средства сравнения и «уравнивания» языков и культур.

«*Перевести*» – от и до (перевести через) – слово отсылает к идее культурного пространства, которое надо перейти, т.е. осуществить переход-перевод.

Для перевода важен концепт «сравнения»: сравнение означает с-равнение (культур), то есть сравнение своего и чужого. Это – то, что тождественно, равно в причастности к общечеловеческому порядку. В латинских словах *comparo* и *paro* выражена идея равенства (ср.: *par, parilis* и т.д.). Понять другого буквально и этимологически означает взятие этого другого себе, усвоение его в себе в культурном и семантическом плане, но, как говорится (В.Н.Топоров), «понять-простить», что возвращает к идее «вторичного равновесия», равенства, предполагаемого, как было сказано, ранее самим актом сравнения.

«Сравнить – понять» и «понять – простить» – таков силлогизм культуры в связи с проблемой своего и чужого, что может быть отнесено и к переводу, к проблеме его «конвенциональности».

3. Концепт «гуманитарный» в русском языке употребляется а сочетаниях «гуманитарная» помощь и «гуманитарное» знание, что может приводить к интерференции. Во французском языке различаются эквиваленты: *humanitaire*, восходящее к латинскому *humanum* (человеческая сущность) и *humaines* в сочетании *sciences humaines*, восходящее к латинскому *humanitas* – высокая образованность; при этом *sciences humaines* противопоставляются *sciences naturelles* (см. ему соответствует *arts* – Br.E., *the humanities* – Am.E. и *science*), т.е. противопоставляются науки о человеке и естественные науки.

4. В современной теории перевода анализируются также основополагающие концепты исторической антропологии, экономической антропологии и других дисциплин гуманитарного знания.

Шмелёва А.Н.
НГИ (г. Электросталь)

Особенности французского национального характера через призму политических слоганов

В семиотическом пространстве рекламного дискурса слоган (девиз, призыв), являющийся составной частью рекламного объявления и выполняющий его главенствующую, **директивную** функцию в широком, откровенно поэтическом информационном поле (заголовок, пояснительный текст, товарный знак – логотип, иллюстрация), отражает, без всякого сомнения, культуру речевого коллектива, к которому он, слоган, и обращён.

Надеемся, что анализ политических слоганов на семантическом, метасемиотическом и метаметасемиотическом уровнях [1, С.26] даст ответ на непростой вопрос: каков же он, этот коллектив, мир, увиденный сквозь призму информационно-регуляторской лексики французских слоганов, каковы особенности национального характера членов такого коллектива – носителей его культуры?

Понятно, что культура нации, как материальная, так и духовная, психология людей, образ жизни, традиции, история этноса формируют национальный характер. Мысль о культурных стереотипах, складывающихся в процессе самоидентификации человека с определённым этносом, осознания себя как носителя национальной культуры, выступающих затем в качестве регуляторов поведения в различных сферах его деятельности, становится аксиомой. Каждая культура имеет свои представления о значимости тех или иных фрагментов поведенческого стандарта, свои конфигурации обязательных и свободных элементов [2, С.94–104].

Именно эти стереотипы формируют национальный характер, его отличительные особенности.

Обратимся к тем чертам национального характера французов, которые чаще всего упоминаются в беллетристике и в научной литературе.

Острый ум, рационализм, тяготение французов к ясной, точной, логичной, изящно сформулированной мысли отличали ещё Матвеев А.А., автор первой русской книги о Франции, позднее Фонвизин Д.И., Карамзин Н.М., Блок А.А.

О скептическом складе ума писали Декарт, Монтень, Бейль, Эренбург, д'Эстен. Скептицизм французов сочетается с сильно развитым вольнодумством и нонконформизмом, то есть нежеланием подчиняться властям, авторитетам и установленным нормам поведения [3, С.100–101].

Критика и самокритика являются во Франции «национальным спортом, если не хронической болезнью», утверждает один из французских социологов. Особенно недоверчиво и критически французы относятся к правительству и государству, о чём в своё время говорили многие французские президенты.

«Француз рождён фрондёром. Управлять им всегда было нелегко,» – признавал президент Четвёртой республики Р.Коти, а президент Пятой республики Ж.Помпиду связывал склонность французов к критике и протесту с их индивидуализмом, «крайним эгоцентризмом», лежащим, по его мнению, в основе их «глубокой природной неприспособленности к подчинению государственной власти» [3, С.101].

В подтверждение мысли о том, что эту черту национального характера французы скорее всего унаследовали от свободолюбивых и воинственных франков, Смирнов В.П. приводит цитату В.Ж. д'Эстена: «Склонность французов к неповиновению и свободомыслию берёт начало от "галльского индивидуализма и пыла франкских племён"» [4, С.11].

Но было бы ошибкой полагать, что французы не признают партнёрства на государственном уровне. По мнению самих французов, государство, признавая за народом законное право на несогласие с некоторыми правилами и общественными установлениями, должно (подчёркнуто нами – А.Ш.) вмешиваться в жизнь своих подданных, поскольку их «союзные» отношения – залог непреложного развития нации и непременных достижений

tous azimuts. Отсюда и уважение к бюрократическим законам, но ни в коем случае! к бюрократам в лице исполнительной власти, к людям, которые эти законы свято охраняют.

Н.Япп и М.Сиретт, авторы известной книги о современной Франции и французах, пишут по этому поводу: «…французы с уважением относятся к бюрократическим законам, однако самих бюрократов ненавидят. А потому президенту Франции должны оказываться все соответствующие его статусу почести (эскорт из мотоциклистов, постоянная и временная резиденции и т.п.), но ценить его как личность совсем не обязательно» [5, С.61]. Вот почему во французской политической слоганистике, наряду со слоганами положительной оценки политических деятелей, можно увидеть немало слоганов отрицательной характеристики промоцируемого «товара». Заметим при этом, что создание политического портрета в системе рекламы – дело достаточно сложное. Цель политической рекламы сопоставима с целью рекламы коммерческой: продать политика как товар (как бы это ни звучало оскорбительно, кощунственно в демократическом обществе, но лидера необходимо привести к вершине власти). И здесь слоган, короткая фраза, содержащая основную идею рекламного сообщения, призвана создать чётко определённый, вербально оформленный, выразительно поданный образ кандидата.[1]

Реальную значимость такого слогана трудно переоценить. Вспомним хотя бы реалистичный пример, связанный с успехом, которого достиг в своё время Франсуа Миттеран в борьбе за президентское кресло. Рекламисты выбрали для него слоган “*La force tranquille*” («Спокойная сила»). Крепкий, основательный Миттеран показался избирателям более способным справиться со сложной в то время экономической ситуацией в стране, чем

[1] Качества личности, согласно утверждениям философов, можно определить (что небезуспешно делает адресант – рекламный практик), ответив на следующие вопросы: чего хочет личность (направленность, установки, тенденции, интересы и идеалы), что может личность (способности, дарования), что есть личность (особенности характера, благодаря которым реализуются возможности), что должна личность (отношение к требованиям общества, к окружающим).

его противник, – интеллигентный, хрупкий Жискар д'Эстен, образ которого по всем параметрам был, казалось, предпочтительнее [6, p.26].

Обратимся к анализу слоганов,[1] представляющих политических деятелей как наиболее достойных и желанных, кандидатов, которые в изящном вербальном обрамлении могут блистать не хуже бриллиантов удачной ювелирной огранки:

1. **Simone Weil** / fait merveille. 3/3
2. **Mitterrand** / Président! 3/3
3. **Delors**, un talent fort, un talent fou.
4. **Jospin**, sinon rien.
5. **Mauroy**, tous les fans sont avec toi.
6. **Delors** d'abord, d'accord!
7. Toujours plus avec **Fabius**.

Здесь и идеальные изоморфные симметрические структурные построения с одинаковым количеством версоидов равной 3/3 длины звучания (примеры 1,2), здесь же удачно персонифицированный промоцируемый продукт питания, превратившийся в политический продукт президентского масштаба (пример 2):

Mitterrand Président! < **Président**? Evident. < Evident c'est **Président**,

а также слоганы не только вторичной, но даже многоразовой номинации с заменой торговой марки *Dior* на торговую марку *Delors* – имя политика Делора через промежуточный вариант замены на марку сыра *Roquefort* (пример 3):

Delors, un talent fort, un talent fou. < **Roquefort**, un plaisir fort, un plaisir fou. < **Dior**, un talent fort, un talent fou.

Все приведенные примеры – великолепные структурно-семантические построения с явно выраженной прагматической заданностью.

[1] Здесь и далее цитируем слоганы французской газетно-журнальной и наружной рекламы последней трети XX – начала XXI вв.

С не меньшим прагматическим эффектом и ритмически организованные единства, использующие звуковой повтор – аллитерацию и ассонанс – как оригинальный способ звуковой организации вербального послания, что служит максимальной концентрации внимания адресата (примеры 5,6,7).

Отметим и то, что подавляющее большинство политических слоганов – девизы с абстрагированием торговой марки (имени общественного или политического деятеля) от всего высказывания. Вынесение в сегмент имени не только не нарушает общей логической связи между этим сегментом и остальной частью слогана, но и служит своеобразным трамплином для подачи суперположительной информации о претенденте [7, С.29].

Вместе с тем богатая практика избирательных кампаний обнаруживает немало политических лозунгов негативной семантики, развенчивающих достоинства политиков – кандидатов на руководящие посты в государстве. В таких лозунгах проявляются франкское свободолюбие, нонконформизм, критицизм и склонность к вольным, порой грубоватым «галльским шуткам»:

Giscard à la barre!

Delors dehors.

Delors c'est une mine.

Jospin! Les facs ont faim.

Если индивидуализм может быть свойствен французу как частному лицу, то он пропадает, когда француз выходит на улицу и включается в общественное движение, «волнуясь, кипя, ораторствуя, пропагандируя, забывая свои личные дела, махая рукой на перспективы буржуазного благополучия» [3, С.102], и тогда проявляются такие черты французского национального характера, как общественная активность, отвага, революционный пафос и в то же время некоторая театральность, приверженность громким словам, к повышенной экспрессивности [3, там же]. А в сочетании с такими добродетелями, как тонкий вкус, чувство меры, остроумие, грубоватые галльские шутки как бы нивелируются и становятся

изящными оборотами речи, каламбурами. В подтверждение сказанному приведём блистательный пример остроязвительного, до сих пор не забытого политического слогана “*Pasquadrille*”.

Имя Паскуа *(Pasquoi)*, министра внутренних дел Франции начала 90-х годов XX века, человека решительного, властного, не всегда последовательного, стоящее на первом месте в девизу, как и положено марке промоцируемого товара, удачнейшим образом телескопировано, «вмонтировано» в слово *quadrille*, обозначающее одновременно и кадриль как танец, и группу кордебалета, и квадрилью как корриду под началом Матадора. Нетрудно догадаться о метафорических значениях этого слова, образно передающих череду непоследовательных суровых мер Министра и его Кабинета, наводящих ужас на законопослушных французов и малосведущих иммигрантов без гражданства.

Или примеры злой, но удачной, достойной внимания иронии в слоганах:

1) **Marchais**, ça a eu marché;
2) **Chirac**, je craque,

где обыграны (пример 1) слова сходного звучания *marché* и *Marchais* – имя лидера французских коммунистов с его неудачной, по мысли автора, политикой в недавнем прошлом (в 70-е годы).

Во втором примере автор всё своё неприятие, адресованное заявленному кандидату на пост президента, передаёт с помощью глагола *craquer* (1. трещать; 2. *перен*. лопнуть, провалиться, не выдержать, сдать [8, С.261]; *зд*. – дойти до ручки), а легко рифмующаяся форма третьего лица единственного числа этого глагола с фамилией нежелательного претендента вкупе с предельной краткостью ритмического построения способствуют, без всякого сомнения, успешной реализации прагматической цели рекламоисполнителя.

Справедливости ради отметим и тот факт, что рекламистам, продвигающим на рынке политический товар, иногда изменяет чувство меры и языкового вкуса. В список бессодержательных, пустых изречений типа

On se connaît (MRY)

A bientôt (RPR)

L'énergie degage (PS)

можно включить и такие:

Pur beurre pour **Barre**.[1]

Tapi[2] mon ami.

Tapi c'est fini.

Tapi prend le pari.

Balladur[3] qui travaille dur.

Некоторым авторам подобного словотворчества не удаётся избежать досадной банальности, переходящей, к сожалению, границы общепринятой этикетной дозволенности. Тогда слоган воспринимается как вульгарный опус неискушённого, а по сути, несостоявшегося рекламоисполнителя.

Автор слогана "***Delors*** *c'est une mine*" пошёл значительно дальше в своём стремлении дать негативную характеристику Жаку Делору, известному политическому деятелю европейского масштаба,[4] предлагая вниманию электората вариант "***Delors*** *t'as bonne mine*". И делает это, как нам представляется, довольно грубо – с явной аллюзией на невысокий, по его мнению, политический потенциал человека третьего возраста через известную в народе, полувульгарную поговорку-каламбур "*La mine est bonne, mais le crayon n'écrit plus*" (вот она – одна из «солёных» галльских штучек…).

Смеем надеяться, что «издержек производства» такого рода не так много на фоне, в общем, здорового, прагматически успешного политического

---

[1] Раймон Барр (*Raymond Barre*), Премьер правительства (1976–1981) при Президенте В.Ж.д'Эстене. Начало PR-кампании Р.Барра по времени совпало с появлением в продаже нежнейшего круассана, приготовленного на 100%-ом сливочном масле – *pur beurre*. Таким образом, положительный имидж политика связывался с мнимым улучшением социально-экономического положения в стране.

[2] Бернар Тапи (*Bernard Tapi*), небезызвестный политик, финансовый аферист.

[3] Эдуар Балладюр (*Edouard Balladur*), Премьер правительства (1993–1995) при Президенте Ф.Миттеране.

[4] В недалеком прошлом Жак Делор – Секретарь Еврокомиссии.

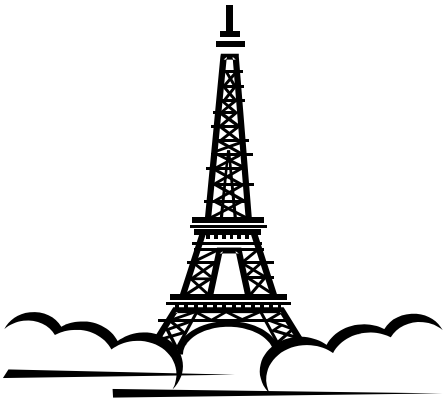
пейзажа Франции. Это можно объяснить хорошим политическим чутьём, моральной чистоплотностью французских рекламистов, но в большей степени врождённым талантом – страстью к весёлости, шутке, к каламбуру, отличным владением вербальной системой языка, что, в конечном итоге, позволяет, как в зеркале, отразить в слогане национальный характер и культуру своей страны.

Литература

1. *Медведева Е.В. Рекламный текст как переводческая проблема// Вестник МГУ. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – №4.*
2. *Павловская А.В. Этнические стереотипы в свете межкультурной коммуникации// Вестник МГУ. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – №1.*
3. *Смирнов В.П. Франция: страна, люди, традиции. – М.: Мысль, 1988.*
4. *Смирнов В.П. Франция в XXI веке. – М.: Дрофа, 2001.*
5. *Янп Н., Сиретт М. Эти странные французы. Пер. с англ. И.Тогаевой. – М.: Эгмонт Россия ЛТД, 2001.*
6. *Ramirez F., Rolot C. Choisir un président. Paris, 1988.*
7. *Шмелёва А.Н. Основные особенности фонетического структурирования рекламного текста с прагматической заданностью (на примере торгово-коммерческой рекламы газеты «Фигаро»)// Сб. Актуальные вопросы лингвистики и межкультурной коммуникации. – Электросталь, 2005.*
8. *Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь. Изд-во 2-е, испр. – М.: Рус. яз., 1995.*

Секция 2

Способы выражения языковой ментальности. Особенности языкового знака как средства выражения языковой ментальности. Проблемы перевода на современном этапе



Багрова А.Я.
МИЛ (г.Москва)

Уровни оценки качества перевода

В структуре любой деятельности одним из наиболее важных этапов является этап оценки результатов деятельности, которая осуществляется либо самим деятелем, либо теми, кто пользуется результатами его труда. То же самое можно сказать о переводческой деятельности, продукт которой почти всегда подвергается оценке с точки зрения его качества. При этом вполне очевидно, что можно использовать разные критерии оценки качества перевода. М.Я.Цвиллинг и Г.Я.Туровер отмечали, что существует два ряда критериев оценки перевода – один из них базируется на чисто лингвистическом основании, другой – на преимущественно прагматическом. Первый критерий предполагает установление оптимальных отношений эквивалентности между соответствующими сегментами текстов перевода и оригинала, оптимальную степень семантико-структурного подобия перевода оригиналу. Второй критерий предполагает подобие реакций получателей оригинала и перевода на предъявляемые им соответствующие тексты в подобных друг другу коммуникативных ситуациях. К сожалению, все используемые ныне и хорошо известные преподавателям перевода и переводчикам-практикам критерии оценки не поддаются формализации, а сам процесс оценки качества перевода, в ходе которого в переводах обнаруживаются ошибки, отличается значительным субъективизмом.

Несмотря на это, потребность в оценке качества перевода остаётся, как в практике преподавания перевода, так и в профессиональной переводческой деятельности. Представляется, что любой перевод можно оценивать с использованием следующих пяти критериев (впрочем, можно говорить и об уровнях оценки качества перевода):

Функционально-коммуникативный уровень. Оценка качества перевода на этом уровне заключается в анализе того, насколько полно воспроизводится функция текста оригинала, достигается ли

коммуникативный эффект, подобный тому, который производит оригинал на своего получателя. Другими словами, реализуется ли цель, ради которой создавался оригинал, в условиях межъязыкового и межкультурного общения. Получатель должен понять, что именно хотел сказать автор и *зачем*. Если это условие выполняется, мы можем говорить, что перевод в функционально-коммуникативном отношении адекватен оригиналу.

Смысловой уровень. На этом уровне оценки качества перевода критик оценивает текст на ПЯ с точки зрения равенства смыслов, заложенных в оригинале и переводе. Равенство смыслов – обязательное условие качественного перевода и, соответственно, данный уровень оценки относится к числу определяющих.

Содержательный уровень. На этом уровне оценки качества перевода анализируется степень полноты и точности передачи информации, содержащейся в оригинале. При этом речь должна идти не о всех элементах информации (абсолютно полная передача информации в переводе не возможна и не нужна), а только о коммуникативно-релевантной информации.

Формальный 1-й уровень. На данном уровне оценивается полнота и точность воспроизведения коммуникативно-релевантных элементов формы, т.е. тех элементов, которые намеренно использованы автором оригинала с целью выражения его коммуникативной интенции и призваны оказать на получателя текста определённое коммуникативное воздействие (фигуры речи, синтаксические и лексические экспрессивные средства). При этом важной является точность воспроизведения функции использованного в оригинале экспрессивного средства.

Формальный 2-ой уровень. На данном уровне оценки качества перевода анализируется соблюдение нормы и узуса языка перевода.

Каждая ошибка в тексте перевода может оцениваться по определённой балльной шкале. Нарушение функционально-коммуникативного критерия – минус три балла, нарушение смыслового критерия (изменение смысла текста) – минус два балла, искажение содержания (так называемая смысловая

ошибка) – минус один балл, отказ от передачи коммуникативно-релевантных особенностей формы оригинала или нарушение нормы или узуса ПЯ – по минус 0,5 балла. Если оценивать качество перевода по традиционной пятибалльной шкале, то наличие ошибки первого типа автоматически будет означать неудовлетворённую оценку, при наличии ошибки второго типа качество перевода будет оцениваться как невысокое (на «удовлетворительно»). Наличие трёх смысловых ошибок даёт неудовлетворительный результат. Оценивая качество перевода на четвёртом и пятом уровнях, необходимо принимать во внимание вид перевода и жанрово-стилистическую принадлежность переводимого текста.

Башкирова И.А.
МГОПИ (г. Орехово-Зуево)

Безличные конструкции *МНЕ РАДОСТНО* с семантикой «состояние субъекта» и особенности их перевода на английский язык

Языковые категории (фонетические, лексические, морфологические, синтаксические) отражают национальное мировоззрение, национальный характер [3, С.90].

Определяя особенности национального мировоззрения русских и англичан, некоторые философы и языковеды отмечают такие черты характера русских, как склонность к устремленности в бесконечность, безграничность, в космос, неспособности адекватного объяснения мира, фатализму [1]; эмоциональности, иррациональности, пассивности [2, С.33–34] в противоположность чертам характера англичан – склонности к объективности и адекватности, рациональности, представлению о человеке как об активном творце своей жизни.

Русская языковая ментальность особенно ярко проявляется на синтаксическом уровне в системе односоставных, в частности, безличных предложений. Безличные конструкции типа МНЕ РАДОСТНО с семантикой «состояние субъекта» отсутствуют в английском языке в силу особенностей

национального мировоззрения, отражающегося в английских языковых категориях.

Необходимо вспомнить о том, что языковой знак имеет диктумное (объективное) и модусное (субъективное) содержание. Применительно к синтаксической конструкции можно сказать, что она сочетает в себе номинативное и модусное (интерпретационное) значения, то есть, с одной стороны, конструкция номинирует объективную внеязыковую ситуацию, некое положение дел, а с другой стороны, посредством модусного компонента, имеющего грамматическое выражение, показывает оценку ситуации говорящим, а также отношение говорящего к этой ситуации.

Русские безличные конструкции типа МНЕ РАДОСТНО относятся к разряду таких, для которых в английском языке нет прямых соответствующих синтаксических конструкций. В тех случаях, когда в языке перевода нет прямых соответствий, у переводчика возникают трудности передачи их модусного содержания. Говоря о модусном содержании конструкции, А.Вежбицкая отмечает, что модусный компонент в каждом языке разный. В русском языке, по мнению А.Вежбицкой, широкое распространение получают дативные конструкции, номинирующие различные состояния субъекта, представляющие его как пациенса, английский же язык изобилует номинативными или им подобными конструкциями, представляющими субъекта как агента. Пациентивный и агентивный способы представления субъекта семантически не эквивалентны [2, С.56–57].

Характеризуя семантику русских безличных конструкций, исследователи отмечают связь с ними таких понятий, как мифическая/ высшая/ сверхъестественная/ природная сила; энергия; неконтролируемость; каузальность; непроизвольность; странность, неопределенность. Семантические особенности русских безличных предложений предопределяют их формальные особенности. Формальные особенности безличных предложений заключаются в том, что их предикативный центр

составляет один компонент – главный член односоставного предложения с признаковым значением. Компонент с признаковым значением находится в независимой синтаксической позиции, что формирует общее интерпретационное значение безличных предложений – «акцентированное внимание говорящего на логическом предикате», контрастирующее с интерпретационным значением двусоставных предложений, репрезентирующих тот же понятийный концепт актуализацией субъекта действия [3, С.59].

Русская безличная конструкция типа МНЕ РАДОСТНО с семантикой «состояние субъекта» имеет двухкомпонентную структуру: СКС + словоформа, обозначающая субъект состояния. Охарактеризуем каждый из компонентов конструкции:

I. **Слово категории состояния**, входящее в состав конструкции, имеет различную семантику:

1) «психическое состояние человека»:

– эмоциональное: ***На душе*** *у него было до того* ***горько*** *и* ***больно****, до того* ***одиноко*** *и* ***страшно****, что мелкие собачьи слезы, как пупырышки, вылезли из глаз и тут же засохли* (М.А.Булгаков, Собачье сердце);

– интеллектуальное: ***Неизвестно*** *почему, я протянул няньке рубль* (М.А.Булгаков, Театральный роман);

2) «физическое состояние человека»: *Вдруг сделалось* ***жарко****. Потом опять* ***холодно****, и до того, что зубы застучали* (М.А.Булгаков, Театральный роман);

3) «психофизическое состояние». Контекст является важным условием формирования семантики модели. В зависимости от контекста СКС могут номинировать как психическое, так и физическое состояние человека. Ср., например, *То-то* ***мне было неудобно*** *в средних дверях* (М.А.Булгаков, Театральный роман) (физическое состояние) и *Нужно просить, а* ***мне неудобно*** (психическое состояние).

II. **Словоформа, обозначающая субъект состояния,** может быть выражена либо местоимениями в форме дательного падежа *мне, тебе, ему, вам*; в форме творительного падежа *с ним, со мной* и др., либо субстантивом. Субъект может иметь эксплицитное и имплицитное выражение: ***Ему*** *сделалось страшно, отчего – он сам не знал* (М.А.Булгаков, Черный маг); *Ни пса не видно, – в ужасе пролаял он в окно* (М.А.Булгаков, Собачье сердце).

В русских безличных конструкциях типа МНЕ РАДОСТНО безличная форма главного члена предложения и представление субъекта в пассивной перспективе (зависимая форма дательного падежа) реализует значение «неволитивное состояние субъекта», которое как бы навязывается субъекту помимо его воли [2, С.44–47].

Смысловой аспект английских конструкций формирует представление о носителе состояния в активной перспективе, например, ср.: рус. *Мне, впрочем, её не очень жаль, так как она мне не пригодится больше* (М.А.Булгаков «Мастер и Маргарита») и английский вариант *However, I am not very sorry about that since I no longer have any use for it*[1]*; Сказал так, чтобы было понятнее – I said it that way so as to make it more understandable.* В односоставной структуре русского предложения акцент делается именно на состоянии говорящего, который представлен как носитель состояния, как бы ему навязанного. Каузатором состояния могут являться какие-то высшие силы, обстоятельства, продиктованные тем или иным сложившимся положением дел, судьбой. В двусоставной структуре английского предложения состояние представлено как осознанное и контролируемое субъектом.

При переводе на английский язык русских конструкций типа МНЕ РАДОСТНО, репрезентирующих состояние субъекта как неосознанное, неконтролируемое его носителем, теряется интерпретационное значение русской конструкции, которое в некоторых случаях особенно важно не

[1] Здесь и далее примеры из английского варианта романа М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита» приводятся по книге: Mikhail Bulgakov, The Master and Margarita. – London, 2003.

упустить, например, при переводе художественного текста, когда необходимо сохранить смысл, заложенный автором оригинального текста.

Писатель при создании художественного произведения, с одной стороны, отражает объективную действительность, а с другой стороны, показывает субъективное отношение к действительности, что отражается в выборе им адекватного языкового знака, представляемого родным языком.

Писатель, имея реестр синонимических средств, получает возможность выбрать именно то средство, значение которого наиболее соответствует его миропониманию. Так, ситуация «субъект и его состояние» в русском языке может быть представлена по-разному в зависимости от намерения говорящего акцентировать внимание на том или ином смысловом компоненте: *Мне весело* – акцентирование внимания на состоянии субъекта – *Я весел* – акцентирование внимания на субъекте и его состоянии в статике – *Я веселюсь* – акцентирование внимания на субъекте и его состоянии, представленном как действие.

Так, например, в романе «Мастер и Маргарита» М.А.Булгакова выбор из потенциального синонимического ряда конструкций типа МНЕ РАДОСТНО, подбор лексического наполнения конструкций – СКС с семантикой «психофизическое состояние человека» преимущественно с отрицательной коннотацией (53 словоформы из 93), подчеркивающих «фатумное», «роковое» значение безличных предложений, помогает передать автору одну из главных тем романа – тему неопознанной высшей силы, тему сатаны.

В английском же тексте романа М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита» русские односоставные конструкции заменяются либо двусоставными, в которых субъектная форма выражена подлежащим (*«Англичанин», – подумал Бездомный, – ишь, и не жарко ему в перчатках – ‘An Englishman’ ... thought Homeless. ‘My, he must be hot in those gloves’; Бессмысленно оглядываясь и шатаясь, конферансье добрел только до пожарного поста, и там с ним сделалось худо – Staggering and looking around senselessly, the master of*

ceremonies had plodded no farther than the fire post when he felt sick; Со мною будет нехорошо, и я не хочу, чтобы ты погибала вместе со мной – Things won't go well for me, and I don't want you to perish with me); либо иными конструкциями, например, *Но до чего мне досадно, что встретились с ним вы, а не я – But how annoying that it was you who met him and not I.* Такая замена приводит к нежелательной в художественном тексте потере интерпретационной семантики безличных конструкций, вследствие чего несколько искажается манера письма писателя, являющаяся составной частью языковой картины мира. Всякое художественное произведение отражает созданную автором, живущим и пишущим в рамках той или иной национальной культуры, объективную действительность, воплощенную посредством использования языковых средств – лексических и грамматических – в художественную форму.

Литература

1. *Бердяев Н.А. Судьба России. – М., 1990.*
2. *Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – С. 33 – 34, 44 – 47, 56 – 57.*
3. *Монина Т.С. Проблема тождества предложения. – М.: МПУ, 1995. – С. 59, 90.*

Список цитируемой художественной литературы

1. *Булгаков М.А. Избранное: Роман "Мастер и Маргарита"; Рассказы. – М.: "Художественная литература", 1980. – С. 10–317.*
2. *Bulgakov M. The Master and Margarita. Translated by Richard Pever and Larissa Volokhonsky. London, Penguin Books, 2003. – 412 p.*

Вишняков А.Г.

ИМЛИ РАН (г. Москва)

Метаморфозы Повествователя в сказке «Беглый солдат и чёрт» из сборника Афанасьева, в романе Рамю «Царствие лукавого» и в «Истории солдата» Рамю и Стравинского

(на примере названия и инципита)

В центре внимания в статье – три произведения, хотя и близких тематически, но очень непохожих по жанру и поэтике: фольклорная полунепечатная сказка, синкретический танцевально-декламационно-драматический авангардистский спектакль и мистико-аллегорический

регионалистский роман. И всё-таки эти три произведения, как сообщающиеся сосуды, связаны между собой и одновременно открыты вовне, в макрокосм мирового искусства. Попытаемся показать это на примере названия и начального периода художественного текста, который принято называть инципитом.

Можно много рассуждать о том, что самая неразрушимая и живучая часть художественного текста – это его название, вспомнив, например, что десятки и сотни произведений античной литературы, признававшиеся современниками за шедевры, нам известны лишь по их названиям, давшим даже в этом качестве пищу для обильных анализов историков и теоретиков литературы. В этом смысле фольклор, тысячи лет существующий как бы параллельно большой литературе проявляет очень показательное равнодушие к процессу и результатам *имянаречения* своих детищ.

Именно такую функцию – жёстко детерминированную требованиями жанровой, информативной и номинативной функциональности – выполняют названия фольклорных форм, например – сказки. Сказочное название должно сразу дать указание на жанровую принадлежность последующего текста – поэтому так однообразны не только зачины в мировом фольклоре, но и названия – чаще всего начинающиеся как раз со слова «сказка». Во-вторых, название должно сразу заинтересовать нетерпеливого юного слушателя перечислением главных персонажей и основных перипетий. Третьей особенностью сказочных названий, часто перечёркивающей все изыскания исследователя на первых двух направлениях, оказывается то, что названия не только наименее древняя часть фольклорного текста, но и зачастую инородная, привнесённая в него учёным-фольклористом при записи и отвечающая его систематизаторским потребностям, нередко весьма далёким от органики самого текста.

Такое введение понадобилось для демонстрации того факта, что и наш анализ названия сказки № 154 из знаменитого афанасьевского трёхтомника «Народных русских сказок» не может не быть достаточно условным в силу

того, что не только номер, но и название, скорее всего, было дано ей лишь составителем. Тем не менее, название это столь же нетипично для фольклора, как и содержание и композиция самой сказки. Самым необычным в названии оказывается прямое наименование одного из двух главных действующих лиц, а именно чёрта. В третьем из анализируемых нами произведений, где он тоже важнейший персонаж, он вовсе не упоминается в названии, а в названии второго – упоминается в форме эвфемизма – «лукавый». И то, и другое соответствует народной – суеверной или мудрой – боязни произнесения имени «врага» вслух, проявляющейся, кстати, и в этой сказке, когда лукавый вновь является солдату после первого же упоминания. Подобные страхи почти неведомы секуляризованной и оторвавшейся от фольклорных корней письменной, авторской литературе. Парадокс состоит в том, что в нашем ряду именно фольклорное произведение делает то, что два других, чисто литературных, произведения делать остерегаются, а именно – выносит имя чёрта в своё название. Кстати, предыдущая сказка Афанасьева, №153, с очень сходным сюжетом, предпочитает вполне традиционное – и для фольклора, и для фольклористики – название «Солдат избавляет царевну».

Второй необычной особенностью названия «Сказки о беглом солдате и чёрте» оказывается ещё один совершенно не фольклорный и даже не традиционалистский приём несовпадения названия текста и его содержания. В нашей сказке не идёт речи о демонстративно случайной соотнесённости названия и содержания. Здесь скорее очень тонкий *зазор* между тем «заявлением о намерениях», которым всегда предстаёт название, и содержанием, которое оно должно анонсировать. Щель между текстом и его названием становится ощутима при внимательном прочитывании первых же строк сказки, её инципита, в котором перед нами никакой не беглый, а вполне обычный служивый, направляющийся в отпуск, и даже позже, обманутый чёртом и проведший у него вместо трёх дней три года, он не становится беглым, сознательным дезертиром, а лишь дьявольской логикой

оказывается вытолкнут сначала из службы, а потом и из нормальной жизни вообще.

Не менее яркие и неожиданные свидетельства необычности этой сказки даёт и сам её текст: невероятная амальгама фольклорных и книжных мотивов и тем, разговорной и даже непечатной сказовости (именно поэтому, видимо, она и опубликована не полностью, без окончания) и почти шекспировского накала страстей, тонкого психологизма – ещё одной черты большой мировой литературы, которая почти начисто отсутствует в фольклоре, довольствующемся штампованными образами и сюжетными ходами. И опять же ограничимся образом Повествователя, который появляется с первых же строк.

Начинается разворачивание истории вроде бы вполне традиционно и фольклорно. Повествователь выполняет свою первоначальную задачу: задаёт тон рассказываемой истории. Но всё ломается уже в четвёртой фразе, с появлением совершенно нетипичного для солдатского ранца предмета – скрипки. Даже в петровские времена, а именно в этот период, когда и появилась регулярная армия с солдатами, с отпусками и с ранцами, и была, видимо, создана эта сказка, скрипке среди солдатских вещей делать было нечего. Гораздо менее удивительно здесь появление – «вдруг и откуда ни возьмись» – чёрта, ведь именно петровская эпоха стала временем широчайшего распространения эсхатологических настроений в среде крестьянства и даже среди солдат, по-прежнему тысячами нитей связанных с родной деревней, о чём свидетельствуют и два из трёх наших произведений.

Итак, не так удивителен чёрт, как его психологическая обрисовка. Он не только является солдату в традиционно уважаемом на Руси образе «старца», но и держит в руках «книгу», которая в то время могла быть только духовной – других книг у крестьянства просто не было. Глумливая природа собеседника является тайной лишь для солдата, нам же Повествователь с бесстрашием и талантом, почти небывалым у фольклорного сказителя, приоткрывает посредством всего одного штриха всю бездну, таящуюся под

личиной «старца с книгою»: чёрт «аж поморщился», когда солдат «обозвал» его «добрым человеком».

Подобная игра Повествователя со своим текстом и с его, этого текста, потребителем, крайне нетипична для фольклора и именно это, среди прочего, придаёт этому уникальному произведению его необычный, переходный от анонимно-коллективного к индивидуализированному и изощрённо-авторскому стилю характер – вроде *парсун* XVII века – уже не икон и ещё не портретов.

Бросим теперь взгляд на второе произведение из трёх заявленных в названии этой статьи – на роман швейцарского писателя и поэта Шарля-Фердинана Рамю «Царствие лукавого», в центре которого – жуткая в своём крестьянском реализме хроника пребывания сатаны под видом сапожника в глухом горном селе. Начнём с названия: на первый взгляд оно, как и в случае с афанасьевской сказкой, кажется не то чтобы неверным, а не вполне точным: ведь перед нами не столько царствие лукавого, сколько одно из бесчисленных дорожных приключений на его бесконечном и бесцельном пути, как он сам говорит: «Я так долго был в дороге, что уж и не упомню всех стран, через которые проходил. И обычно едва придя в какое-то место, я должен почти сразу отправляться дальше». Вот почему этой книге, возможно, больше бы подошло существительное из названия другого романа Рамю «Passage du poète» со сходной тематикой – чужак приходит в замкнутый мирок деревни, чтобы всё там изменить. Слово ‘*passage*’ очень многозначно и трудно переводимо здесь: это и прохождение сквозь, и недолгое пребывание. Именно таким ‘*passage*’ предстаёт история лжесапожника Браншю.

И всё же именно такое ветхозаветное именование, соединяющее в себе библейский аллегоризм (*le règne*) и просторечное, пугливо эвфемическое речение (*l’esprit malin*) – очень точно соответствует всей этой истории и парадоксально ярко показывает сложное отношение Рамю к христианству и вере.

Для всякого верующего читателя очевидно, что Рамю не был ни вульгарным безбожником, ни рафинированным атеистом. Трансцендентальный заряд почти физически ощутим в «Царствии лукавого». Приведу ещё одно высказывание писателя, которое вернёт нас к названию романа. Известно, что Рамю был прилежным читателем Библии, особенно Ветхого Завета, и вот как он сам говорил об истоках этого своего интереса: «Крестьянская мифология, вот чем для меня был и остаётся и поныне Ветхий Завет; крестьянская мифология, придающая крестьянам, в среде которых я жил и из которой вышел, ослепительное благородство. Библейские персонажи шли из глубин времени и в то же время принадлежали моему, ничем не отличаясь от наших крестьян, такие же землепашцы и виноделы, как наши. Между этим детством мира и нашим собственным детством было чудесное соответствие, совпадение. Все эти библейские истории были прожиты мной».

Итак, название соединяет в одно ветхозаветную строгость и мир крестьянских верований. В самом деле, в отношении крестьянина к вопросам веры очень мало церемониального, показного, надменно фарисейского. Благоговейное или суеверное ощущение постоянного присутствия сверхъестественных сил – от богородицы до домового – в его быту и трудах пропитывает и питает всё мирочувствование крестьянина во всех странах и во все времена. Таким образом, роман с самого начала, с названия своего, задаёт важнейшую характеристику последующего текста – то, *как* будет рассказываться эта величественная и жуткая в своей безыскусности история, её мистическую и приземлённую тональность. В то же время, название выполняет и другую, основную, по мнению массового читателя, функцию – номинативную, информативную, сразу же, с порога, сообщая, *о чём* эта книга.

В основе всего инципита лежит парадокс, противопоставление на всех уровнях. Вот лишь некоторые из этих оппозиций: крестьяне – пришелец; групповое (как в унанимизме сливающее в одну коллективную

Сверхличность крестьянские индивидуальности) и стёртая, без особых примет, лже-индивидуальность Браншю (напялившего кожу человека, но так им и не ставшего); описание мирного летнего вечера и предощущение надвигающейся катастрофы (передаваемое, в том числе через традиционные для инципита предвосхищения, забегания вперёд, наиболее характерные для детективной литературы и придающие с самого начала всей этой мистической истории оттенок поисков истины).

Ещё одна очень эффектная антитеза: антиномичное соединение в поведении и «психологии» Браншю рептильного обездвиживания, омертвения аллигатора, подкарауливающего жертву и – неуловимой и неудержимой стремительности, молниеносного броска в совершенно неожиданном направлении (отсюда очаровывающее и страшащее крестьян ожидание от него сюрпризов и всегдашнее его умение оказаться неожиданным, несмотря на их ожидания). Вообще, его поведение не то чтобы противоположно ожидаемому, а просто – *иное*. Как бы он ни старался быть одним из всех, как все – всё и постоянно выдаёт в нём Чужого: и имя у него диковинное (несмотря на то что, говоря о нём, он ссылается – вполне по-крестьянски – на то, что это имя его отца), и кожа на нём висит, как одежда с чужого плеча, и нос свёрнут на сторону, и смех его – самое человеческое из всех неповторимо человеческих проявлений – звучит не так и не вовремя.

Первые же два абзаца задают темп (изысканный в своей неспешной простоте, временами неровный, как ходьба по горным каменистым тропкам), почти стихотворную просодию. В то же время, начальные абзацы содержат и тематическую завязь всей этой притчи-хроники. В этих же первых абзацах-строфах пунктирно намечается ещё одна особенность этой книги – первое появление Повествователя. Рамю, наверное, вполне мог бы, как Флобер в инципите «Бовари», придумать некий суррогат гида, первым вводящего читателя в повествование. Заглавный герой у Рамю – «человек» – появляется в первой же фразе сам, как бы не нуждаясь ни в каких презентационных

формулах, ибо, как ниже о нём замечается: «Это был один из тех, которые везде, куда бы их ни занесло, держатся как у себя дома, словно решив раз и навсегда: «Пусть принимают меня таким, как есть». И всё-таки в первой же фразе появляется тень, эмбрион Повествователя – в виде французского неопределённо-личного местоимения *on*.

В дальнейшем, наряду с этим *on*, появится вполне поначалу нейтральное «вы»: «он внезапно возник перед вами». Здесь это просто фигура речи, риторический оборот для большей наглядности описания, но и в дальнейшем это «вы» будет периодически всплывать из глубин текста, вовлекая читателя в непосредственное переживание истории. В этом смысле Повествователь «Царствия лукавого» перебрасывает мостик к тем нарративным экспериментам, в которых через полвека будут изощряться представители французского Нового Романа, в частности, Ален Роб-Грийе в романе «Ревность» (1957) и Мишель Бютор в «Изменение» (1957). Но, как у Бютора в критических местах через мембрану этого «вы» прорывается спорадическое «я», в романе Рамю, в момент наивысшего напряжения, среди безличных и неопределённо-личных оборотов вдруг трагически выступает вперёд «мы», причём сначала это «мы» приспешников Браншю, а несколькими строками ниже – уже их страдающих жертв: «Этот человек, которого раньше звали Браншю, теперь мы зовём его Повелитель, он ведь и в самом деле повелитель. Он извлекает всё из ничего, как Господь. /…/ Зачем вставать? Это было бы ненужной тратой последних наших сил /…/». Автор парадоксально демонстрирует стремление к объективности, но возможно это нежелание делить односельчан на правых и виноватых, слиться с ними в беде, пока неосознанной ими как общей.

Диаметрально направленные попытки дистанцирования от описываемого и слияния с ним продолжаются всю книгу, так, в конце, при победе над лукавым, повествователь ссылается на рассказы об этом «стариков» – хотя в самом начале романа подчёркивалась современность происходящей истории (в разговоре о новомодных лампах «Конго»,

железных дорогах, электричестве). В этом противоречивом стремлении подкрепить подлинность рассказываемого ссылкой на кого-то, и в то же время на незапамятное предание (что в устной традиции всегда сочеталось вполне мирно), как и во многих других особенностях книги Рамю, проглядывает неизносимая, извечная текстура архаического мифа. Перед нами – история за пряжей или перед костром на пастбище. Подобные истории – поучительные и в то же время жуткие в своём безучастном к морали реализме – рассказываются повсюду с незапамятных времён.

Но вернёмся к проблеме Повествователя: если сравнить «Царствие лукавого» с аналогичной по проблематике книгой Альбера Камю «Чума», в которой анонимный рассказчик раскрывает свой анонимат лишь в конце повествования и оказывается главным героем доктором Риё, то Повествователь у Рамю так и не открывается читателю. Вообще было бы интересно сравнить стилистику двух этих суховатых хроник и их лаконичный мистицизм, одинаково далёкий как от истового католицизма Клоделя, так и от агрессивного безбожия Сартра.

Все эти Повествователи исполняют в тексте сложную роль, становясь как бы ещё одной защитной плёнкой, преградой, предохраняющей фикциональный, сюжетный уровень произведения от непосредственного, слишком активного вторжения в него читателя, который всегда и неизбежно конкретизирует и приземляет художественный текст. В этом кардинальное отличие массового чтения от теоретизирующего прочтения критика и филолога, которые всегда склонны в первую очередь видеть композиционный, формальный, символический субстрат, ту самую пресловутую «литературность» Романа Якобсона, дорогую не только «университетской критике», но и самим авторам. Скромный рассказчик у Камю, унанимистский (то неопределённо личный, то безличный, то конкретно-коллективный) «один из нас» у Рамю призваны гарантировать подлинность описываемых невероятных событий.

С другой стороны, отказ от непосредственного вовлечения в сюжет позволяет Автору (как и фольклорному рассказчику) дистанцироваться от описываемых, часто невероятных с точки зрения здравого смысла, событий и перевести повествование из плоскости полудокументального на уровень прамифа, извечного и извечно возвращающегося, где каждая национальная, хронологическая, психологическая деталь отбрасывает символическую и интертекстуальную, если угодно, тень. Рассказчик одновременно выступает и в традиционной роли гаранта подлинности описываемых событий и снимает с себя всякую ответственность за их правдоподобие.

Выше говорилось, что с самого начала роман Рамю предстаёт историей поисков, взыскания Истины. Хотя читателю эта истина (о том, что Браншю – это сам сатана) раскрывается уже на экстратекстуальном уровне – прямо в названии, она довольно быстро становится очевидной и для всех персонажей романа, кроме одного – Лота, появляющегося на первых же страницах и трагической нотой закрывающего роман. Именно он берёт на себя ответственность согласиться принять чужака в деревне и становится его главным адептом. Он – второй главный герой романа и даже – заглавный, поскольку если Браншю – это лукавый из названия, то многострадальный Лот, его душа и деяния – это разрушительное царствие этого лукавого. Проводя параллель с уже упомянутым романом Камю, можно, думается, предположить, что Повествователь, который так и не решается, в отличие от доктора Риё, назваться, это традиционно из-за работы с огнём связываемый с нечистой силой кузнец Лот.

В самом общем смысле инципит «Царствия лукавого» можно считать синтезом двух картин, плавно проникающих одна в другую: неспешного, даваемого широкими мазками, динамичного описания летнего вечера в деревне и невероятно чёткого портрета Браншю. Многократно предпринимались попытки найти ни на что в Европе XX века не похожему творчеству Рамю какие-то параллели. Самая яркая аналогия – это, конечно же, космополит, технократ и разрушитель Стравинский. Архаическое

родство двух таких разных художников поражает нас всех на их совместных фото и, конечно же, в гениальной «Истории солдата».

Сами обстоятельства и детали создания «Истории солдата» не менее поразительны и оригинальны, чем само это произведение «в сказе, показе и в танце», как это определяется в его подзаголовке. Это действо создано по мотивам той самой сказки №154, которую Стравинский переводил Рамю по строчке, а тот затем создавал многократно перерабатываемый по требованию композитора ритмизированный и местами рифмованный, а чаще скрепляемый аллитерациями и симметричными конструктивными элементами текст. Во время работы происходили важнейшие для окончательной судьбы текста метаморфозы не только с замыслом, но и с двумя его авторами. Лиричному поэту-архаику и суховатому урбанисту-новатору Стравинскому удалось, пронеся через все этапы совместного творчества минималистский заряд первоначальной идеи, создать синкретическую и драматичную притчу о судьбе человека, опутанного паутиной Зла. Авторы не отказались ни от национального, ни от психологического колорита исходной сказки, расширив и углубив его. Не зря же Рамю, по свидетельству очевидцев, был безумно счастлив замечанию Стравинского, что его крестьяне очень похожи на русских мужиков и даже говорил в эпоху их работы над «Историей солдата»: «Я был русским, ибо сюжет был русским, Стравинский в это время был водуазцем, и музыка была родом из кантона Во».

В «Истории» с первых же слов и звуков происходит авангардистское сталкивание – лоб в лоб – и сшивание белыми нитками пародийных музыки и литературно-драматических приёмов многовековой Традиции и новейшего революционного искусства. Но самое удивительное в детище Рамю-Стравинского не это достаточно случайное совпадение, а то, что их новаторство было бесконечно далеко от фиглярства дадаистов и питалось от глубинных архаических и архетипических источников искусства. Возможно, именно поэтому и в тексте, и в музыке «Истории солдата» поражает

соединение непримиримо антитетичного: в частности, фольклорно-сказочно-лубочного и тонко психологического, философского, поэтично-аллегоричного. В определённом смысле третье из наших произведений предстаёт неким синтезом двух первых. И это становится ощутимо с его первых же строк: с подзаголовка, с первой ремарки, с первых слов Чтеца, который то вступает в разговор с недалёким солдатом, то, оттесняя его, говорит от его имени, то подаёт ему советы и реплики – как Господь Бог и суфлёр. Он же произносит последние слова: «История закончена», добавляя к принятой на себя роли декоратора и декорации функцию опускающегося занавеса.

Но Чтец – не только субститут Бога, декораций, занавеса и практически всех персонажей (Солдата, Короля, Принцессы), он и воплощение самого сатаны. И именно в этом качестве он наиболее ярок: он не только временами берёт на себя роль чёрта, озвучивая его, но уже в первые же мгновения представления он появляется со своей собственной «книгой», и как чуть позже узнает зритель именно книга становится важнейшим символом сатаны, ключом к тайне его могущества, как символом солдата будет его скрипочка. И если у Афанасьева чёрт – это «старец с книгою», то у Рамю-Стравинского – это «старичок с сачком в руке». Этот своего рода текстуально-сценический метемпсихоз Чтеца и чёрта в начальной сцене найдёт своё разрешение в финале, в демонической и триумфальной пляске чёрта, которую Стравинский сочинял с прицелом на себя и с намерением самому исполнить этот танец, танец, в котором достигает своего апогея разрушение грани между персонажем и Повествователем, текстом и его автором, художником, его детищем и зрителем. Некоторым, наиболее ярким и характерным, проявлениям этого разрушительно-созидательного процесса и была посвящёна эта статья.

Цитируемая художественная литература

1. ***154.*** *Беглый солдат и черт // Народные русские сказки А.Н.Афанасьева: В 3 т. – М.: Наука, 1984—1985. – Т. 1. – 1984. – С. 275–277.*
2. *Шарль-Фердинан Рамю. Царствие лукавого. – 1914, 1917.*

Гаврилова Н.В.
МГОПИ (г. Орехово-Зуево)

Функции коннекторов в дискурсе

В исследованиях последнего времени, посвящённых теории речевого акта и его продукта (связного текста, дискурса), широко используется понятие коннекторов.

Проблема коннекторов является объектом исследования многих лингвистов. Одни занимаются исследованием отдельных частных проблем: анализом семантики отдельных коннекторов (А.Зенон), изучением роли коннекторов в организации диалогических высказываний (М.Шеллинг), исследованием употребления коннекторов в отдельных стилях речи (А.Буаша). Другие исследователи изучают проблему коннекторов в связи с общими вопросами организации дискурса (О.Дюкро, Э.Руле, С.Рюбаттель и др.).

Отдельные исследователи усматривают некоторую аналогию между прагматическими коннекторами и формальными операторами алгебры Буля (см.: A.Berrendonner). Однако это сходство только внешнее. Если логические коннекторы отличаются комбинаторной гомогенностью и идентичностью результата, прагматические коннекторы отличаются большой вариативностью. Результат их действия будет различным в зависимости от семантики самого коннектора (Ср.: *parce que* и *puisque*), семантики конституэнтов, которые он соединяет, его места в высказывании, его прагматической функции, стиля речи и т.д.).

Отсюда трудность в дефиниции термина ***коннектор*** и определении класса единиц, которые к ним относятся. Наиболее общее определение коннекторов даётся Е.Руле: ***Прагматические коннекторы*** – это маркеры структурирования речи, которые, не указывая на специфическую прагматическую функцию, указывают на связь или сбой в иерархической структуре дискурса (E.Roulet et al., p.32).

Руле выделяет 3 большие группы коннекторов в зависимости от прагматической функции, которую они выполняют в дискурсе:

I. маркеры иллокутивной функции: *alors, heu, ben, quoi, je voudrais vous poser une question*.

Иллокутивная функция соединяет конституэнты дискурса обмена (диалог). Иллокутивная функция может быть инициативной или реактивной. Она может быть представлена в виде перформативного глагола: *Je voudrais vous poser une question… Que pensez-vous de cette affaire? Je vous questionne sur ce que vous pensez de cette affaire*. Данный речевой акт выполняет инициативную иллокутивную функцию.

II. маркеры интерактивной функции.

Они соединяют прямой и подчинённый акты речи (acte directeur et acte subordonné) и встречаются как в высказываниях монологического, так и диалогического характера. Трансформация с помощью перформативного глагола в данном случае невозможна. В отличие от коннекторов 1-го типа они не могут быть представлены в виде перформативного глагола. Это коннекторы типа *et, car, comme, puisque, en effet, d'ailleurs, au moins, bien que, finalement, pourtant, au fond* и др.

Э.Руле выделяет четыре класса интерактивных коннекторов:

1. аргументативные коннекторы. Они маркируют подчинённый акт и образуют между ним и прямым актом отношение аргументации. Они были объектом исследования таких лингвистов, как О.Дюкро, Ж.Жайе, Ж.-С. Анскомбр, Э.Руле, А.Зенон и др. Это коннекторы типа *parce que, puisque, car, au moins, en effet*;

2. консекутивные коннекторы. Они маркируют подчинённый акт и образуют между ним и прямым актом отношение следствия. Это коннекторы типа *car, donc, d'ailleurs*;

3. контраргументативные коннекторы. Они маркируют подчинённый акт и образуют между ним и прямым актом отношение контраргументации: *bien que, même*;

4. реэвалюативные коннекторы. Они маркируют подчинённый акт, представленный прежде как независимый: *finalement, au fond, en effect*.

III. маркеры структуирования речи: *alors, bon, ben, quoi, oui, non mais, voilà…*

По своей синтагматической роли они обозначают начало или конец конституэнта, по структурной роли они указывают на характер иерархической связи между конституэнтами дискурса. Анализ конструкций с данными коннекторами показывает, что они не допускают трансформацию перестановки:

C: *Vous n'avez pas de billet?*

P: *Euh… non!*

C: *Alors vous avez une carte d'identité?* → **Vous avez une carte d'identité alors.*

Трансформация с их включением в состав сложноподчинённого предложения также невозможна: *Bon ben je ne viendrai pas* →**Il a dit que bon ben il ne viendra pas*.

Наряду с данной классификацией существуют и другие, более подробные. Так, Н.Спенглер в классе интерактивных коннекторов насчитывает 8–11 подгрупп. Самой многочисленной оказывается подгруппа аргументативных маркеров, насчитывающая 8 классов:

1. уступительные: *certes, bon, oui* (с восходящей интонацией).

В данном случае имеются в виду следующие типы дискурса:

X dit: *Vous avez eu le beau temps pour vos vacances*. (A)

Y dit: *Certes il a fait beau*. (B)

X dit: *Mais les enfants ont été malades sans arrêt*. (C)

В данном случае реплики (A) и (C) связаны иллокутивной функцией, а (A) и (B) – интерактивной функцией. Коннектор, связывающий их, является, с точки зрения Н.Спенглер, уступительным.

2. контрастивные: *mais, seulement, quand même, tout de même, pourtant, cependant, malgré tout, néanmoins, en revanche, par contre*;

3. оппозитивные: *non, si, en effet, en réalité, absolument pas, pas du tout…*

4. конфирмативные: *oui, tout à fait, absolument, parfaitement, en effet, effectivement, bien, c'est bien ça…*

5. подтвердительно-экспликативные: *car, parce que, puisque*;

6. вводящие аргумент: *or, d'ailleurs*;

7. уточняющие: *du moins, même*;

8. конклюзивные: *finalement, après tout, ceci dit, tout compte fait, au fond, décidément, enfin, alors, donc, aussi…*

В разряде «географических маркеров» она выделяет:

1. маркеры тематической связи с предыдущим актом: *à propos, justement, au fait*;

2. «добавки»: *et, et puis, en outre…*;

3. альтернативы: *ou bien …ou bien, autrement, plutôt*.

Как мы видим, исследователи по-разному подходят к классификации коннекторов. Одни и те же коннекторы оказываются в разных подгруппах не только у разных исследователей, но даже в классификации одного и того же исследователя (см., например, место коннектора *en effet* в классификации Н.Спенглер).

Наиболее общими чертами, свойственными коннекторам в различных классификациях, является:

1. /свойство объединять конституэнты дискурса/ прямой и косвенный акт/ для выражения той или иной прагматической функции с целью модификации семантического целого;

2. /анафорический характер коннекторов/ свойство иметь определённый антецедент/.

Вместе с тем анализ первого свойства коннекторов затрудняется тем, что у лингвистов нет единого мнения о том, что считать прямым актом, а что – подчинённым. Так, в высказываниях типа:

Tu n'es pas venu avec moi cet après-midi. (A)

Donc, tu n'auras pas de dessert. (B)

в зависимости от интенции говорящего как (А), так и (В) могут рассматриваться как прямой акт. Если (А) – прямой акт, то (В) служит для выражения интерактивной функции следствия, вытекающего из утверждения (А). Если (В) – прямой акт, то (А) служит для выражения интерактивной функции аргументации. Таким образом, коннектор *donc* может рассматриваться как консекутивный, либо как аргументативный (см. классификацию Э.Руле).

Трудности в дефиниции коннекторов вытекают также из разнородности грамматического статуса этих единиц и разнообразия их функций в дискурсе.

Э. Руле выделяет следующие грамматические классы коннекторов:

1. сочинительные союзы: *et, mais, car, or*. Они могут соединять конституэнты разного уровня. Их место слева от второго конституэнта;

2. подчинительные союзы: *parce que, puisque, bien que…*; Их место также слева от второго конституэнта (подчинённого);

3. наречия: *donc, certes, finalement, effectivement…;*

4. предложные синтагмы: *en effet, au fond, en fait…*;

5. именные синтагмы: *somme toute, tout compte fait…*

Коннекторы 1-го типа никогда не соединяются между собой (*et car, mais or, et mais*). Коннекторы 1-го и 2-го типов отличаются относительной закреплённостью их места в тексте (слева от зависимого конституэнта).

Коннекторы 1-го и 3–5 типов могут объединяться между собой: *Elle était venue droit vers lui à travers la salle et alors il eût voulu être à cent pas sous terre*. (Frison-Roche).

Коннекторы 3–5 групп, как правило, могут соединяться между собой при наличии разных антецедентов и при условии их расположения в разных местах текста. Сравните:

Ce livre est intéressant pourtant quand même.

Pourtant ce livre est intéressant quand même.

Коннектор *pourtant* во втором предложении относит содержание данного предложения к предыдущему высказыванию и касается всего предложения. В данном случае мы можем предположить наличие антецедента типа *Tu n'as pas lu ce livre*. Коннектор *quand même* относится к глагольной синтагме. Он предполагает наличие антецедента типа *Il est très ennuyeux, ce livre*.

Определение грамматического статуса коннекторов, их места в дискурсе, возможности сочетания разных коннекторов в одной фразе относится к структурно-грамматической функции коннекторов. Кроме структурно-грамматической, коннекторы выполняют также в дискурсе семантико-прагматическую функцию, позволяющую предвидеть возможности их сочетаемости, взаимозамены, характера антецедентов. Семантико-прагматическая функция уточняет семантику коннекторов, их способность модифицировать высказывание, характер прагматической функции конституэнтов дискурса.

Так, анализ коннекторов аргументации показывает, что они могут относить содержание подчинённого акта

1. к пропозиции (локуции),
2. к иллокуции,
3. к акту высказывания.

Например, прямой акт: А – *Elle est malade*.

Подчинённые акты:

A_1 – *Elle est resté longtemps au soleil.*

A_2 – *Elle ne m'a pas téléphoné aujourd'hui*.

A_3 – *Vous êtes trop curieux*.

A_1 может быть введено при помощи коннекторов *parce que, car, puisque, comme, en effet*. В данном случае аргументируется пропозиция, сам экстралингвистический факт. A_2 может быть введено при помощи коннекторов *car, puisque, comme, en effet*. В данном случае аргументируется иллокуция. A_3 может быть введено при помощи *puisque*, т.к. аргументируется

акт высказывания (acte d'énonciation). Способность *puisque* относить аргумент как к пропозиции, так и к иллокуции и к самому акту высказывания позволяет по-разному интерпретировать содержание высказываний с коннектором *puisque*. Например: *Nicolas ne peut pas sortir puisqu'il est malade*. Николай действительно болен и не может выйти или он притворился больным (*il ne peut pas sortir puisqu'il a prétend être malade*.) В этом случае говорящий как бы повторяет слова самого Никола, сказавшегося больным (полифоническое употребление).

Подобные же особенности коннекторов можно наблюдать на примере консекутивных (следственных) коннекторов: *aussi, ainsi,donc, par conséquent, alors*. Они были предметом изучения таких лингвистов, как Ж.Жайе, А.Зенон, Э.Руле, М.Шеллинг и др. В указанной группе *ainsi* противопоставляется другим коннекторам, т.к. оно способно аргументировать только пропозицию прямого акта, в то время как все остальные коннекторы группы аргументируют как пропозицию, так и иллокуцию. Вот почему взаимозаменяемость коннекторов не всегда возможна. Например:

Vous êstes libre	*ainsi* *aussi* *donc* *par conséquent* *alors*	*Vous pouvez partir.*

В данном случае возможна взаимозаменяемость всех коннекторов указанной группы, т.к. аргументируется содержание прямого акта (пропозиция).

Vous devez partir	*ainsi* *aussi* *donc* *par conséquent* *alors*	*dépêchez-vous d'acheter le billet.*

В этом случае возможна взаимозаменяемость всех указанных коннекторов, кроме *ainsi* ,т.к. аргументируется иллокуция.

Alors может быть противопоставлено другим коннекторам этого типа, т.к. только оно может относить аргумент к самому акту высказывания:

Vous voulez acheter ce	*alors* *aussi* *donc* *par conséquent*	*est-ce vous avez assez d'argent?*

В указанном примере возможно только употребление коннектора *alors*, все остальные консекутивные коннекторы исключаются.

Трудности взаимозаменяемости могут быть вызваны и отдельными нюансами смысла, связанными с рема-тематическим употреблением коннекторов. Так, *parce que* и *puisque* отличаются тематическим употреблением, а *car* – рематическим. Эту особенность коннекторов используют средствами массовой информации. Поскольку *parce que* и *puisque* имеют тематическое употребление, введённые ими факты рассматриваются как известные. Поэтому они часто используются в текстах рекламных объявлений:

Nos produits sont les moins chers parce qu'ils sont les plus vendus. (4)

В стилистическом аспекте коннекторы могут различаться с точки зрения полифонии и диафонии. Большинство коннекторов могут вводить акт речи, названный прежде третьим лицом (полифоническое употребление) или получателем информации, адресатом (диафоническое употребление).

Например:

Il est chez lui, dis-tu, alors je peux lui téléphonner (диафоническое употребление).

Употребление коннектора *alors* позволяет говорящему отдалиться от автора воспроизведённого сообщения, поставить под сомнение данную им информацию: *Elle est arrivé, dis-tu, alors pourquoi ne m'a-t-elle pas téléphonné?* Ни *donc*, ни *par conséquent* в данном случае невозможны.

Во фразе *"Nicolas est arrivé, alors il nous cache quelque chose*" употребление коннектора позволяет говорящему отделить себя от автора

первого сообщения и тем самым способствует появлению в тексте полифонии.

Изучение семантики и функционирования коннекторов имеет как теоретическое (в плане разработки теории речевых актов), так и прикладное, практическое значение (в плане разработки адекватной методики изучения данных лингвистических единиц в средней и высшей школе).

Примечания

1. В.Л.Малахин. Наследие М.М.Бахтина в современном зарубежном литературоведении. – Известия АН СССР. Серия лит. и яз., 1986,том 45,№4.

2. Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XYII: Теория речевых актов. Под ред. Б.Ю.Городецкого. – М.:Прогресс,1986.

3. A.Berrendonner. "Connecteurs pragmatiques" et anaphore. – Cahiers de linguistique française, №5. Genève , 1983.

4. Le group – L. Car, parce que, puisque. – Revue romane, 1975, t.10, №2.

5. A.Bouacha. Alors dans le discourse pédagogique: épiphénomènes ou trace d'opération discursive? – Langue française, 1981, №50.

6. O.Ducrot. Les mots du discourse. – P.: Minuit, 1980.

7. F.Letoublon. Pourtant, cependant, quoique, bien que. Dérivation des expressions de l'opposition et de la concession. – Cahiers de linguistique française, №5, 1983.

8. J.Moeschler. Contraintes structurelles et contraintes d'enchainement dans la description des connecteurs concessifs en conversation. – Cahier de linguistique français, №5.Genève, 1983.

9. E.Roulet et al.L'articulation du discourse en français contemporain. – Berne, 1985.

10. C.Rubattel. Sur la position et le cumul des connecteurs pragmatiques: syntaxe et forme logique des adverbiaux. – Cahiers de linguistique française, №5.Genève, 1983.

11. M.Schelling. Remarque sur le rôle de quelques connecteurs (donc, alors, finalement, au fond) dans les enchaînements en dialogue. – Cahiers de linguistique française, №5. Genève, 1983.

12. N.de Spengler. Première approche des marqueurs d'interactivité. – Cahiers de linguistique française, №1. Genève, 1980.

13. A.Zenone. La consécution sans contradiction: donc, par conséquent, alors, aussi, ainsi (deuxième partie) – Cahiers de linguistique française, №5. Genève, 1983.

14. A Zenon. Marqueurs de consécution: le cas de donc. – Cahiers de linguistique française, №2. Genève, 1981.

Герцев С.Д.
МГОПИ (г. Орехово-Зуево)

Лаконизм английского текста как отражение аналитизма английского языка

Синтетизм и аналитизм – это основные категории для характеристики типологических особенностей языков индоевропейской семьи. Английский язык входит в состав западно-германской группировки внутри германской группы языков этой семьи. Английский и русский языки являются примерами двух типов языков: аналитического и синтетического, поэтому по принципу своего построения эти языки не только различны, но даже противоположны. Перевод с аналитического английского на флективно-синтетический русский язык позволяет выявить все типологические различия в наиболее полном виде, характеризуя тем самым специфику каждого из этих двух языков.

Особенно интересной чертой специфики английского языка, которая одновременно создает весьма значительные трудности при его изучении и, в частности, при переводе на русский язык, является лаконизм, т.е. семантическая ёмкость, снятие смысловой избыточности на всех уровнях английской языковой системы: на уровне отдельного слова, словосочетания, предложения, текста. Вместе с тем следует отметить, что английский язык занимает особое место в германской языковой группе, прежде всего, за счет наиболее «ярко выраженных признаков аналитического строя» [ЛЭС, С.33].

В действительности не бывает языков чисто аналитических или чисто синтетических, реальные языки демонстрируют обе эти тенденции, но в каждом конкретном языке преобладает (в разной степени выраженности) лишь одна из них [1, С.17]. Степень аналитичности (точнее – степень аналитичности ~ синтетичности) обычно определяется количеством морфем в среднем в слове. Для английского языка этот показатель равен 1,78; в русском языке соотношение иное: около 2,4, а в санскрите степень синтетизма даже выше, чем в русском – 2,6 [ЛЭС, С.31].

По определению, «аналитизм – это противопоставляемое синтетизму типологическое свойство, проявляющееся в раздельном выражении основного (лексического) и дополнительного (грамматических, словообразовательных) значений слова» [ЛЭС, С.31]. Как известно, «аналитизм проявляется в морфологической неизменяемости слова и наличии аналитических (сложных) конструкций (форм)», причем аналитические конструкции по функции делятся на морфологические, синтаксические и лексические» [там же, С.31].

С другой стороны, «морфологическая неизменяемость слова свойственна изолирующим языкам», поэтому как в аналитических языках (английский), так и в изолирующих языках (китайский) «грамматические значения выражаются в сочетании слова со служебными или полнозначными словами, в порядке слов, в интонации» [там же, 31].

В современном английском языке исследователи обнаруживают не только следы его флективного прошлого, но и явные признаки изолирующего и агглютинативного типов. С агглютинативным типом английский язык сближает однозначность словоизменительных морфем (морфемы мн.числа – *-es, -en* ничего, кроме числа, не обозначают). Отсутствие категории грамматического рода и связанное с ним отсутствие согласования существительного, прилагательного и притяжательных местоимений в английском (ср.: *the new town – the new towns*) также является общим признаком агглютинативного и изолирующего типов, а порядок слов в китайском простом предложении (изолирующий тип) полностью совпадает с порядком слов в английском: подлежащее + сказуемое + дополнение [см.: 1, С.17]. «Английский язык в современном его состоянии, – пишет В.Д. Аракин, – благодаря развитию так называемой конверсии приобрёл признаки, свойственные агглютинативному или изолирующему типу, где части речи различаются слабо» [1, С.19].

Если типологические признаки аналитического строя английского языка наложить на соответствующие параметры, приводимые В. Скаличкой в

таблице типологических признаков [5, С.29–30], то путем выборки можно составить новую таблицу, в которой наглядно противопоставлены типологические признаки для русского и английского языков (флективность ~ аналитизм); в этой таблице однородные признаки (+ + или – –) агглютинативного и изолирующего типов суммарно представляют английский аналитизм в его противопоставленности русскому флективному типу.

№ п/п	Языковой тип / Типолог. признаки	Флективный	Агглютинативный	Изолирующий
1.	Противопоставление корневых и служебных элементов	–	+	+
2.	Противопоставление частей речи	+	–	–
3.	Согласование	+	–	–
4.	Твердый порядок слов	–	+	+
5.	Синонимия и омонимия грамматических элементов	+	–	–
6.	Грамматический род или классы сущ-х	+	–	–

Ю.В.Рождественский с помощью специальных формул расчетным путем определил существование корреляционной зависимости между фонемным строением слова (кол-во фонем в языке, кол-во слогов в слове, особенности слогоделения) и грамматическим типом (изолирующий, агглютинативный, флективный) для разных языков [3, С.259–279].

В английском языке высок удельный вес лексических заимствований (главным образом, из французского и латинского языков), в то время как на долю исконной, англосаксонской и общегерманской, лексики приходится всего около 30% словарного состава [ЛЭС, С.33]. Однако в ходе исторического развития эволюция фонетической структуры именно этого исконного лексического слоя предопределила становление аналитического строя в морфологии языка: «редукция неударных гласных привела к значительному упрощению морфологической структуры, а на основе грамматизации глагольных словосочетаний складывалась новая (=аналитическая – *С.Г.*) система глагольных парадигм» [там же].

Общегерманские по происхождению слова (англосаксонские плюс заимствованные из датского и скандинавских языков) – это, как правило, односложные корневые морфемы (т.н. «первообразные слова»). Фонологическая недостаточность односложных слов – очевидный факт (недостаточность по причине односложности), который обусловил появление в языке большого числа омонимов.

Омонимы различаются в английском языке только графически (и то не всегда) за счет сохранения дифференцирующих написаний при историко-традиционном характере современной английской орфографии. Ср.: *new – knew, night – knight, rite – write – right – wright, site – sight* и т.п. Необходимо отметить еще одно следствие, вытекающее из упрощения фонологической структуры слова – минимизацию фонологических противопоставлений разных слов, напр.: *bite – fight – kite – light – might – night – right – sight – tight* и мн. др.

Минимизация фонологической и слоговой структуры исконного слоя лексики не могла не привести к существенному ограничению словообразовательного потенциала слов, и как следствие этого – к возникновению таких явлений, как конверсия и полисемия, которые ярко выражены, прежде всего, в количественном аспекте (количество многозначных слов и число значений у каждого такого слова, количество конкретных случаев конверсии и типов перехода из одной части речи в другую). Конверсия и полисемия – отличительные признаки аналитизма и изолирующего типа языка.

Английский язык очень существенно экономит на словообразовательных элементах по сравнению с русским языком, в первую очередь за счет развитой полисемии, которая включает в свой спектр различные окказиональные значения и варианты основных словарных значений. Например, слово *function* <сущ.>, согласно Англо-русскому словарю И.Р.Гальперина, имеет 5 основных значений (из них значение №4 делится на 2 подзначения). От первого значения сущ. *function* «функция,

назначение» может быть образовано несколько окказиональных вариантов, например, таких как «цель» или «место» (перен.), которые приводятся в самом словаре в иллюстративном материале к 1-ому основному значению: *the function of education is to develop the mind* – образование имеет своей целью развить умственные способности; *glass has an important function in modern architecture* – стекло занимает важное место в современной архитектуре [БАРС, т.1, С.562]. По конверсии от этого существительного образован глагол с двумя значениями: 1. функционировать, действовать; работать и 2. выполнять функции, исполнять обязанности [там же]. При помощи словообразовательных суффиксов образовано 6 производных слов (из них 2 грамматических омонима): *functional* (прил.), *functionality* (сущ.), *functionally* (нареч.), *functionary* (сущ. и прил.), *functionate* (глаг.) [там же, С.562]. Слово *function* – латинское по происхождению.

По нашим наблюдениям, для иноязычных (негерманских) заимствований больше свойственна аффиксальная деривация и в меньшей степени – словосложение, в то время как у исконной лексики картина противоположная, и это явление, по-видимому, также каким-то образом соотносится с количественно-силлабической структурой слов. Для аналитических и изолирующих языков особенно характерна не аффиксальная деривация, а словосложение аналитического типа, т.е. без соединительных элементов, путем простого соположения лексических компонентов (с пробелами или дефисным написанием): *poor man* «бедняк», *poor oat* (бот.) «овсюг», *poor man's weather-glass* (бот.) «очный цвет»; *poor-box* «кружка для сбора в пользу бедных», *poor-law* «законодательство о бедных», *poor-rate* «местный налог в пользу бедных», *poor-spirited* «робкий»; 2 слитных написания: *poorhouse* «богадельня; работный дом», *poorshouse* (шотл., амер.) = *poorhouse, poortith* (шотл.) «бедность». Из 13 производных от прил. *poor* только 3 слова образованы суффиксальным способом (из них 2 слова – семантико-грамматические омонимы): *poorly* (нареч.) «бедно, скудно, плохо,

жалко; плохо, с пренебрежением», *poorly* (предик. прил.) – «нездоровый», *poorness* – «бедность» [БАРС, т.2, С.233].

В русском языке, наоборот, доминирует аффиксальная деривация при весьма умеренной полисемии. Например, если от английского корневого слова *poor* образовано разным способом всего лишь 13 слов-дериватов, то в русском языке, согласно большому словообразовательному словарю, от корня бед – произведено 127 дериватов [6, С.24].

Этот пример, как и результаты статистической обработки любой выборки из больших словарей русского языка, полностью соответствуют полномасштабной статистической характеристике русской лексической системы. Так, по данным Машинного фонда русского языка (Ин-т Русского языка им. В.В.Виноградова РАН), в современном русском языке содержится более 800 000 слов [4, С.444]. И на этом общем лексическом фоне «в современном литературном языке производные слова (словообразовательно мотивированные) составляют примерно 95% всего словарного состава» [там же].

Таким образом, для выражения новых понятий английский и русский языки используют различные средства, в которых доминируют две противоположные тенденции, обусловленные типологией языковых систем: аналитизм (англ.яз.) → лексическая полисемия ~ синтетизм (рус.яз.) → лексическая деривация.

В плане формального выражения полисемия – более экономный способ, чем аффиксальная деривация: длина слова в среднем в английском языке (особенно, если учитывать реальное произношение, а не написание) намного меньше, чем в русском.

Недостаточность и минимизация фонемно-силлабической структуры английских слов обусловили невозможность выражения дополнительных, грамматических, значений в пределах самого слова, поэтому в самой акустической субстанции английского слова нет условий для функционирования словоизменительных элементов – флексий (исключения:

-s и *-ed* у глаголов). Здесь мы видим взаимообусловленный процесс, приведший к грамматическому лаконизму: в результате редукции безударных слогов, имевшей место в истории развития языка, утратились флексии именного и глагольного словоизменения и сократилась длина слов с сопутствующими явлениями омонимии и минимизации фонемно-слоговой структуры слов, а фонемно-силлабическая недостаточность слов не создавала условий для развития каких-либо словоизменительных формантов. Поэтому эта нехватка флексий для выражения реляционных значений в английском языке компенсировалась развитием полисемии служебных слов (предлогов, союзов), а также появлением аналитических форм и конструкций типа «вспомогательный глагол + инфинитив или причастие».

В английском языке лаконизм в выражении грамматических значений достигается широким использованием простого соположения слов, которое является универсальным грамматическим средством для аналитических и изолирующих языков. Соположение как грамматический способ представлено двумя основными видами: полнозначное слово + полнозначное слово и служебное слово + полнозначное слово.

Такая лаконичная аранжировка слов относительно друг друга методом соположения создает фиксированные грамматические контексты, обычно описываемые как различные дистрибутивные структуры или аналитические конструкции. Элементы этих конструкций (= слова) имеют минимальное грамматическое оформление: различение частей речи (напр., существительное ~ глагол, прилагательное ~ наречие) и некоторых форм (служебный глагол ~ полнозначный глагол, инфинитив ~ личная форма глагола и т.п.).

Особенно лаконичны структуры, в которых полнозначные слова сочетаются без помощи служебных слов. Такие фиксированные грамматические контексты обычно воспринимаются носителями русского языка как смысловые лакуны, непременно заполняемые при переводе на русский язык (или на какой-либо другой язык аналогичного типа) так

называемыми «дополнительными» или «вставочными» словами, в то время как для носителей английского языка подобных лакун вообще как бы не существует, то есть они не воспринимаются как реальные «лакуны» языковым сознанием, настроенным на иной ракурс восприятия «семантических объектов».

Ещё раз отметим принципиально важный момент: синтагматическая организация текста по схеме «соположение полнозначных слов + «лакуны» при общей максимальной экономии языковых средств» в наибольшей степени присуща языкам именно изолирующего типа, в то время как у английского языка с этим языковым типом много общих признаков (см. вышеприведённую таблицу). Проиллюстрируем указанную особенность несколькими примерами, подчеркнем в них вставочные слова.

To do well in one's studies, one must work hard. – Чтобы хорошо учиться надо упорно работать.

The book to be read by next week is of great interest. – Книга, которая должна быть прочитана к следующей неделе, представляет большой интерес.

There is nobody left to rely upon. – Не осталось никого, на кого можно было бы положиться.

Иногда такие конструкции воспринимаются как эллипсис с пропуском вполне определённых служебных слов. Например, в определительных и дополнительных придаточных предложениях могут быть опущены союзные слова that, which, who, whom: *The book (which) the student is reading is interesting*. – Книга, которую читает этот студент, интересная.

I know (that) he is ill. – Я знаю, что он болен.

Перечень подобных структур (конструкций) можно было бы продолжить.

Многозначность (семантическая ёмкость) английских слов требует их более экономного использования (по сравнению с русским языком). К тому же в английском языке смысловые «лакуны» образуются регулярно по причине активного взаимодействия всех видов контекста – грамматического

контекста, микроконтекста отдельных слов и словосочетаний, контекста данного конкретного предложения и макроконтекста (т.е. контекста соседних предложений, данного абзаца или даже всего текста). Поэтому такие предложения необходимо переводить на русский язык путем адекватного перефразирования (методом адекватных замен) с использованием большого числа «вставочных слов». Проиллюстрируем это положение следующим примером:

His commands are likely to be respected and obeyed then.

Это предложение взято из текста «Профессия учителя». В предыдущем предложении говорится о том, что авторитет учителя, его уважение учениками могут гарантировать, прежде всего, его знания, эрудиция, высокий интеллектуальный уровень. Короткое слово *then* стоит в конце анализируемого предложения, потому что на него падает логическое ударение, и оно по смыслу тесно связано с предыдущим. С учетом общего контекста *then* нельзя переводить стандартным «тогда», здесь уместно более пространное, но по смыслу – точное, выражение: «только в этом случае» или «только при этом условии». Слова *commands, to respect, to obey* многозначны и их словарные переводы не совсем точно подходят для данного контекста [см.: БАРС, т.2, С.342 (respect), 115 (obey)]. Адекватный перевод этой фразы таков: «Вероятно, <u>только в этом случае</u> к его распоряжениям <u>будут относиться</u> с уважением и [их] выполнять».

«Контекстуально-лексические лакуны могут быть значительной протяжённости, и без их заполнения «вставочными словами» текст в русском переводе теряет смысл» [2, С.98]. Интересно, что лакуны зачастую возникают в смысловом поле общего контекста на стыке фраз, а не только внутри предложений. Такой случай был нами отмечен в начале текста по искусству: *Painting, sculpture, and wood carving are three of what we call the arts. There are many more*. – Перевод: «Живопись, скульптура и резьба по дереву – [вот] три [разновидности] [того], [что] мы называем искусствами. [*На самом деле*] [их] намного больше» [там же].

Все отмеченные явления носят системный характер и буквально пронизывают английские тексты любой тематики, независимо от функционального стиля и степени сложности. А это позволяет выдвинуть вполне обоснованное предположение о том, что в английском языке на почве постоянно усиливавшегося аналитизма исторически сложилась наряду с грамматикой аналитического типа «вторичная семиотическая система неявного плана» с её основными составляющими: лексика – грамматика – контекст, причём неким общим каркасом для всей этой системы служит сам языковой тип [2, С.93, 103].

Контекстуальные лакуны, как элементы системы, закономерно возникают на базе различных аналитических конструкций типа соположения полнозначных и служебных слов при активном участии такого фактора, как семантическая ёмкость слов (зафиксированная полисемия плюс широкий спектр окказиональных значений). Совокупность лакун разных типов и образует то, что обычно весьма неточно обозначают как «особенности стиля», «лексические и грамматические трудности перевода», «лаконизм стиля».

Затронутая в данной работе проблема лаконизма английского текста весьма актуальна для всех изучающих этот язык, более того – она требует постоянного совершенствования техники перевода.

Литература

1. *Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. – Л., 1979.*
2. *Герцев С.Д. Некоторые системные особенности английского языка, проявляющиеся при переводе на русский язык // Проблемы языковых контактов на современном этапе. Материалы межвузовской научно-практической конференции. – Электросталь: НГИ, 2006.*
3. *Рождественский Ю.В. Типология слова. – М., 1969.*
4. *Русский язык. Энциклопедия. – М.: БРЭ, Дрофа, 2003 (сокр. РЯ).*
5. *Скаличка В. К вопросу о типологии //Вопросы языкознания. – М., 1966, № 4.*
6. *Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка, т.1–2.– М., 1985.*

Используемые словари и принятые сокращения

1. *Большой англо-русский словарь, т.1–2. /Под ред. И.Р.Гальперина. – М., 1972 (сокр. БАРС).*
2. *Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990 (сокр. ЛЭС).*

Каипова В.П.
КРСУ (г. Бишкек, Киргизия)

Инновационные технологии в изучении коммуникативных свойств русской речи

(на материале курса «Русский язык и культура речи»)

Формирование коммуникативной компетенции учащихся и студентов – важнейший аспект обучения русскому языку, так как именно в нем совершенно справедливо видится залог успешного формирования активной творческой личности.

Однако практика свидетельствует, что при изучении русского языка в школе и вузе до сих пор не реализованы связи между языком (средством общения) и речью (способом общения), языковая и речевая информация существуют автономно, по-прежнему изучается «квалификационно-классификационный» курс русского языка с теоретико-правописной направленностью. Формирование коммуникативной компетенции учащихся все еще остается слабым звеном обучения русскому языку в Кыргызстане.

Несомненно, это связано с недостатками содержания предмета «Русский язык», с уровнем современных программ и учебников, а также с эффективностью методики преподавания.

Решение проблемы овладения навыками и умениями текстовосприятия и текстообразования видится в комплексном использовании как традиционных, так и новых методов и приёмов обучения.

В методике обучения русскому речевому общению накоплен немалый багаж инновационных методов и приёмов, не нашедший ещё повсеместного распространения. Преподаватели не всегда владеют достаточной информацией об инновационных методиках и зачастую боятся использовать их как «ненадёжные», «сомнительные», «слишком трудоёмкие».

Среди большого числа инноваций интерактивное обучение занимает достаточно стабильное положение и стоит на одном из первых мест по значимости и связанными с ним ожиданиями повышения качества обучения. Именно поэтому на занятиях по «Русскому языку и культуре речи» широко

использовались стратегии (приёмы) американской образовательной программы «Развитие критического мышления через чтение и письмо» (РКМЧП).

В публикации речь пойдёт о занятии, посвященном В.И.Далю, с использованием стратегий «управляемое чтение», «направляемая деятельность», «двухчастный дневник», «ЗХУ» американской образовательной программы «Развитие критического мышления через чтение и письмо».

Выбор текстов о В.И.Дале был предопределен, во-первых, историческим значением «Толкового словаря живого великорусского языка». Во-вторых, желанием, чтобы на занятиях студенты видели не только правила, определения, но и «гениальные умы, создавшие их» [2, 13]. Кроме того, наличием текстов о Дале в «Пособии по развитию речи» [8].

Благодаря управляемому чтению, обучаемые, выполняя систему целенаправленных заданий с текстом, не только осознают структуру читательской деятельности, но и совершенствуют, а многие и приобретают целый ряд необходимых умений по осознанному чтению. Это умения: сосредоточить внимание на определенном моменте содержания; предвидеть то, что будет сказано в тексте дальше; определить ключевые места текста; вычленить основную мысль высказывания; отличить существенное от несущественного в воспринимаемой информации; установить и (если нужно) игнорировать избыточные детали; ставить вопросы в процессе восприятия текста; определять логику, структуру высказывания; делать выводы; критически оценивать полученную информацию и использовать ее в соответствующих жизненных ситуациях [3, С.269–270].

Кроме того, управляемое чтение учит читателя проявлять гибкость в процессе чтения: сознательно избирать определенные приемы чтения в зависимости от коммуникативной задачи.

При работе над текстом М.Булатова «Собирал человек слова…» [8] были определены две группы целей и задач.

Содержательные: 1) Заинтересовать студентов личностью В.И.Даля. 2) Используя текст, стимулировать желание больше узнать о нем, обратиться к другим источникам, к его работам. 3) Разбудить фантазию, воображение и помочь студентам представить, каким же ученым и человеком был Владимир Иванович, какая у него была внешность, характер.

Речеведческая: 1) Осознать внутренние процессы, которые происходят в психике человека во время чтения, смоделировать их. 2) Зафиксировать в сознании пошагово приемы и действия, которые обеспечивают результативность изучающего чтения. 3) Понять, что нужно делать в процессе чтения, чтобы оно было эффективным. 4) Научиться использовать эффективные приемы восприятия и переработки информации, содержащейся в тексте.

Цели второй группы интересны психологам, филологам и в плане их профессиональной подготовки.

После объявления темы занятия перед аудиторией ставится задача попытаться, как в замедленных съемках, проследить процесс работы с текстом, смоделировать его с целью осознания и дальнейшего совершенствования своей читательской практики.

После внимательного прослушивания первой фразы текста студентов просят ответить на вопрос: *“О ком и о чем этот текст?”* Ответ записать под №1 на левой стороне листа (раздаются заранее).

Ответы: *“О военном времени: о людях, принявших участие в войне с Турцией”; “Такое ощущение будто речь идет о Суворове, как он брал крепость Измаил”; “О войне, может быть, Крымской, времен Екатерины II. О действиях русской армии”.*

Как видно, осознание текста начинается с постановки вопросов в процессе чтения. Они обеспечивают поиск главного, существенного, направляют и организуют его, в результате чего обнаруживаются те элементы текста, которые в совокупности составляют его содержание [5, 8].

При чтении названия текста «Собирал человек слова…», преподаватель голосом пытается передать интонацию раздумья, незаконченности и снова повторяет свой вопрос.

Знания студентов об ученых-лексикологах очень ограниченные, знание о предмете разговора шире, групповое знание тем более, и это должно помочь суммировать максимально сведения. В результате называют филолога (1 человек), писателя, поэта (2 ч.), составителя словаря, в том числе турецкого языка (2 ч.). И, наконец, 1 студент называет фамилии В.И.Даля и С.И.Ожегова.

Каждому студенту в процессе ответов предлагается записывать в свои листы ту информацию, которой у них нет, которая им интересна, с которой они согласны.

Третье задание – проверка результатов предвидения. Преподаватель читает название текста и первый абзац, а студенты с правой стороны листа записывают основную информацию, полученную при чтении.

Теперь, когда прозвучала фамилия Даля, преподаватель просит подумать и сформулировать вопрос, который обязательно должен возникнуть у читателя и стимулировать дальнейшее чтение текста.

Почти единодушно студенты говорят: *“Кто такой Даль? Чем он занимался? Что он сделал? Почему рядом с ним автор ставит верблюда? Какое отношение Даль имеет к русско-турецкой войне?”*.

С левой стороны записываются вопросы и ответы на заинтересовавшие их вопросы. Больше половины студентов написали: *“составитель словаря, составитель русского словаря, толкового словаря”*. Некоторые – *“писатель, внес большой вклад в изучение русского языка”. “Создал словарь и много чего ещё”*.

Это задание важно потому, что даёт студентам возможность на какое-то мгновение почувствовать себя писателями, обдумывающими план и примерное содержание создаваемого текста. Кроме того, при помощи предложенных заданий реализовалась возможность опосредованного

общения не только с информацией, содержащейся в тексте, но и с самим автором.

Теперь студенты сами читают текст до первой остановки, которая специально сделана перед фразой «Неожиданно верблюд пропал». Кратко записываются содержательные вехи, аудитория дружно прогнозирует, что дальше что-то должно случиться или с Владимиром Ивановичем, или с верблюдом, или с ценным грузом. Жизненный опыт подсказывает, что размеренная, спокойная жизнь не может долго продолжаться, ведь идет война. Именно это и прозвучало в ответах.

“Даль попадёт в плен к туркам и возможно станет изучать турецкий язык”; “Турки захватят отряд Даля, но, узнав, что он составляет словарь, отпустят”; “Что-то приключится с верблюдом и ценным грузом”; “Верблюд спасёт труды Даля”.

После чтения этого фрагмента с правой стороны листа записываются действительные события. Записи сопоставляются с предположениями.

Преподаватель задает вопрос: *“О чем, по вашему мнению, пойдет речь дальше?”* Студенты – оптимисты, и соответственно звучат их ответы: *“Он все же найдет своего верблюда, было бы очень обидно потерять труды многих лет”*; *“Даль всерьез задумается о создании словаря, а вскоре верблюд со словами отыщется”; “Возможно, придется заново создавать словарь”.*

Чтение четвертой части текста. Беседа по содержанию: *“Что вас удивило, поразило в этом отрывке, что запомнилось?”*

- *Судьба благосклонна к В.И.Далю. В такое время (шла война) десять лет жизни вернулись к нему.*
- *Необыкновенная история.*
- *Оказывается, Владимир Иванович – чувствительный человек. Даль верен друзьям, и не только людям, но и животным.*
- *Это главная часть текста. Собирание слов не увлечение, а цель жизни.*

- *Не было бы пропажи, может быть, не понял Даль всей важности собирания слов*.

Перед чтением заключительной части студентам было предложено высказать предположения о том, чем М.Булатов должен закончить эту историю, и записать их с левой стороны листа.

Этот прием направляемой деятельности «от чтения к размышлению» предоставлял студентам возможность продолжить текст, высказать предположения о том, правы они или нет (оценкой было только одобрение). В процессе направляемой деятельности происходила активизация багажа знаний обучаемых, повышалась мотивация чтения, каждому хотелось знать, насколько точны их предположения [4, С.109]. На этом этапе было важно, чтобы произошло осознание авторских допущений, осознание его ценностей, его видения жизни Даля.

Предположения: *"Еще больше углубился в свою работу, ведь он понял, что это призвание"; "Не спускал глаз с верблюда"*; *" Берег верблюда как зеницу ока. Береженого бог бережет"*.

К сожалению, только последний ответ оказался созвучен авторской концовке. Очень хотелось, чтобы студенты использовали в заключение пословицы или поговорки, ведь В.И.Даль тоже собирал их.

Когда был прочитан оригинальный конец, студенты поняли, почему преподаватель еще раз на последнем этапе продублировал 1–3 вопросы о Владимире Ивановиче.

Наконец, читается последний абзац, делаются записи с правой стороны листа, студенты убеждаются в правильности своих предположений.

Управляемое чтение направлено на формирование умения «самопостановки вопросов». Это умение в свою очередь легко автоматизируется и начинает действовать на подсознательном уровне, проявляясь во внутренней речи читающего (и помогая ему) только тогда, когда понимание текста осложняется: нарушено предвосхищение, возможно неоднозначное толкование [6, С.86–87].

Вопрос аудитории: «Каким изображает Даля автор (М.Булатов)?»

Студенты возвращаются к тексту и, используя стратегию критического мышления «двухчастный дневник» [7, С.44], на листе бумаги слева делают выписки из текста, а справа дают свой комментарий, составленный к ним.

Этот прием заставляет ещё раз обратиться к исходному тексту, переработать содержание прочитанного, способствует развитию умения видеть главное, существенное, осознавать взаимосвязь между фактами и явлениями, систематизировать изученный материал в нужном направлении [5, С.8]. Активная мыслительная деятельность продолжается и после чтения. На этом этапе проверяется, удалось ли сформулировать основную мысль, выбрать нужное для решения главного задания – сбора информации об ученом и человеке.

Таким образом, студенты опять обращаются к тексту на новой ступени чтения, что способствует непроизвольному запоминанию читаемого.

“Двухчастный дневник” (коллективный)

Факты	Комментарий
Верблюд Даля был дороже золота. Таскал он по военным дорогам не простую поклажу, а записки к будущему толковому словарю, которые собирал Владимир Иванович в течение десяти лет.	Даль очень трудолюбивый и целеустремленный человек. Это настоящий ученый, серьезно занимающийся сбором слов. Даже война ему не помеха.
Верблюд был “нагружен словами”. Тетрадок и записных книжек прибавилось столько, что тесен стал чемодан. Даль паковал слова в тюки, навьючивая верблюда.	В трудных походных условиях этот увлеченный человек с поразительным упорством увеличивает ценный груз. Кто был источником пополнения словарного багажа? Может быть, военные – простые русские люди. Ученый не придумывал слова, а брал из самой народной гущи, из народного языка, диалектные и просторечные тоже.
Товарищи шутили: “Ну, Владимир Иванович, теперь пиши не стесняйся. Это скотинка, говорят и двадцать пудов выдержит”.	С кем дружил? У Даля было много друзей. Вероятно, любили его и солдаты. Он не обижался на шутки, и сам, наверное, любил шутить.
Даль признавался потом, что осиротел с утратою своих записей. “Осиротеть” – тяжелое слово. Так говорят, когда теряют близких. Утрата подсказала Далю, что не увлечением были эти записи, а призванием. Понял, что без них ему в жизни не обойтись.	Врач по профессии, он понял, что призвание его – “собирать слова”, и без этого он больше не представляет своей жизни. В.И.Даль – целеустремленный человек. Увлечение переросло в призвание.

Туркам не понадобились десять лет жизни Даля, собиравшего слова. Даль вдруг изнемог. Стоял, обняв верблюда, ослабев.	Очень добрый, мягкий и заботливый человек. Человек с сильной волей и мягкой ранимой душой.

И, наконец, заключительное задание: Напишите, каким теперь вы представляете себе В.И.Даля. Что бы вы хотели еще узнать о нем? Пишут сразу, с удовольствием, зачитывают вслух свои минихарактеристики. Никто не остаётся в стороне. Воображение разбужено, пишет каждый по-своему, но все работы объединены одним чувством – интересом к человеку, для которого составление словаря стало смыслом жизни, призванием.

1. Невысокого роста, с бородой, в военной форме и всегда с записной книжкой. 2. Суровое лицо, слегка обветренное за время похода. Человек, закаленный военной жизнью, но глаза мягкие, искренние, выражают благородство.	5. Увлеченный своим делом. Отважный. Оптимист. 6. Человек сильной воли и мягкой души.
3. Мне Даль представляется пожилым человеком с бородкой, почти побелевшие светлые глаза, наполненные добром и светом.	7. На мой взгляд, это был человек умный, повидавший много в жизни. В.И. Даль = мудрец (старец). Он создал замечательный словарь, куда вошли не только слова, но и пословицы, поговорки. Это его величайшее создание.
4. Плотного телосложения, с короткой густой бородой.	8. Добрый доктор с мягким голосом, с записной книжкой в заднем кармане, случайно начавший собирать слова. Увлечение на всю жизнь.

Хотим узнать.

1. О его семье. Почему начал собирать слова?
2. Его биографию. Есть ли другие работы? Какие?
3. Какой он внешне реально? Какой характер, внутренний мир.
4. Как сложилась его дальнейшая профессиональная деятельность?
5. Чем занимался после войны?
6. Хотела бы узнать об его истинном характере, о его семье, о работе над словарем.
7. О людях, которые его окружали.
8. Какая у него семья, какой круг общения?

Домашнее задание. Найдите информацию о В.И.Дале. Составьте таблицу ЗХУ (Знаю/ Хочу узнать/ Узнал).

Таблица ЗХУ

Знаю (предполагаю)	Узнал (сегодня)	Хочу еще узнать
Владимир Иванович Даль родился 10 ноября 1801 года. Умер 22 сентября 1872 года. Отец Иоганн занимал должность библиотекаря при русском дворе. Затем получил диплом доктора медицины. Мать Мария Фрайтах в совершенстве владела немецким, французским, английским и русским языками. В.И. Даль получил образование в Петербургском морском кадетском корпусе – закрытом среднем военно-учебном заведении. Является создателем “Толкового словаря”.	1. Портрет. 2. Из прочитанного можно сделать некоторые выводы о характере этого умнейшего человека. По-моему, то, что Даль, сначала отказывается от написания своего портрета для Третьяковской галереи, а соглашается, только узнав, что это нужно будущим поколениям, свидетельствует о скромности и застенчивости этого человека. Портрет был закончен в 1872 году, в последний год жизни этого замечательного человека. 3. Профессионализм. 4. Знакомство В.И.Даля с А.С.Пушкиным состоялось в 1832 году. С этого начинается их совместная деятельность. Например, сбор материалов о Пугачеве. Есть сведения, что Пушкин в какой-то степени принимал участие в творчестве Даля: “Ночь на распутии, утра вечера мудренее”. Только в конце жизни А.С.Пушкина они сближаются еще сильнее, а если точнее, то лишь на смертном одре, по свидетельству Даля, Пушкин впервые обратился к нему на “ты”. 5. Академики решили уступить место в своих рядах В.И. Далю. Я считаю, что Даль обладал настолько глубокими познаниями почти во всех науках и великим умом. Академики это понимали, может быть, и думали, что Даль имеет больше права находиться на их месте. А может, решили так выразить ему свою благодарность за его труды, ведь он подарил русским великое творение – “Толковый словарь”.	Где его потомки живут сейчас? Чем они занимаются? Как относятся к самому Далю В.И.?

Примечания

1. Янченко В.Д. Что и как рассказывать школьникам об ученых-лексикографах.//РЯШ – 1997. – №6.

2. Аттила Н. Я стал богаче, богаче станут и мои дети// Перемена.– 2000. – №3.

3. Методика преподавания русского языка: Учебное пособие для студентов педагогических институтов.// Под ред. М.Т.Баранова. – М.,1999.

4. Мистратова О.П. Воспитание школьников при обучении сочинениям-этюдам.// РЯШ. – 1998. – №6.

5. Ипполитова Н.А. Обучение школьников разным видам чтения. Изучающее чтение.// РЯШ. – 1999. – №1.

6. Смелкова З.С. Риторические основы журналистики. Работа над жанрами газеты. – М., 2000.

7. Стил Д., Мередис К., Темпл Ч. Основы критического мышления; междисциплинарная программа. Пособие 3. – Бишкек: Фонд «Сорос – Кыргызстан», 1998.

8. Практикум по развитию речи: Учеб. пособие для студентов педагогических институтов в 2-х частях. Ч.1.//Под ред.Г.Г.Городиловой, А.Г.Хмары – Л.: Просвещ., 1988.

Коротких Т.А.

МГОПИ (г. Орехово-Зуево)

Структурно-семантические особенности немецких пословиц

(в плане сопоставления с русскими эквивалентами)

Пословицы представляют собой важную часть фразеологического состава немецкого, русского и любого другого языка, поэтому их лингвистическое изучение продолжает оставаться весьма актуальной задачей современного языкознания. Знание пословичного фонда как выражения многовекового опыта того или иного народа является непременным условием успешного диалога партнеров по межкультурной коммуникации. Данный разряд фразеологических единиц отличается структурно-семантическим своеобразием. Исследовать структурно-семантические особенности пословиц немецкого языка в плане сопоставления с русскими пословицами и является задачей предлагаемой статьи.

Под **«пословицей»** в русистике обычно понимают «краткие изречения применительно к различным сторонам жизни, вошедшие в оборот разговорной речи» [1, С.200]. Большой знаток и ценитель русского языка В.И.Даль пишет также: «Пословица – коротенькая притча… Это – суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот под чеканом народности» [2, С.13]. В немецкой лингвистической литературе классическим определением пословицы (нем. Sprichwort) считается определение Фр.Зейлера, который в своем основополагающем труде «Немецкая фразеология» определяет пословицы как «употребительные в народе изречения с законченной мыслью, имеющие дидактическую направленность и возвышенную форму» [3, С.2].

Таким образом, по своей грамматической структуре пословица является устойчивой фразой, а по своей семантике отличается наличием поучительного и/или обобщающего смысла. Специфической чертой семантики пословицы является также «цитатность», т.е. «ссылка на авторитет общепринятого мнения, на которое как бы опирается говорящий, воспроизводя пословицу в традиционной форме» [4, С.47–48].

Пословицы воспринимаются как достояние народа, как выражение многовековой народной мудрости и традиционно относятся к устному народному творчеству (фольклору). Однако определенная часть их имеет литературный источник происхождения. Как правило, это афоризмы, сентенции и другие крылатые выражения писателей, принятые народом в своё языковое употребление. Так, например, установлено, что пословичный фонд немецкого языка пополнился 120 единицами из произведений Фр.Шиллера, и их узуальный характер подтвержден структурно-семантическим анализом и лексикографическими данными [5, С.47–62].

Пословицы немецкого народа всегда вызывали у исследователей большой интерес и подвергались на протяжении XIX–XX столетий широкой письменной фиксации. Им посвящено большое количество специальных словарей и сборников пословиц [6; 7 и мн.др.]. Они регистрируются также наряду с другими фразеологизмами многими фразеологическими, толковыми и переводными словарями немецкого языка. Следует отметить, однако, недостаточную научную систематизацию в отборе языкового материала и отсутствие единого принципа в подаче сведений о происхождении пословиц.

Объектом исследования в данной статье явились немецкие пословицы, отобранные методом сплошной выборки из «Немецко-русского фразеологического словаря» Л.Э.Биновича и Н.Н.Гришина [8]. В словаре насчитывается примерно 400 устойчивых фраз с пометой *посл.* (пословица). С целью уточнения их перевода на русский язык были использованы также некоторые словари и сборники пословиц русского языка [9]. В ряде случаев поиск русских эквивалентов был осуществлен автором данной статьи.

Пословицы немецкого языка, так же как и русского, весьма разнообразны по своему **содержанию**. Многие пословицы прославляют труд, мастерство и ремесло: *Wer nicht arbeitet, soll auch nicht essen*. = Кто не работает, тот не ест; *Erst die Arbeit, dann das Vergnügen*. ~ Кончил дело – гуляй смело; или ~ Делу время, потехе час; *Ohne Fleiß kein Preis*. ~ Без труда не выловишь и рыбки из пруда; *Übung macht den Meister*. – Навык мастера ставит; *Das Werk lobt den Meister*. ~ Дело мастера боится; *Es ist noch kein Meister vom Himmel gefallen*. ~ Не боги горшки обжигают; *Sich regen bringt Segen*. ~ Не потопаешь – не полопаешь; *Am Werke erkennt man den Meister*. ~ Каков мастер, такова и работа; *Handwerk hat goldenen Boden*. ~ С ремеслом не пропадешь (*букв*. У ремесла золотое дно). Пословицы выступают также в защиту опыта человека: *Durch Erfahrung wird man klug*; и *Erfahrung ist die beste Lehrmeisterin*. = Опыт – лучший учитель; *Probieren geht über Studieren*. ~ Лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать; *Durch Schaden wird man klug*. ~ На ошибках учатся.

Пословицы советуют проявлять осторожность и осмотрительность: *Wasser hat keine Balken*. ~ Не зная броду, не суйся в воду; *Erst besinnen, dann beginnen*; а также *Erst wägen, dann wagen*. ~ Семь раз отмерь, один раз отрежь; *Trau, schau, wem!* ~ Доверяй, да проверяй!; *Vorsicht ist besser als Nachsicht*; *Vorsicht ist die Mutter der Porzellankiste*; и *Vorsicht ist die Mutter der Weisheit*. – Осторожность – мать мудрости. ~ Береженого и бог бережет.

Пословицы утешают и подбадривают человека: *Es ist nichts so böse, es findet sich etwas Gutes dabei*. ~ Нет худа без добра; *Der Brei wird nicht so heiß gegessen, wie er gekocht ist*. ~ Не так страшен чёрт, как его малюют; *Auf Regen folgt Sonnenschein*. = После дождика даст бог солнышко; ~ Будет и на нашей улице праздник; *Die Zeit heilt alle Wunden*. = Время – лучший лекарь; *Kommt Zeit, kommt Rat*. ~ Утро вечера мудренее.

Пословицы порицают дурные привычки людей: глупость и бахвальство, высокомерие и чванство, ложь, праздность, жадность, подлость и коварство, ср.: *Dummheit und Stolz wachsen auf einem Holz*. – Глупость и

чванство неразлучны; *Blinder Eifer schadet nur*. ~ Услужливый дурак опаснее врага (*букв*. Слепое рвение приносит лишь вред); *Zu gut ist dumm*. ~ Иная простота хуже воровства; *Eigenlob stinkt*. ~ Калина сама себя хвалила; *Besser stumm als dumm*. ~ Молчи – за умного сойдешь; *Übermut tut selten gut*. ~ Гордым быть – глупым слыть; *Hochmut kommt vor dem Fall.* ~ Сатана гордился – с неба свалился;

Lügen haben kurze Beine. = У лжи короткие ноги; ~ На лжи далеко не уедешь; *Wer einmal lügt, dem glaubt man nicht, und wenn er auch die Wahrheit spricht*. = Кто один раз солгал, тому не поверят, даже если он говорит правду; ~ Раз солгал – навек лгуном стал; *Müßiggang ist aller Laster Anfang*. ~ Праздность – мать всех пороков; *Geiz ist die Wurzel allen Übels*. ~ Жадность – мать всех пороков; *Wer andern eine Grube gräbt, fällt selbst hinein*. = Не рой другому яму – сам в нее попадёшь.

Пословицы учат терпению и упорству, бережливости и взаимопомощи, призывают быть смелыми и жить в мире и согласии: *Steter Tropfen höhlt den Stein*. = Капля по капле камень долбит; *Aller Anfang ist schwer*. ~ Лиха беда начало; *Rom wurde nicht an einem Tage erbaut*. ~ И Москва не сразу строилась; *Wer den Pfennig nicht ehrt, ist des Talers nicht wert*. ~ Копейка рубль бережёт; *Den Freund erkennt man in der Not*. = Друзья познаются в беде; *Freunde in der Not gehen hundert auf ein Lot*. ~ Не имей сто рублей, а имей сто друзей; *Dem Mutigen gehört die Welt*. ~ Смелость города берет; *Wer wagt, gewinnt*. ~ Риск – благородное дело; *Friede ernährt, Unfriede verzehrt*. – Мир созидает, распря разрушает; *Ein magerer Vergleich ist besser als ein fetter Prozess*. ~ Худой мир лучше доброй ссоры.

Однако, несмотря на тематическое разнообразие, все пословицы обладают общей чертой, которая заключается в наличии обобщающего смысла и/или дидактической направленности. Так, например, констатация явлений и свойств содержится в следующих суждениях: *Die Ausnahme bestätigt die Regel*. = Исключение подтверждает правило; *Schlechte Beispiele verderben gute Sitten*. ~ Дурные примеры заразительны; *Jedes Ding hat zwei*

Seiten. ~ Палка о двух концах; *Der Zweck heiligt die Mittel*. = Цель оправдывает средства; *Der Augenschein trügt*. = Внешность обманчива; *Jeder ist sich selbst der Nächste*. ~ Своя рубашка ближе к телу; *Keine Rose ohne Dornen*. = Нет розы без шипов. Назидательный смысл также присущ многим пословицам: *Eile mit Weile!* = Торопись медленно!; ~ Поспешишь – людей насмешишь; *Man soll den Tag nicht vor dem Abend loben*. = Не видав вечера и хвалиться нечего; ~ Цыплят по осени считают; *Tue recht und scheue niemand!* ~ За правое дело стой смело!; *Jeder kehre vor seiner Tür!* ~ Других не суди – на себя погляди!; *Hilf dir selbst, dann hilft dir Gott*. = На бога надейся, а сам не плошай; *Was du heute kannst besorgen, das verschiebe nicht auf morgen.* = Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня.

Грамматическая структура пословиц определяется характером их содержания – обобщающим или назидательным смыслом. Именно поэтому немецкие пословицы выступают в форме повествовательных и, отчасти, побудительных предложений. Вопросительные и восклицательные конструкции встречаются крайне редко. Основным структурным признаком пословиц является то, что они представляют собой законченные предложения. Характерными чертами структуры немецкого предложения вообще являются наличие подлежащего (номинативность), наличие сказуемого (предикативность), а также его двусоставность (т.е. одновременное наличие и подлежащего, и сказуемого).

Большинство пословиц в исследуемом материале являются простыми повествовательными предложениями и содержат и подлежащее, и сказуемое. Подлежащее чаще всего выражено именем существительным в именительном падеже:

Das Ansehen kostet nichts.

Der Appetit kommt beim Essen.

Voller Bauch studiert nicht gern.

Hinterm Berg wohnen auch Leute.

Vom ersten Streich fällt keine Eiche.

Kleider machen Leute.

Bei Nacht sind alle Katzen grau.

Alter schützt vor Torheit nicht.

Jeder Krämer lobt seine Ware.

Alte Liebe rostet nicht.

В немецкой пословице *Aller guten Dinge sind drei* (~ Бог троицу любит) подлежащее стоит в родительном падеже. Характерной конструкцией для немецких пословиц является тип неопределенно-личного предложения с местоимением «man», что связано с их обобщающим характером:

Man lernt nie aus.

Man muss die Feste feiern, wie sie fallen.

Mit Geduld und Spucke fängt man eine Mucke.

Man kann niemanden zu seinem Glück zwingen.

Was man nicht im Kopfe hat, (das) muss man in den Beinen haben.

Am vielen Lachen erkennt man den Narren.

Man muss die Menschen nehmen, wie sie sind.

Man soll dem Ochsen, der da drischt, nicht das Maul verbinden.

Vom Sehen wird man nicht satt.

Mit Zahlen kann man alles beweisen.

Кроме того, есть также пословицы, в которых подлежащее выражено личными местоимениями «*ich*» или «*du*», но по смыслу их можно приравнять к неопределенно-личному местоимению «*man*»:

Wes Brot ich esse, des Lied ich singe.

Was ich denk' und tu', trau' ich andern zu.

Was ich nicht weiß, macht mich nicht heiß.

Sage mir, mit wem du umgehst, und ich will dir sagen, wer du bist.

Was du nicht willst, dass man dir tu', das füg auch keinem andern zu!

Встречаются также безличные конструкции, которые вводятся местоимением «*es*»:

Es ist noch nicht aller Tage Abend.

Es ist nicht alles Gold, was glänzt.

Es ist dafür gesorgt, dass die Bäume nicht in den Himmel wachsen.

В функции подлежащего в немецких пословицах могут выступать также и другие местоимения (*niemand, nichts, keiner, jeder*):

Ein Küsschen in Ehren kann niemand verwehren.

Von selbst kommt nichts.

Ohne Tadel ist keiner.

Jeder ist seines Glückes Schmied.

Подлежащим может быть наречие и прилагательное в субстантивированной форме:

Allzuviel ist ungesund.

Einmal ist keinmal.

Ehrlich währt am längsten.

Alles Gute kommt von oben.

Das Bessere ist des Guten Feind.

Das Beste ist immer das Billigste.

Функцию подлежащего может исполнять также причастие (**Partizip II**), даже несубстантивированное:

Aufgeschoben ist nicht aufgehoben.

Frisch gewagt ist halb gewonnen.

Schlecht gefahren ist besser als gut gelaufen.

Unverhofft kommt oft.

В исследуемом материале довольно часто в роли подлежащего выступает неопределенная форма глагола (**Infinitiv I**), правда, чаще в субстантивированной форме:

Borgen macht Sorgen.

Borgen schadet der Freundschaf.

Hoffen und Harren macht manchen zum Narren.

Klappern gehört zum Handwerk.

Probieren geht über Studieren.

Sich regen bringt Segen.

Selber essen macht fett.

Irren ist menschlich.

Что касается сказуемого, то оно чаще всего выражено глаголом в форме **Präsens Indikativ Aktiv** или (реже) в повелительном наклонении (**Imperativ**).

Случаи употребления сослагательного наклонения (**Konjunktiv**) крайне редки:

Wenn das Wörtchen «wenn» nicht wär', wär' mein Vater Millionär.

Многие немецкие пословицы, однако, обнаруживают особые синтаксические структуры, которые не являются характерными для немецкого синтаксиса. Речь идет о полном отсутствии личных форм глагола, что ведет к особой лаконичности и повышенной экспрессивности устойчивой фразы. Типичными структурами немецких пословиц в этом плане являются фразы с синтаксическим параллелизмом:

Keine Rose ohne Dornen.

Keine Regel ohne Ausnahme.

Kein Korn ohne Spreu.

Kein Vorteil ohne Nachteil.

Keine Wirkung ohne Ursache.

Kleine Nüsse, süße Kerne.

Kleine Ursachen, große Wirkungen.

Gleiche Brüder, gleiche Kappen.

Lange Fädchen, faule Mädchen.

Andere Länder, andere Sitten.

Сказуемое отсутствует также в назывных конструкциях:

Jeder nach seinem Geschmacke.

Jeder auf seine Manier.

Jeder nach seinem Willen.

Gleiches Recht für alle.

Личная форма глагола часто отсутствует в конструкциях типа:

Wie + N 1, so + N 2, например:

Wie die Arbeit, so der Lohn.

Wie der Herr, so's Gescherr.

Wie der Hirt, so die Herde.

Wie das Haupt, so die Glieder.

Wie die Saat, so die Ernte.

В немецких пословицах может отсутствовать и подлежащее:

Erst besinnen, dann beginnen.

Erst wägen, dann wagen.

Wie gewonnen, so zerronnen.

Встречаются пословицы с одновременным отсутствием и подлежащего, и сказуемого:

Aus den Augen, aus dem Sinn.

Heute mir, morgen dir.

Существование пословиц в такой сжатой форме можно объяснить тем, что подобные единицы удовлетворяют такому требованию, как лаконичность, которую Фр.Зейлер называл «высшим стилистическим законом пословицы» [3, С.181].

Среди немецких пословиц встречается также некоторое количество единиц со структурой сложносочиненного предложения, например: *Auf den Sack schlägt man, den Esel meint man.*

Однако намного шире представлены устойчивые фразы со структурой сложноподчиненного предложения. Наиболее продуктивной моделью является модель *Wer..., (der)...*, например:

Wer A sagt, muss auch B sagen.

Wer Pech angreift, besudelt sich.

Wer nicht hören will, muss fühlen.

Wer im Glashaus sitzt, soll nicht mit Steinen werfen.

Wer hoch steigt, fällt tief.

Wer zuerst kommt, mahlt zuerst.

Wer zuletzt lacht, lacht am besten.

Wer die Wahl hat, hat die Qual.

Wer wagt, gewinnt.

Wer Wind sä(e)t, wird Sturm ernten.

Вслед за указанной моделью идут (в порядке убывания) следующие структуры:

Was..., (das)...

Was dich nicht brennt, das blase nicht.

Was ein Häckchen werden will, krümmt sich beizeiten.

Was Hänschen nicht lernt, lernt Hans nimmermehr.

Was dich nicht juckt, das kratze nicht.

Was dem einen sin Uhl, ist dem andern sin Nachtigall.

Was wahr ist, muss wahr bleiben.

Wenn..., (so)...

Wenn der Berg nicht zum Propheten kommt, muss der Prophet zum Berge kommen.

Wenn das Kind in den Brunnen gefallen ist, (so) deckt man ihn zu.

Wenn die Katze fort ist, tanzen die Mäuse.

Wenn man vom Wölfe spricht, ist er nicht weit.

Wie..., (so)...

Wie die Alten sungen, so zwitschern auch die Jungen.

Wie man sich bettet, so schläft man.

Wie man's treibt, so geht's.

Wie man in den Wald hineinruft, so schallt es heraus.

Wo..., (da)...

Wo ein Aas ist, da sammeln sich die Geier.

Wo nichts ist, hat (selbst) der Kaiser sein Recht verloren.

Wo kein Kläger ist, da ist auch kein Richter.

Wo gehobelt wird, (da) fallen Späne.

Намного реже встречаются другие типы сложноподчиненных предложений.

Основной **семантической** чертой пословиц является их образность.

Она присуща большинству пословиц как немецкого, так и русского языка.

С лексико-семантической точки зрения пословицы можно разделить на три группы: 1) полностью образные; 2) частично образные и 3) необразные.

Образная метафоричность присуща, например, таким немецким пословицам и их русским эквивалентам:

Das Ei will klüger sein als die Henne. = Яйца курицу не учат.

Verbotene Früchte schmecken am besten. = Запретный плод сладок.

Eine Hand wäscht die andere. = Рука руку моет.

Steter Tropfen höhlt den Stein. = Капля по капле камень долбит.

Mit den Wölfen muss man heulen. = С волками жить – по-волчьи выть.

Ein räudiges Schaf steckt die ganze Herde an. = Паршивая овца все стадо испортит.

Besser der Spatz in der Hand als die Taube auf dem Dach. = Лучше синица в руках, чем журавль в небе.

Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm. = Яблоко от яблони недалеко падает.

Neue Besen kehren gut. = Новая метла чисто метет.

Интересно, что в основе данных немецких и русских пословиц лежит один и тот же образ, а значит, они являются полными эквивалентами.

Нижеследующие пословицы немецкого и русского языков, являясь полностью образными, тем не менее выступают как приблизительные эквиваленты, поскольку в их основе лежит разный образ. Сравните:

Viele Köche verderben den Brei. ~ У семи нянек дитя без глазу.

Die Katze lässt das Mausen nicht. ~ Сколько волка ни корми, он всё в лес смотрит.

In der Not frisst der Teufel Fliegen. ~ На безрыбье и рак рыба.

Die gebratenen Tauben fliegen einem nicht ins Maul. ~ Без труда не выловишь и рыбки из пруда.

У частично образных пословиц образной является обычно группа сказуемого:

Hunger ist der beste Koch. = Голод – лучший повар.

Lügen haben kurze Beine. = У лжи короткие ноги. ~ На лжи далеко не уедешь.

Alte Liebe rostet nicht. = Старая любовь не ржавеет.

Liebe macht blind. = Любовь слепа.

Zeit ist Geld. = Время – деньги.

Примерами необразных пословиц могут служить следующие:

Über den Geschmack lässt sich nicht streiten. = О вкусах не спорят.

Man lernt nie aus. = Век живи – век учись.

Ende gut, alles gut. = Всё хорошо, что хорошо кончается.

Wer wagt, gewinnt. = Риск – благородное дело.

Однако следует подчеркнуть, что все пословицы, в том числе и необразные, характеризуются той или иной степенью идиоматичности, поскольку специфическим компонентом их семантики является ссылка на авторитет народной мудрости.

Литература

1. *Соколов Ю.М. Русский фольклор. – М.: Учпедгиз, 1941.*
2. *Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: Гослитиздат, 1957.*
3. *Seiler Fr. Deutsche Sprichwörterkunde. München: Beck, 1922.*
4. *Райхштейн А.Д. Немецкие устойчивые фразы. – Л.: Просвещение, 1971.*
5. *Коротких Т.А. Немецкие пословицы литературного происхождения. В сб.: Актуальные проблемы романо-германского языкознания. – Орехово-Зуево: ОЗПИ, 1989. – С.47 – 62.*
6. *Wander K.F.W. Deutsches Sprichwörter-Lexikon. Bd.1 – У. Leipzig: Brockhaus, 1867 – 1880.*
7. *Röhrich L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Bd.1 – II. Freiburg – Basel – Wien: Verlag Herder, 1974.*
8. *Бинович Л.Э., Гришин Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь. Изд.2-ое. – М.: Русский язык, 1975. – 656 с.*
9. *Пермяков Г.Л. 300 общеупотребительных русских пословиц и поговорок (для говорящих на немецком языке). – М.: Русский язык, 1985. – 160 с.*

Кутнаева А.М.
Американский ун-т в Центр. Азии
(г. Бишкек, Киргизия)

Межкультурная компетентность как необходимый компонент овладения иностранным языком

История методики преподавания иностранных языков представляет собой постоянное взаимодействие двух диалектически взаимосвязанных процессов – процесса обучения языку и процесса усвоения языка. В последнее время в связи с интересом к личности учащегося, признанием положений личностной направленности современного обучения, в связи с развитием новых научных направлений в психологии, психолингвистике, теории коммуникации, теории речевой деятельности именно процесс усвоения языка конкретным индивидуумом переместился в центр педагогических пристрастий, поисков, размышлений.

Решение собственно методических вопросов во многом зависит от определения понятия «владеть языком». Однако, как замечает О.Д. Митрофанова, изложенные на эту проблему взгляды отдельных ученых (Ч.Филмор, Р.Ладо, А.Блумфилд, Н.Хомский и др.) упрощены, не обладают должной объяснительной силой. Необходим комплексный подход.

С точки зрения теории общения и речевой деятельности, психо- и социолингвистики, лингвистики и теории коммуникации владение языком предполагает наличие у обучающихся:

- **языковой** (лингвистической) **компетенции**;
- сформированных механизмов восприятия и продуцирования иноязычных высказываний, которые сопряжены с понятием **речевой компетенции**;
- **коммуникативной компетенции**, понимаемой как способность к выбору и реализации программ речевого поведения в зависимости от способности человека ориентироваться в обстановке, от его умения оценивать ситуации с учетом темы, задач, коммуникативных установок [1, С.14].

В этой иерархии компетенций ведущее место, несомненно, занимает коммуникативная компетенция, которая с очевидностью включает языковую и речевую.

Коммуникативная компетенция обеспечивает пользование фактами языка и речи для достижения нелингвистических результатов. Она же вбирает в себя и знание культуры страны изучаемого языка, что составляет предмет страноведения, лингвострановедения, межкультурной коммуникации, т.е. можно говорить **о межкультурной компетентности**. Ведь язык достигает цели своего употребления только тогда, когда он понимается, а языковое понимание может состояться только постольку, поскольку система, с помощью которой оно осуществляется, воплощает в себе и многое другое, что находится за пределами «явных форм естественного языка» [2, С.5].

Комплексное описание всех компонентов феномена «владение языком» с позиций современных достижений лингвистики (суть языковой компетенции), психолингвистики (механизмы продуцирования и понимания высказываний), теории речевого общения (исследование коммуникации), межкультурной коммуникации (межкультурная компетентность) позволяет уточнить представление о том, что значит «владеть языком». Коротко говоря, владение языком – это совершение речевых поступков, которые в сходных условиях совершил бы носитель языка.

Если описания языковой, речевой компетенций нашли свои дидактические и методические решения, то достижения ученых в области межкультурной коммуникации требуют дидактического осмысления.

Межкультурная компетентность представляет собой готовность признавать отличия между людьми, требует развития способности к межкультурному пониманию и диалогу, к межкультурному общению.

Тот факт, что для эффективного общения представителей разных культур необходимы не только теоретические знания, но и практические навыки в межкультурном общении, первыми осознали преподаватели

иностранных языков. Практика общения с иностранцами показала, что знание языка не исключает непонимания и конфликтов с носителями этого языка. Поэтому преподаватели обязательно знакомят студентов с историей, обычаями, традициями, социальной организацией страны изучаемого языка.

Однако только теоретического знакомства с соответствующей культурой оказывается недостаточно для эффективного (бесконфликтного) общения. Необходимы целенаправленные усилия педагога, чтобы подготовить студентов к эффективным межкультурным контактам на уровне повседневного межличностного общения. Это значит не только дать знания о природе межкультурного непонимания, но и, что значительно важнее, сформировать практические навыки и умения, которые позволили бы понимать представителей культуры изучаемого языка, т.е. сформировать межкультурную компетентность.

Сказанное переключает преподавательский методический поиск на разработку эффективных приемов и способов формирования межкультурной компетентности обучаемых. Содержание межкультурной компетентности в идеале должно быть исчисляемо, т.е. представлено количественно, например списком умений. В отличие от знаний, объемы которых зафиксированы в программах, грамматиках, методических рекомендациях, толкование умений, необходимых для формирования межкультурной компетентности, пока отсутствует. Это процедура мало исследована. Здесь преподаватель оказывается как бы в открытом поле. Он свободен экспериментировать, использовать то, что когда-то оказалось успешным, повторять и видоизменять свои находки, обмениваться опытом удач и неудач.

Надеемся, что, опыт, представленный здесь, в какой-то мере поможет преподавателям организовать полезную и интересную работу по формированию межкультурной компетентности.

Остановимся на методах (приемах обучения), применение которых, на наш взгляд, поможет сделать процесс формирования межкультурной компетентности более эффективным.

1. **Рефлексия.** В психологии рефлексия объясняется как «процесс самопознания субъектом внутренних психологических актов и состояний» [3, С.340], а в философии – «как принцип философского мышления, направленный на осмысление и обоснование собственных предпосылок» [4, С.745]. В обучении межкультурной коммуникации рефлексия предполагает осмысление учащимися фактов собственной жизни, их анализ и воспроизведение.

Знания и опыт учащихся выделяются, анализируются и оцениваются, что помогает объяснить собственную культурную принадлежность и раскрыть механизм культурного самовосприятия. Обычно это факты биографии обучающихся.

Например, на первом курсе студенты пишут эссе-рефлексии на темы: «Как я ходил в гости к русскому другу», «Как я познакомился со своей девушкой», «Теперь я знаю, что значит “приходите к нам на чашечку чая”» «Мои советы землякам, которые собираются поехать учиться в Россию», «Теперь я знаю, когда надо говорить “на здоровье”, а когда “за здоровье”» и т.д. Студенты обычно сами формулируют темы, вспоминая и анализируя свой опыт изучения языка за рубежом.

Можно предложить задание, в котором надо закончить предложения:

- Больше всего я ценю в русских...
- Для меня важно, что…
- Для меня удивительно, что…
- Для меня странно, что…
- Для меня непонятно, почему…
- У нас не принято…и т.д.

После таких заданий определяются темы, ситуации, которые интересны учащимся.

2. **Интерактивное моделирование**. Этот метод ориентирован на сознательное воспроизведение различных ситуаций межкультурного

общения, их анализ и оценку, что позволяет учащимся узнать и изучить способы и виды отношений в межкультурных контактах.

Анализ практических ситуаций предполагает выявление проблемы, выбор альтернативных путей решения.

Предлагается (описывается) ситуация, затем ситуация анализируется, идет поиск возможных решений проблемы. Такие обсуждения помогают учащимся понять, а значит, принять господствующие в данном сообществе элементы сознания, нормы, ценности, вкусы, привычки, и тем самым упорядочить свою жизнедеятельность в иной культуре. Задача преподавателя помочь студентам в самоотождествлении себя с культурными образцами общества, в котором они живут, язык которого изучают.

Например, предлагается ситуация**:** «В группе иностранных студентов (канадец, китайцы, турок, афганки) преподаватель решил поздравить студента с днем рождения. Сказали замечательные слова, разрезали торт, предложили всем по кусочку. Девушка-афганка отказалась. Все подумали, что она стесняется. Студенты и преподаватель стали настаивать, чтобы она тоже съела кусочек. В результате, девушка встала и чуть ли не в слезах вышла из аудитории. Как выяснилось потом, в эти дни был пост, и она не могла есть днем».

А затем следуют вопросы, которые может задать преподаватель или сформулировать сами студенты, например:

О чем говорит данная ситуация?

Представьте себя на месте девушки. Как бы вы поступили?

Представьте себя на месте студентов. Как бы вы поступили?

Представьте себя на месте преподавателя. Как бы вы поступили?

Была ли у вас подобная ситуация в жизни?

Что вы бы сделали в подобной ситуации? и т.д.

Реестр таких ситуаций есть в арсенале каждого преподавателя иностранного языка.

3. **Ролевые игры**. Учащиеся исполняют роли, которые воссоздают часто повторяющиеся ситуации межкультурного общения (приветствие, комплименты, светская беседа, приглашение и т.д.). Игровое переживание помогает глубже познать формы поведения, развивает способность к восприятию норм и ценностей чужой культуры. Кроме того, ролевые игры помогают формировать толерантность, умение работать в малых группах, самостоятельность мышления.

4**. Самооценка.** Суть данного метода в том, чтобы выделить типы поведения и обсудить их в ходе дискуссии. Речь может идти о различных точках зрения на одну и ту же проблему, отдельных аспектах поведения и т.д.

Например, задание, в котором предлагается составить «джентльменский набор» – список качеств своего ровесника.

- Какие качества характеризуют современного человека?
- Кого сегодня можно назвать «джентльменом»?
- Как вы прокомментируете шутку англичан, что «джентльмен – это тот, кто кошку назовёт кошкой, даже если на неё наступит»?
- Считаете ли вы себя современным человеком? А джентльменом? Почему?
- На какой из этих вопросов трудно (очень легко) ответить? Почему?

5. Проект. Это творческие работы (например, подготовить цикл радиопередач на тему), которые выполняются как индивидуально, так и в малых группах.

В заключение отметим, что специальные методические приемы помогут группировать и доносить до студентов фактический материал, собранный преподавателем, в удобной для усвоения форме. Роль преподавателя как специалиста обогащается ролью студентов – носителей опыта и знаний.

Свободное и полное владение языком – процесс длительный и трудоёмкий. Но в силах преподавателя сделать изучение языка результативным, приятным и образовательно-полезным.

Примечания

1. *Митрофанова О.Д. и др. Методика преподавания русского языка как иностранного. – М., 1990.*
2. *Звягинцев В.А. Язык как фактор компьютерной революции// Научно-техническая информация. – М.,1985. Серия 2.*
3. *Психология. Словарь. /Под общ. ред. А.В.Петровского, М.Г.Ярошевского. – М.: Политиздат.1990.*
4. *Современный философский словарь / Под общ. ред. В.Е.Кемерова. – 1998.*

Леденёва В.В.

МГОУ (г. Москва)

Сфера знаний в зеркале ЛСГ писем Н.С.Лескова

Выявляемые при описании состава идиолекта в ходе исследования массива текстов одного автора лексико-семантические группы (ЛСГ) представляются не чем иным, как фрагментами «мозаики» частной, а потому дискретной языковой картины мира (ЯКМ). Единицей такой ЛСГ является реализованный лексико-семантический вариант (ЛСВ) слова (семема). Каждая ЛСГ гипо-гиперонимического строения отражает одну из реальных вербализованных зон узла ассоциативно-тезаурусной сети – самостоятельного (первого) уровня языковой личности (Караулов), ЯКМ Н.С. Лескова, которая, как и следует быть частной реализации русской языковой картины мира, оказывается многомерной [см.: 1, С.629–650; 2; 3: XI–XVII; 4, С.430–477], даже в том случае, если представление о ней формировать с учетом единиц одной части речи – имен существительных, что мы и намерены показать.

Система ЛСГ, по данным писем писателя, очерчивает важнейшие сферы знаний о мире, его устройстве, изменении, а также о его оценке.

Сфера знаний Н.С.Лескова об освоении человеком мира, в котором он живет, отражает два аспекта этого освоения: постижение вселенной, законы которой следует принять, обустройство в которой является одной из задач

человека; постижение социума в его развитии, на которое человек способен и должен оказывать свое благотворное воздействие.

ЛСГ наименований, отражающих знания об освоении социума, социальной среды, представлены словами, свидетельствующими о знании писателем определенных социальных групп, институтов, сфер деятельности, состояния и действий человека как члена социума.

Представление о человеческой деятельности в письмах отражается, прежде всего, через призму профессиональной принадлежности, хотя, безусловно, любое занятие предполагает наличие знаний о хозяйственной, торговой, экономической деятельности. Этот фрагмент ЯКМ в письмах Н.С.Лескова репрезентирован такими единицами: *аванс, гонорар, груз, дело, деньги, доход, жалованье, запросец* («разг. *уменьш. к* запрос: в торговле – назначение за товар большей цены, нежели он стоит») (САН)*, заработок, компенсация, копейка, кошель* (метонимическое значение: о денежных средствах), *курс, плата, покупка, предприятие, премия, прификс* (термин торговли «Вполне определенная цена, которую нельзя ни понизить, ни повысить» (МАС) – используется в переносном значении)*, путь, работа, расчет, рубль, спрос, счет, такса, торговля, трата, труд, уступка, хлопоты, хозяйство, цена.* Например: *Доволен ли будешь всяким* ***гонораром****, какой дадут? (XI;190); Меня это не заботит: я знаю и говорю, что «Л.Н. наш — туляк, и он торгует с* ***запросцем****, — чтобы было из чего бедным уступить и чтобы за уступкою тоже еще хозяину сходно было» (XI;248); ...поступает на службу инспектором сельского) хозяйства с большим жалованьем; а* ***ходатай*** *за него Лампадонос, у которого жена доводится Энгельгардту племянницей (XI;182).*

Естественны для писем много видевшего и читавшего человека слова, демонстрирующие такой фрагмент ЯКМ, как общенаучные знания, образование: *буква, диссертация, доклад, знание, исследование, истина, конспект, метод, наука, первоучина, познание* («Совокупность сведений в какой-н. области») (ТСУ), *положение, предмет, принцип, просвещение,*

руководство, склад, способ, строка, теория, трактат («книжн. Научное сочинение, содержащее обсуждение какого-н. отдельного вопроса») (ТСУ), *учебник, учение, факт, фальсификация, фокус, формула, элемент: ...много примеров могут доказать Вам противное, а Вы именно и позабыли, что есть превосходный* ***способ*** *«доказательств от противного» (XI;247); Я желаю понимать Карлейля в его* ***теории*** *«героизма»... (XI;259); Из Вашего письма я, однако, не вижу, что Вы дадите свою работу о Ге как составной* ***элемент*** *для статьи Вл. Вас., и я полагаю даже, что Вы этого не сделаете, и что делать этого не надо... (XI;280).*

Значительная группа прямых и переносных ЛСВ слов отражает знания из области литературы и искусства, что детерминировано областью интересов Н.С.Лескова: *анекдот*, *беллетристика, воспоминание, выдержка, выписка, выставка, газета, герой, глава, декаданс, диалог, дневник, журнал, журналистика, замок, записки, иллюстрация, искусство, каденция, кадриль, карикатура, картина, колорит, копия, краски, критика, легенда, литература, литературность, манера* («Совокупность приемов, характерных черт, формальных особенностей творчества») (ТСУ), *музыка, набросок, обозрение, образец, окончание* («Заключительная часть литературного произведения») (ТСУ), *опера, описание, отдел* («Часть журнала или газеты, рубрика, в которой помещаются статьи одного рода») (ТСУ), *отступление, очерк, пародия, перо* («Символ писательского труда, ремесла писателя») (ТСУ), *пиеса, писательство, план, повествование, повесть, погудка, портрет, послесловие, поэзия, поэма, предисловие, представление, приложение, проза, произведение, псевдоним, пьеса, работа, развязка, рассказ, редакция, рецензия, речитатив, рикошет, роман, рубрика, рукопись, сборник, светотень, сказание, сказка, собрание (сочинений), содержание, сюжет, соната, сочинение, список, сравнение, статья, стиль, стих, стихотворение, столбец, сцена, тип, толкование, труд, труппа, увертюра, фабула, фантазия, фельетон, форма, характер, хроника* («В газете – отдел сведений, сообщений о местной текущей жизни») (МАС),

штыль, эпизод, эпопея, этюд («книжн. Название некоторых произведений, являющихся результатом какого-н. исследования») (ТСУ)*, юмор.* Например: *Побольше бы такой* ***беллетристики*** *(XI; 178); Я читал* ***главы*** *из книги «О жизни»... (XI; 225); Это будет идти к роду нынешних целомудренных* ***рассказов****, но с* ***содержанием*** *более жизненным и с* ***сюжетом****, взятым с натуры (XI;285); Лести тут нет: я добивался «музыкальности», которая идет этому сюжету как* ***речитатив*** *(XI;169); Спешу Вам написать, что в намерениях моих произошла перемена, и я, кажется, дам для* ***сборника*** *не то, что задумал, а другое (XI;288); Читал ли ты в августовской книжке "Русского обозрения"* ***этюд*** *из Шопенгауэра о "писательстве"? (XI;203).*

Разнообразна лексика, относящаяся к области гуманитарных знаний. Этот фрагмент ЯКМ репрезентирован ЛСГ, слова которых отражают знания:

а) лингвистические – *деепричастие, словарь, слово, фонетика: В переводе твоем находят хорошее, но указывают и довольно многие недостатки, заключающиеся по преимуществу в изобилии* ***деепричастий*** *и прозаических оборотов... (XI;190); Малороссийская* ***фонетика*** *не позволяет говорить и писать «изогнувся» (XI;237);*

б) философские – *возможность, вопрос, героическое, добро, зло, идеал, историчность, история, источник, красота, материализм, мистика, нигилизм, прояснение, путь, тема, учение, философия, философема* («окказ. Основание. Ср.: философское изречение, стих») (Толль, ССРЛЯ)*, эстетика, этика: Мне трудновато, Анатолий Иванович, вести переписку о таких* ***вопросах****, как «массовый подъем» или «герои и* ***героическое****... (XI;259); Но я всегда от Вас беру огня и засвечиваю свою лучинку и вижу, что идет у нас ровно, и я всегда в* ***философеме*** *моей религии... (XI; 281); И ты бы такими переводами принес пользу себе и людям, ищущим уяснения неотразимых вопросов в истории,* ***философии*** *и обыденной* ***этике*** *жизни (XI;236);*

в) теософские, о религии – *Библия, богословие, вера, верование, воскресение, евангелие, епитимия, житие* («Повествование о жизни человека, признаваемого верующими святым») (ТСУ), *заповедь, иго, кадило,*

катехизис, крест, культ, многолетие, молитва, паломничество, пост, православие, Пролог, раскол, религия, святилище, святыня, спасение, староверие, христианство, ярмо: ***Библию*** *прочесть надо (XI;220); Почему это Вам «тоже не по душе» работа по* ***евангелиям****? (XI;165);*

К области знаний по технике и производству (печатной продукции) относятся слова, связанные с публикацией произведений автора, подготовкой их к выходу в свет: *верстка, вымарка, выправка, выпуск, депеша, дефект, карточка, колесо, корректура, лист, набор, негатив, опечатка, оттиск, подпечатка, полоса, снаряд, сокращение, фотография: Пришлите мне* ***дефектов*** *и более ничего не пробуйте. Только пришлите* ***дефектов*** *побольше (XI;179); Пришлю ее вместе с возвращением* ***корректур*** *«Зимнего дня»... (XI;278); Когда* ***подпечатка*** *будет готова (примерно к августу), тогда попросим запечатанный том распечатать... (XI; 165).*

Представление о таком фрагменте мозаики индивидуальной ЯКМ, как знания о возможностях передачи/ получения информации, складывается благодаря ЛСВ слов *весть*, *известие, извещение, письмо, почта, справка: Подоспевшее к концу нашей беседы Ваше письмо решило дело: я пошлю Вам рукопись по* ***почте****. 213; Я получил с* ***почты*** *заказное* ***письмо*** *от Вас со вложенным там конвертом от покойного Ивана Александровича Гончарова (XI;209).*

К области самореализации в любой деятельности относятся использованные писателем ЛСВ слов *амплуа* («Роль, положение в обществе, круг занятий») (ТСУ), *выгода, деятельность, карьера: Это и приятно, и полезно, и необходимо, так как женщине, желающей занять художественное* ***амплуа****, нельзя щеголять всестороннею беспечностию насчет литературы (XI;188); Это очень приятно: убивать никого не нужно, и служба без* ***карьеры*** *и без отличий (XI;207).*

Данным перечнем ЛСГ не исчерпывается лексика, репрезентирующая сферу знаний об освоении социума, социальной среды в ЯКМ писателя, но и этот круг показывает различные ее стороны, подтверждая социальный

характер, во-первых, письма как текста информационно-эстетической направленности, во-вторых, приоритетов языковой личности автора, в-третьих, представляя ЛСГ как своеобразное зеркало узлов тезауруса, хранящих информацию о ЯКМ личности.

Литература

1. *Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2-х тт. Том 2. – М.: Школа «Языки русской культуры, 1995. – С. 629–650.*
2. *Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). – М.: Индрик, 1998.*
3. *Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений./РАН. Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998.*
4. *Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. – М.: «Языки русской культуры», 1998. – С. 430–477.*

Словари и принятые сокращения

1. *МАС – Словарь русского языка АН СССР: В 4-х тт. – М., 1981–1984.*
2. *САН – Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. – СПб., Л., 1895 – 1936 (А – Обр).*
3. *ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти томах. – М.–Л., 1950–1965 .*
4. *Толль – Толль Ф. Настольный словарь для справок по всем отраслям знаний в 3-х томах. – СПб., 1863–1864*
5. *ТСУ – Толковый словарь русского языка//Под ред. Ушакова Д.Н. – Тт. 1 – 4. – М., 1935–1940. Эл. вар-т.*

Цитируемая художественная литература

1. *Лесков Н.С. Собрание сочинений в 11-ти тт. – М.: ГИХЛ, 1958. Римскими цифрами при цитатах в скобках указан том, арабскими – номер письма.*

Линёва Е.А.

МГОПИ (г. Орехово-Зуево)

О выражении значения деятеля именных неопределенно-личных предложений в соотносительных синтаксических конструкциях английского языка

Структурация мира индивидуальна в каждом конкретном языке, так как соотношение мышления и языка неадекватно соотношению содержания и формы. Национальный характер, национальное мировоззрение находят отражение в языковых категориях, проявляющих языковую ментальность, и, наоборот, из поколения в поколение передаваемый ментальный опыт тем или иным способом развивает сущностные черты национального характера.

Носитель языка получает в свое распоряжение готовую систему языковых значений вместе с заключенными в них способами представления смысла – мифический компонент содержания языкового знака. Как языковая личность, говорящий может отражать свою собственную систему отражения мира только в пределах сложившегося в данном языке мифического восприятия действительности [1, С.90–95].

Синтаксические средства языка связаны с проявлением национальной ментальности. Так, А.Вежбицкая акцентирует внимание на особенностях русского языка, противопоставляя его английскому. Автор отмечает, что русская грамматика богата конструкциями, в которых действительный мир предстает как противопоставленный человеческим желаниям, независимый от них. А.Вежбицкая считает, что безличные предложения являются одной из характерных особенностей русского способа мышления. В безличных конструкциях человек представлен не активным действующим лицом, а пассивным, бессильным, не контролирующим события. Безличные конструкции предполагают, что мир непознаваем, полон загадок, а истинные причины событий неясны и непостижимы [2, С.71–73].

В английском языке отсутствует деление предложений на односоставные и двусоставные, то есть, для структуры английского предложения оппозиция подлежащность/бесподлежащность не релевантна, поскольку позиция подлежащего в синтаксической структуре предложения здесь всегда эксплицирована, и все предложения являются, таким образом, двусоставными по структуре [3, С.68]. Эта типологическая черта английского языка коренным образом отличает его от русского языка. Так, расчлененность, односоставность русского безличного предложения – *Холодно* противопоставлена расчлененности, двусоставности английского предложения – *It is cold.* В английской синтаксической конструкции обязательную позицию подлежащего занимает компонент *it,* определяемый как «пустой», формальный, не несущий смысловой нагрузки. Но поскольку признаковый компонент в подобных предложениях согласуется с

грамматическим носителем признака, то с грамматической точки зрения, данные предложения являются двусоставными.

Своеобразие неопределенно-личных предложений (НЛП), также как и других односоставных предложений заключается в том, что с формальной точки зрения эти предложения являются бесподлежащными. Предикативность выражена одним компонентом – главным членом предложения с признаковым значением. Соотносительность признака и его носителя не выражена отдельной словоформой. Субъект в НЛП словесно не выражен, то есть, грамматически не определен.

Если в двусоставном предложении деятель представлен отдельной словоформой как известный или неизвестный, например местоимениями: *кто-то, никто, кое-кто,* то в НЛП его лексическая известность/неизвестность оказывается нейтрализованной.

НЛП традиционно относят к группе глагольных предложений, но многие лингвисты при описании НЛП делят их на глагольные и именные в зависимости от способа выражения главного члена (Белошапкова В.А., Лекант П.А., Низяева Г.Ф., Пудовченко И.Н., Хазова О.Н.). Лингвисты обращают внимание на то, что предикативный центр может быть представлен не только глаголом, но и составным именным сказуемым, состоящим из глагола связки и именной части.

В списке В.А.Белошапковой даны две минимальные структурные схемы для именных НЛП.

Coppl3 Adjfpl – *Ему были рады; Им довольны; Отказом были обижены.*

Coppl N2 … pr/ Advpr – *Дома были в слезах; От него были в восторге; С ним были запросто* [4, С.642].

Н.Ю.Шведова относит подобные предложения к именному классу, беря за основу классификации морфологическую характеристику главного члена предложения. Автор не называет данные предложения неопределенно-личными, но обращает внимание на то, что субъект в них представлен неопределенно [5, С.371–372]. Глагольные НЛП отнесены в Русской

грамматике к спрягаемо-глагольному классу. Субъект в них также представлен неопределенно [там же, С.356]. Как видим, Н.Ю.Шведова разграничивает подобные предложения, но не называет ни те, ни другие неопределенно-личными.

В именной части НЛП сосредоточено основное смысловое содержание сказуемого. В роли связки выступает десемантизированный глагол *быть.* Связка в НЛП реализует формальную независимость главного члена и служит для выражения предикативных характеристик предложения (времени и наклонения). *Поеду к дядюшке Полуектову – там всегда рады мне* (Ю.Герман); *В госпитале с ним подчеркнуто услужливы* (Ю.Герман); *Любку не били, – с ней были даже вкрадчиво-ласковы* (А.Фадеев); *В наше время готовы к любой неожиданности* (А.Фадеев); *На собрании с ним часто бывают несогласны* (А.Фадеев); *В нашей компании были в восторге от этого парня* (Д.Донцова); *В коллективе о нем самого высокого мнения* (Д.Донцова); *В управлении с ним были холодно вежливы* (Д.Гранин); *В школе к подросткам несправедливы* (В.Козлов).

Именная часть может быть выражена краткими прилагательными или страдательными причастиями во множественном числе, предложно-падежным сочетанием существительного с наречием. Для данных словоформ существуют определенные лексические ограничения – они должны обозначать чувства, качества, отношения человека: *(не) рады, (не) вежливы, (не) равнодушны, (не) приветливы, (не) довольны, обходительны, предупредительны, (не) добры, озабочены, встревожены, сердиты, строги, взволнованы, осведомлены, требовательны, сдержаны, очарованы*, *в раздумье, в ярости, в слезах, в тоске, в тревоге, в гневе, в панике, запросто, начеку.*

Субъект как в глагольных, так и в именных НЛП словесно не выражен, то есть, грамматически не определен. Если в двусоставном предложении деятель может быть представлен отдельной словоформой как известный или

неизвестный, например местоимениями: *кто-то, никто*, то в НЛП его лексическая известность/неизвестность оказывается нейтрализованной.

Неназванность актанта в синтаксической конструкции не означает его отсутствия в семантической структуре предложения, она лишь сообщает о мысленном заполнении позиции данного актанта неким образом предмета, который обычно выполняет в предложении функцию актанта. Имплицитное обозначение актанта объясняется не только его неактуальностью для данного сообщения, но и тем, что говорящий, в большинстве случаев, может рассчитывать на идентичное восстановление актанта адресатом [3, С.78].

На семантическом уровне деятель в НЛП может быть представлен с различной степенью определенности/неопределенности, которая зависит от контекста, ситуации общения, лексического наполнения неопределенно-личных конструкций. Все вышеперечисленные факторы способствуют формированию значения деятеля в НЛП. Адресат, принимая их во внимание, получает возможность определить субъект действия, обозначить лицо, оставшееся «за кадром».

НЛП могут обозначать ситуацию с неизвестным деятелем: *К нему добры и внимательны – Кто-то добр и внимателен к нему.* Но главным образом, деятель в НЛП представлен с различной степенью конкретизации. *В школе недовольны поведением ученика* – сочетание лексемы *недовольны* и локативной словоформы *в школе*, указывает на тех, кто отвечает за учебный и воспитательный процессы – *Учителя недовольны поведением ученика. Дома встревожены болезнью ребенка* – сочетание главного члена предложения с локативным детерминантом указывает на членов семьи – *Родители встревожены болезнью ребенка.*

В английском языке, в силу его облигаторной подлежащности, неопределенно-личная конструкция отсутствует, следовательно, отсутствуют и прямые эквиваленты русских НЛП. Трудность перевода НЛП на английский язык заключается в способе передачи их формальных особенностей, в отражении смыслового содержания. Перед переводчиками

стоит задача подобрать в английском языке такие синтаксические конструкции, которые максимально передают как семантику структурной схемы НЛП, так и семантику предложения.

Если деятель в НЛП представлен имплицитно, то в английских синтаксических конструкциях он всегда выражен отдельной словоформой. На грамматическом уровне деятель всегда определен, а степень его известности/неизвестности выражается лексически. Рассмотрим, как передается значение деятеля русских именных НЛП в соотносительных синтаксических конструкциях английского языка.

Русские именные НЛП могут переводиться английскими активными синтаксическими конструкциями с местоимениями *they* в позиции подлежащего. *Ему были рады – They were glad to see him; Им довольны – They are satisfied with him; Её отказом были обижены – They took offence at her refusal; К нему добры – They are kind to him; На него сердиты – They are angry with him; Ко мне равнодушны – They are indifferent to me; От него были в восторге – They were delighted with him.* В английском варианте использование синтаксической конструкции с местоимением *they* указывает на грамматически определенного деятеля, но в тоже время, значение субъекта выраженного данным местоимением довольно неточно, неопределённо. Местоимение *they* не содержит указаний на конкретных людей, не называет их профессии, имена, что в свою очередь создает некую семантическую неопределенность субъекта, в результате этого на семантическом уровне значение неопределенности деятеля в английском предложении сохраняется, хотя на грамматическом уровне он представлен как определенный.

Именные НЛП, в которых деятель представлен как обобщенный, переводятся на английский язык синтаксическими конструкциями, в которых это значение сохраняется. *Дома были в слезах – The house was in tears; На заводе были в панике – The plant got into a panic; В этой семье очень внимательны к детям – This family is very kind to children.* Словоформы

house, plant, family, выполняющие функцию подлежащего в английских предложениях, указывают на широкий круг людей, вовлеченных в одну ситуацию, и деятель приобретает статус обобщенного.

В предложениях: *В этом магазине со мной всегда вежливы; В школе ею недовольны; В этой больнице вежливы с больными* сочетания локативных словоформ *в магазине, в школе, в больнице* с лексемами *вежливы, недовольны* формируют значение конкретного деятеля. *Продавцы в этом магазине всегда со мной вежливы; Учителя в школе ею недовольны; Врачи в больнице вежливы с больными.* В английском варианте перевода подобных именных НЛП значение конкретного деятеля сохраняется и передаётся словоформами *shop assistants* и *teachers*. *The shop assistants in this shop are always very polite to me; The teachers in this school are dissatisfied with her; The doctors in this hospital are kind to patients.*

Переводчик, обладая языковым чутьем, принимая во внимание структуру и семантику НЛП, выбирает из многообразия синтаксических конструкций английского языка те, которые наиболее точно передают как семантику структурной схемы, так и семантику НЛП. Деятель в английском варианте принимает ту степень конкретизации, которая отражена в семантике НЛП.

Примечания

1. *Монина Т.С. Проблема тождества предложения. – М.: МПУ, 1995.*
2. *Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997.*
3. *Копров В.Ю. Сопоставительная типология предложения. – Воронеж, 2000.*
4. *Современный русский язык/ под ред. Белошапковой В.А. – М.: Высшая школа, 1989.*
5. *Шведова Н.Ю. Русская грамматика. – М.: Наука, 1980.*

Мартьянова Е.В.
МПГУ (г. Москва)

Интонационный контур иронических высказываний

Особое внимание следует обратить на роль интонации, средств невербального общения (выражение лица, глаз, жесты, мимика, поза) и прочих паралингвистических факторов в формировании иронии.

В речи тон играет очень важную роль и нередко изменяет ее смысл. Рассматривая разнообразные переосмысления слов и словосочетаний, происходящие в живой разговорной речи, исследователи постоянно подчеркивают наличие особого интонационного контура. [Бочина 2002; Брандес 2004; Давыдов, Смоленская 1980; Девкин 1973; Смоленская 1972; Соловьева 1984; Шувалов 2005].

Интонация и другие паралингвистические средства важны, если ироническое содержание опирается только на внеязыковую ситуацию и не поддерживается вербально-словесными средствами. Но иронический смысл создается не интонацией, а реальными условиями речи; ирония не требует никаких конвенций, ни экстралингвистических, ни каких бы то ни было иных, законов построения дискурса и общих правил произведения речевых актов достаточно для задания ее базовых принципов [Николина 1979; Серль 1990]. Можно сослаться на выводы специалистов по просодии текста, обобщающие результаты экспериментальных данных: интонация не является самостоятельным средством выражения иронии, она выполняет лишь усилительную роль [Давыдов, Смоленская 1980; Соловьева 1984].

Интонация может уточнять, комментировать, раскрывать полный смысл, заложенный в словах. Вкупе с широким контекстом она нередко становится средством выявления семантической трансформации. В книге В.Д.Девкина «Немецкая разговорная лексика» содержатся интересные примеры, которые показывают, как интонационное выделение может способствовать полярному изменению имеющейся в норме оценки в

семантике, при этом явно положительное приобретает отрицательный смысл [Девкин 1973:154–155].

Вот некоторые из них:

- *Einen schönen (bösen) Streich hast du uns gespielt!*
- *Als richtiger Freund hast du gehandelt, alles wartete auf deinen Beistand, und du bist weggerannt.*
- *Den ganzen Vormittag habe ich mich in der Küche belustigt. Wenn du wußtest, wie ich diese Wirtschafterei hasse!*

Очевидно, что особая интонация, указывающая на ироническую трансформацию семантики, сопровождает употребление, например, и таких выражений:

(1) *Du merkst aber auch alles!*

In Afrika gibt es doch gar keine Känguruhs! – Du merkst aber alles! (Коммуникативная ситуация реконструирована: КСР);

(2) *Ist das die ganze Herrlichkeit?*

Sie bekommen 10 Euro Entschädigung. – Ist das die ganze Herrlichkeit? (...) (КСР);

(3) *Ich lasse mich [gern] überraschen!*

Ob es sich lohnt zu diesem Vortrag zu gehen. – Ich lasse mich gern überraschen! – Meinetwegen. Ich bin gespannt! (КСР);

(4) *Da ist alles dran!*

Da ist alles dran, du kannst lügen! Nie habe ich einen so dreisten Lügner gesehen! (КСР);

(5) *Da hast du dich zu früh gefreut!*

So, das Examen habe ich in der Tasche. Jetzt konmmt nur Altfranzösisch. Das schaffe ich locker! – Ja im vorigen Jahr hast du das auch gesagt, und danach bist du durchgefallen. Du hast dich eben zu früh gefreut! (КСР);

(6) *Das freut einen ja denn auch!*

Einen Kredit von 100.000, – Euro habe ich beantragt, 25.000, – Euro wollen sie mir geben. Das freut einen ja denn auch! (КСР);

(7) *Das sollte mir gerade einfallen!*

Eine Reise wieder so weit weg zu machen und noch bezahlen, das sollte mir grade einfallen! Keinen Cent gebe ich für eine so abwegige Idee! (КСР);

(8) *So etwas habe ich gern!*

Einen Kredit von 100.000, – Euro habe ich beantragt, 25.000, – Euro wollen sie mir geben. So was habe ich doch gern! (КСР);

(9) *Das ist ja eine schöne Zucht hier!*

Wie, um sechs Uhr müßt ihr schon ins Haus? – Ja. Um sieben ist Abendessen. Zwischen sechs und sieben müssen wir unsere Zimmer aufräumen, die Sachen für den nächsten Morgen vorbereiten. – Mensch, das ist ja eine schöne Zucht hier! (КСР);

(10) *Meinen verbindlichsten Dank!*

Das ist doch wunderbare Arbeit, ständig im Freien, bei dieser herrlichen Sonne. – Bei 40 Grad im Schatten, meinen vebindlichsten Dank! (КСР).

В высказывании под влиянием интонации лексика, лишенная явной оценки, ее приобретает. Таким образом, то или иное субъективное отношение говорящего может придаваться любому безоценочному слову:

- *Bis Zugabfahrt sind fünf Minuten geblieben, und er raucht gemütlich im Wartesaal!*
- *Ich habe das ihm erneut erklärt, er will es nicht einsehen!*
- *Er kommt doch, diesmal nur 5 Minuten Verspätung!* [Девкин 1973:154–155].

Существенна роль интонации при ироническом цитировании, то есть при употреблении говорящим явно чужих, вызывающих несогласие, критику слов. В таком случае ироническая окраска голоса играет в речи роль своеобразных «иронических кавычек» указывающих на дистанцию между говорящим и автором чужой речи. В простой форме – это интонационная имитация, употребление говорящим чужих слов без какой бы то ни было на то ссылки. В более сложных случаях характерный набор лексики должен содержать намек на дополнительную информацию, которая синтезируется из

взаимодействия сделанных сообщений, осведомленности говорящих, элементов ситуации и многих других факторов. Явного противоположения смыслов при иронической цитации не происходит [Давыдов, Смоленская 1980; Девкин 1973].

Приведем некоторые примеры:

(11) *Diese Leute, die Sie belästigen, spüren etwas von der Widerwärtigkeit des Lebens, von der Angst in der Welt, und deshalb gehen sie zu Ärzten, lassen sich helfen. Die brünette jüngere Frau rief höhnisch: Helfen! Schöne Hilfe. Mit Chemie. Wissen Sie, was den Menschen fehlt? Das Gespräch fehlt!* (G. Wohmann, Verschluck dich nicht) *(собеседница очевидно не соглашается с собеседником, что химические средства, применяемые для лечения или предупреждения болезней, действительно помогают, и высказывает иную точку зрения);*

(12) *Da kann ich echt noch was lernen. „Der Partner hat um Rat gefragt!“ Oh, toll. Wie schmeichelhaft für meinen Christoph. Vom großen Gott Kanzleipartner gefragt zu werden. Zum Thema Gartenzaun. Spektakulär. Beim nächsten Großputz frage ich auch um Rat* (S. Fröhlich, Frisch gemacht!) *(имитируя фразу мужа (Christoph), жена (Andrea) выражает явное неодобрение. Просьба коллеги о помощи имеет особое значение для Кристофа: указывает на то, что он воспринимается в конторе как знающий и необходимый сотрудник; Андреа полагает, что просьба скорее корыстна, и коллега нашел в лице Кристофа простофилю, на которого можно взвалить все бесперспективные или трудные дела, а Кристоф же этого не понимает);*

(13) *Dem Eisblauen folgte eine vollbusige Blonde im Hosenanzug mit Krawatte. Sie hatte diesen genervten Blick von „Bitte erkennt mich doch nicht immer alle!“ und guckte gelangweilt auf ihre Handtasche* (H. Lind, Der gemietete Mann) *(в примере явно угадывается тон, с которым многие популярные люди говорят о том, что они устали от своей популярности, что им кажется неприятным и обременительным быть всюду узнаваемыми);*

(14) *Was sich die Typen so einbilden. „Der Schmerz ist doch auszuhalten; ist ja produktiv, gell, also Schmerzmittel kommen für uns nicht in Frage, keinesfalls“. Selbst den größten Egozentrikern rutscht bei diesem Thema locker flockig ein gemütliches „Wir“ über die Lippen. Oft sind es genau die Kerlchen, die sich für ein lächerliches Weisheitszähnchen drei Spritzen reinhauen lassen. Aber klar, ist ja auch kein produktiver Schmerz* (S. Fröhlich, Frisch gepreßt) *(в передаче рассуждений мужчин о продуктивных и непродуктивных болях явно прослеживается несогласие говорящей с представляемой позицией; речь идет о том, что, если боли продуктивны, как, например, при родах, то использовать обезболивающие средства нет необходимости, уж они-то, мужчины, это точно знают; зубная боль к продуктивным болям не относится, а потому нет ничего странного в том, что бы использовать как можно больше обезболивающего средства (три шприца);*

(15) *Und diese Heidrun hat einen nach eigenen Angaben wahnsinnig attraktiven und schlauen Sohn, der zufällig noch zu haben ist. 31 und Medizinstudent. Ja, und dieses Fabelwesen, genannt Gregor, und ich wären doch die perfekte Kombination* (S. Fröhlich, Frisch gepreßt) *(героиня, цитируя слова матери о том, что она (героиня) и Грегор (молодой человеке, вероятный жених) могли бы составить замечательнейшую партию, а иначе и быть не может, так как Грегору всего 31, и он изучает медицину, очевидно не соглашается с рассуждениями, считает их «поспешными»);*

(16) „*Vier Wochen Frankreich bevor der Ernst des Lebens beginnt“, sagt Ulli. Sie lacht dabei. Bei ihr hat das gelkappt mit einer Stelle* (D. Chidolue, Aber ich werde alles anders machen) *(цитируя слова взрослых о предстоящих трудностях, Ули дает понять, что она не воспринимает их серьезно; взрослые всегда преувеличивают; вся жизнь – интересное приключение, будь то отдых во Франции или работа в парикмахерском салоне).*

(17) *Weil ich keinen Krach wollte, antwortete ich zunächst ganz sachlich, daß er mich nie einlädt, weil er dauernd seinen geldbeutel vergißt, wenn wir zusammen weggehen. Aus Versehen, versteht sich!* (E.Heller, Beim nächsten Mann

wird alles anders) *(«совершенно случайно» забывает друг девушки, от лица которой ведется повествование, деньги дома каждый раз, когда пара идет ужинать в кафе или ресторан; в иронической реплике можно проследить выражаемые упрек и неодобрение, чувства гнева, обиды; осуждая партнера, девушка требует уважения к себе).*

Думается, что определенная интонационная имитация сопровождает каждый иронический речевой акт. Если исходить из того, что иронический речевой акт содержит «отзвук», в широком смысле, буквального словоупотребления, то при ироническом сочувствии будет имитироваться сочувствующий тон, при ироническом поощрении – тон одобряющий, подбадривающий, при ироническом упреке – тон злобный, ехидный и т.д. Косвенное подтверждение наша мысль находит в следующем: «Поскольку ирония – это языковая мистификация, … вид языковой игры, …притворство, иронизирующий, как правило, временно надевает на себя маску. Маски иронизирующего при этом могут быть весьма разнообразны: маска невежды, маска наивного, маска подлого и злобного человека, маска глупо восторженного человека, маска сомневающегося, маска глубокомысленного человека и многие другие» [Ермакова 2005:56]. Надевая какую-либо маску говорящий, очевидно, имитирует и манеру произнесения, соответствующую той или иной «маске», то есть, будучи в маске, например самоуверенного невежды, говорящий может имитировать высокомерный тон, а в маске сочувствующего – участливый.

И даже нейтральность интонационной конструкции имеет в ироническом высказывании свое особое значение. Маска серьезности, «скрытность» насмешки, отличают иронию от юмора и особенно сатиры. Порой говорящие намеренно шутят серьезно, чтобы исключить дополнительные показатели, обычно указывающие на игровую установку. Через контраст серьезного тона и того, что он сопровождает, усиливается комический эффект [Борев 1981; Бочина 2002; Янкелевич 2004].

В целом заметим, что на истинный смысл иронического высказывания указывают как языковой, так и общий ситуационный контекст. Интонация, тембр голоса и другие паралингвистические средства играют при этом важную роль. Но порой наличие достаточного количества концептуальных намеков и зацепок может побудить говорящего отказаться от иронической интонации и прочих «спецсредств» [Шувалов 2005:82].

Литература

1. *Борев Ю.Б. Эстетика.– М.: Политиздат, 1981.– 399 с.*
2. *Бочина Т.Г. Стилистика контраста: Очерки по языку русских пословиц. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002.– 196 с.*
3. *Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс.– М.: Прогресс-Традиция; Инфра-М, 2004.– 416 с.*
4. *Давыдов М.В., Смоленская С.С. О фонетических средствах выражения иронии.– М.: без издательства, 1980. – 27с.*
5. *Девкин В.Д. Немецкая разговорная лексика.– М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1973.– 301 с.*
6. *Ермакова О.П. Ирония и ее роль в жизни языка.– Калуга: КГПУ им. К.Э.Циолковского, 2005.– 204 с.*
7. *Николина Н.А. К вопросу о речевых средствах иронической экспрессии и ее функциях в художественном тексте // Русский язык в школе.– М., 1979.– №5.– С. 79–83.*
8. *Серль Дж. Метафора, ирония и косвенные речевые акты // Теория метафоры: Сборник под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журинской.– М.: Прогресс, 1990.– С. 307–341.*
9. *Соловьева Е.В. Прагматическая функция интонации (экспериментально-фонетическое исследование на материале французской иронической прозы): АКД.– М., 1984.– 25 с.*
10. *Шувалов В.И. Метафорический дискурс.– М.: Прометей, 2005.– 148 с.*
11. *Янкелевич В. Ирония. Прощение. – М.: Республика, 2004.– 335 с.*

Marie Pantelic

Panteon-Assas-Paris II, Institut Français de Presse (Paris, France)

Функциональные аспекты текста кинорецензии *(на основе материалов американских и французских газет)*

Рецензия – это жанр, основу которого составляет отзыв, прежде всего критический, о произведении художественной литературы, искусства, науки и т.п. [1, С.143]. Отличие рецензии от других газетных жанров состоит в том, что предметом рецензии выступают не непосредственные факты действительности, а информационные явления – книги, спектакли, кинофильмы, телепередачи.

Предметом исследования данной статьи являются тексты кинорецензий, помещаемые в периодической ежедневной печати во Франции и Америке. Кинорецензии рассчитаны на самую широкую публику. Их целью является информирование читателей о выходе на экраны тех или иных фильмов, их анализ и оценка. Также кинорецензии помогают читателям остановить свой выбор на каком-либо фильме и составить свое собственное мнение о фильме.

В таких наиболее распространенных американских газетах, как *"The New York Times"*, *"The Washington Post*", *"Daily News"* и французских *"Le Monde"*, *"Le Figaro"*, *"Libération"* кинорецензии появляются в связи с премьерой фильма или проведением кинофестиваля. В иных случаях кинообзоры выходят с периодичностью раз в неделю.

В англоязычной прессе кинорецензии появляются в рубриках под названиями *Coming Attractions, The Come-on, Films, Movies, New Movie, The Critics* и т.д. Во французской прессе это – *Culture, Cinema, Culture-guide, Sorties du cinema*.

Следует подчеркнуть, что кинорецензии выделяются в отдельный газетный жанр. Ему присущи общие характеристики рецензии, такие как массовость адресата газеты, оперативность и периодичность выхода материала, актуальность проблематики, образность, острота и яркость изложения и выявление социальной значимости того, о чем рассказывает автор, а также некоторые особенности, отличающие кинокритику, например, от литературной критики. Кинорецензия описывает, оценивает и критикует продукт кинематографа – иконическое произведение, которое само по себе уже включает множество различных планов (замысел, идея, картинка, диалоги, реализация и режиссура и т.д.). Именно в этом и состоит трудность рецензирования кинопроизведения.

Кинорецензии свойственны следующие отличительные черты языка газеты: «экономия» языковых средств, лаконичность изложения при информационной насыщенности; отбор языковых средств с установкой на их

доходчивость; наличие общественно-политической лексики и фразеологии, переосмысление лексики других стилей; использование характерных для данного стиля речевых стереотипов, клише; жанровое разнообразие и связанное с этим использование изобразительно-выразительных синтаксических средств языка и композиционных логико-стилистических форм и приемов и т.д.

Многие исследователи признают, что кинорецензия – один из самых сложных видов рецензий, т.к. перед критиком стоит сложная задача – совместить целенаправленный анализ режиссерского замысла с характеристикой творческого воплощения. Этот процесс еще больше усложняется, когда автор ставит своей задачей сравнить литературный первоисточник с экранизацией или театральной постановкой. В этом случае качество рецензии будет определяться профессионализмом критика.

При исследовании жанра «газетная рецензия» Синдеева Т.И. [2] предлагает использовать метод моделирования и представлять текст рецензии в виде интегрального конструктора. Предложенный способ представляется нам удобным, так как исследуемая модель речевого жанра включает в себя два вида закономерностей: закономерности реализации коммуникативных целеустановок, которые составляют вертикальную структуру модели, и закономерности линейного развертывания текста, составляющие горизонтальную структуру данной модели.

Построение вертикальной и горизонтальной структур речевого жанра кинорецензии основывается на различных методах. Построение вертикальной структуры предполагает выявление функциональной специфики рецензии и ее коммуникативных задач, а также выделение наиболее характерных для данного жанра способов реализации этих целеустановок. Построение горизонтальной структуры предполагает выявление основных композиционных элементов кинорецензии: заголовка, зачина, основной части и заключения.

Текст кинорецензии – это особая единая смысловая структура, логически завершенная, связанная лексически, синтаксически и стилистически.

Нужно подчеркнуть, что текст кинорецензии предполагает создание не только нейтральных информативных высказываний, но и эмоционально-экспрессивных. Эмоционально-экспрессивный аспект высказывания ориентирован как на рецензента, так и на читателя.

Основу рецензии составляет анализ, как правило, всесторонний и объективный. Тем не менее, часто рецензия сводится к пересказу сюжетных линий произведения, что снижает значимость рецензии. Только в том случае, если такой пересказ органично вплетен в канву анализа, он становится оправданным. В современной прессе наиболее распространены рецензии, авторы которых разбирают только одну сторону произведения, например, только тему или только работу режиссера.

Функциональная специфика жанра кинорецензии определяется совокупностью двух аспектов. Во-первых, кинорецензия относится к жанру, принадлежащему к публицистическому стилю, охватывающему массовые тексты, которые воздействуют на актуальные процессы оперативным документальным отображением. Кинорецензия не претендует на исчерпывающий анализ художественного произведения. Она лишь суммирует впечатление критика от художественного произведения и характеризуется краткостью и лаконичностью.

Коммуникативная задача текстов кинорецензий определяется передачей письменного сообщения на тему значимости кинопроизведения и его выхода на широкий экран, фестивального показа или юбилейной даты.

Вторым обстоятельством, определяющим функциональную специфику изучаемого жанра, является то, что кинорецензия предстает как разновидность критического типа текста, а точнее, как жанр кинокритики, в рамках которой ее принято отличать от обзорной и проблемной статьи, эссе, творческого портрета, фельетона и т.д. Как жанр критики кинорецензия

стремится обогатить и усилить восприятие кинопроизведения путем углубления понимания читателем содержания фильма и его кинематографических решений. Поэтому функции рецензента заключаются в том, чтобы информировать, оценивать, рекламировать.

Кинорецензия предстает как полифункциональный текст. В зависимости от целей создателя текста одна из указанных задач может выдвигаться на первый план и вызывать соответствующие изменения в структуре текста рецензии и организации языковых средств. По этой причине некоторые авторы выделяют такие разновидности рецензии, как рецензия-аннотация; рецензия-оценка; рецензия-анализ [3].

В нашем исследовании среди анализируемого материала наблюдается преобладание рецензий-анализов с элементами оценочности, в отличие от рецензий-оценок, которые могут представляться менее объективными. Во французских газетах нам также встретились несколько рецензий-аннотаций, представляющие собой краткий пересказ содержания фильма. Из сопоставительного исследования анализируемых нами рецензий можно предположить, что рецензия-анализ более характерна для американских газет.

Следует отметить, что изложение рецензентом содержания кинопроизведения не является самоцелью, а влечет за собой раскрытие правил его функционирования. Автор рецензии обеспечивает переосмысление и оценку фактов, событий, процессов, представленных в фильме, используя понятийный аппарат критики [2]. Как следствие – кинорецензия состоит из единиц, способных функционировать в двух планах, – плане языка, где они сохраняют свое лексическое значение, и в плане метаязыка как вторичной знаковой системы.

С учетом особенностей предметного содержания кинорецензия строится как метатекст, знаки которого устанавливают отношение к языку рецензируемого произведения, и предполагает наличие двух информационных планов. Под информацией собственно кинорецензии

следует понимать сведения общего характера, касающиеся жанровой принадлежности фильма, его тематики, проблематики, сведений биографического характера, а также взглядов и мировоззрения автора фильма. Второй план составляют тексты, привнесенные в основной, в первую очередь – сведения, обусловленные изложением сюжета кинофильма, описанием героев, их внешности, черт характера и т.п. К дополнительным вторичным текстам относятся мнения зрителей, участников картины и т.д. Своеобразие существования двух и более текстов в пределах одного обобщающего находит отражение в их иерархии.

Метатекстовый характер кинорецензии отражает особые референтные условия ее функционирования. Объекты рецензии принадлежат различным физическим мирам: миру объективной реальности и миру кинореальности. Наличие двух миров реальности имеет последствия для их сосуществования в рамках одной статьи и их отношений с миром критика, формируемым в результате переноса внешнепредметных объектов во внутренний план автора. По этой причине кинорецензия сообщает данные об объектах, событиях, ситуациях, относящихся к миру реальному или вымышленному (но построенному по примеру реального), а также организует сведения в определенную упорядоченную систему знаний, которую можно назвать понятийным аппаратом кинокритики.

Как видим, кинорецензию можно считать жанром, чертами которого являются прагматическая полифункциональность, метаязыковой характер построения, особые референтные условия функционирования языковых единиц. Кинорецензия сочетает в себе изложение содержания объекта с аналитической деятельностью, предполагающей использование собственного видения мира автором.

Газетные заголовки представляют большой интерес как материал для исследования компрессии информации, т.к. заголовок статьи обычно является кратким суммированием всей истории, которой он предшествует. Не читая статьи целиком, читатель, взглянув на заголовок, догадывается, о

чем идет речь и решает для себя, интересна ли ему эта тема или нет. С другой стороны, даже если тема не очень интересна читателю, талантливо составленный заголовок может привлечь внимание читателя, воздействует на него эмоционально и побуждает к дальнейшему чтению всей статьи.

Из этого следует, что заголовок статьи-рецензии полифункционален. Несомненно, он должен информировать читателя о том фильме, о котором пойдет речь в рецензии. С другой стороны, заголовок должен содержать и оценочный элемент, т.е. оценивать фильм как плохой или хороший, или же характеризовать его с какой-либо стороны. Еще один аспект, который может быть выражен в заголовке, – это эстетический аспект. Игра слов, неологизмы и другие стилистические приемы вовлекают аудиторию в прочтение той или иной статьи.

Заголовки рецензии можно разделить на сугубо информативные и на те, которые интригуют и развлекают читателя, одним словом, приковывают его внимание. Последние часто не отражают содержания статьи и вообще не указывают на рецензируемое произведение. Это наблюдается, как правило, когда рецензируется всем известный и нашумевший фильм. Первоочередная задача, которая стоит перед автором в таком случае, – привлечь внимание читателя, предложить ему какую-то новую идею, новую информацию. Такое явление встречается и в американских, и во французских заголовках.

Увидев заголовок *Moral Conflict Plus a Hot Bod: What More Does a Girl Need?* (NYT), но, не прочитав последующих двух строчек, сложно понять, о каком фильме идет речь. С помощью различных языковых приемов, которые присутствуют в этом заголовке, автор привлекает внимание читателя к статье. Среди стилистических приемов – это риторический вопрос и использование американского сленга – *hot bod* (hot body – «красивая, сексуальная фигура»). В таком заголовке реализуется и информационная функция, из заголовка мы узнаем о главной идеи всего фильма, – что кроме нравственного конфликта и красивой фигуры, девушке больше ничего не

нужно, а хорошо это или плохо – читатель решает сам. Как видим, в заголовке находит имплицитное выражение функция оценки.

В общей сложности те заголовки, которые нам встретились в изучаемых рецензиях, можно разделить условно на три группы:

1. «развлекательные/интригующие» заголовки, в которых не упоминаются название рецензируемого фильма, имя режиссера, имена главных героев. В этих заголовках преобладает оценочная функция, информативная функция в них также реализуется, так как в таких заголовках, как правило, передается главная идея всей рецензии. Например: *Lured by Stories and an Ambiguous Femme Fatale* (NYT); *Soaring Rise and Splashy Fall of an Ambitious, Sleek and Fragile Teen Idol* (NYT);

2. заголовки, которые содержат некоторую информацию о фильме, что выражается в упоминании имен актеров, режиссера или главного персонажа. Это, как правило, имена известных людей, иначе читателю будет непонятно, о ком идет речь. Ср.: *Leonardo's Flying Machine* (WP); *Un combat d'Amos Gitaï* (le F); *La fantasmagorie poétique d'Hayao Miyazaki* (le F);

3. заголовки, в которых присутствует название фильма. Чаще всего такие заголовки состоят из двух частей; первая – само название, вторая – краткое резюме основной идеи фильма или краткое суммирование сюжетной линии. Такие заголовки считаются наиболее информативными и оптимальными. Например: *Avec "L'un reste, l'autre part", il évoque deux manières d'être infidèle* (le F); *"Life Aquatic": A Comedy That Misses The Boat* (WP).

Рассматривая лексические особенности заголовков, нужно сказать, что для осуществления той или иной функции в заголовки часто включают эмоционально окрашенные слова, относящиеся к разговорному регистру, например: *Savoring a Legend Before It Curdled* (NYT), где 'savor' *амер.* – «смаковать, наслаждаться»; а 'curdle' *амер. сленг* – «провалиться, потерпеть неудачу».

Также следует отметить, что сочетание слов разговорного регистра и книжной возвышенной лексики делает заголовок более эмоционально-окрашенным. Это можно наблюдать в заголовке *Soaring Rise and Splashy Fall of an Ambitious, Sleek and Fragile Teen Idol* (NYT), где *'soaring'* книжн. – «парящий, взмывающий»; '*splashy*' разг. – «сенсационный, броский»; '*sleek*' разг. – «гладкий, вкрадчивый, хитрый, глянцевый», или в *La fantasmagorie poétique d'Hayao Miyazaki (le F)*, где '*fantasmagorie'* лит. – «фантасмагория».

Для привлечения внимания к заголовку автор, помимо выразительных лексических средств, использует стилистические приемы, среди которых наиболее распространенными являются:

аллитерация: It's Fanning fear by exploitation (DN); "L'un reste, l'autre part": deux amis face au désir d'aimer et à la terreur de tromper (Le M);

эпитет: 'Robots' Creates a Fantastic Setting, Then Fills It with Insipid Characters (WP); Unimaginative 'Heroes' (WP);

инверсия: Dans son nouveau film, "Melinda et Melinda", le cinéaste new-yorkais propose deux versions de la même histoire. (Le F);

антитеза: Soaring Rise and Splashy Fall of an Ambitious, Sleek and Fragile Teen Idol (NYT); "Melinda et Melinda": pleurs et rires à la fois, ou comment un suicide peut devenir un gag. (Le M).

Эти и другие стилистические приемы встречаются и в американских, и во французских кинорецензиях. Отметим, что использование эпитетов более характерно для американских рецензий, тогда как во французских заголовках они встречаются редко. В ходе нашего исследования выяснилось также, что американские заголовки лаконичнее, чем французские. Нам удалось установить, что среднее количество слов в заголовках американских кинорецензий составляет семь, включая и артикли, тогда как во французских кинорецензиях это число равняется десяти словам.

Еще одной отличительной особенностью газетных заголовков являются номинативные, безглагольные конструкции. Десять заголовков из пятнадцати проанализированных нами американских кинорецензий представляют собой

короткие номинативные предложения, типа *Bad Education: Powerful Knowledge; Leonardo's Flying Machine*. Во французских заголовках кинорецензий такие конструкции нам встретились чаще – в двенадцати из пятнадцати рецензий.

Несмотря на сходства и различия заголовков кинорецензий в американских и французских газетах, следует отметить, что заголовок рецензии выполняет важную интегрирующую функцию, является начальным импульсом для восприятия всего текста рецензии. Он может быть как информационным, так и «развлекающим» или оценочным.

Зачин, наравне с заголовком и концовкой, занимает сильную позицию в газетной статье. Зачин кинорецензии должен содержать зерно будущей работы, передавать большой объем первостепенно важной информации. Начало рецензии должно быть не просто точным и емким, но и необычным. В идеале зачин должен содержать главную информацию, идею статьи и обращение к читателю. Анализ языкового материала позволяет утверждать, что в зачине автор совмещает выполнение информативной и контактоустанавливающей функций. С первого же предложения необходимо дать главную информацию и вовлечь читателя в прочтение статьи.

Зачины, инициирующие вовлеченность и повышенное внимание читателя, являются показательными, однако, отметим, что в ходе нашего исследования чаще встречались рецензии, авторы которых в зачине дают лишь емко изложенную основную информацию о фильме. С помощью стилистических приемов они представляют эту информацию в более или менее оригинальной манере, тем самым, усиливая информационную функцию эстетической.

Можно отметить, что при введении некоторых элементов, выполняющих функцию контактоустанавливающих средств, наблюдается также попытка сделать высказывание более субъективным и эмоционально-окрашенным. Или, напротив, когда автор хочет выразить суждение или

оценку, он пытается «спрятаться» за читательским мнением и осуществляет, тем самым, часто бессознательно, акт манипуляции информацией.

Хотя заключительная часть рецензии представляет собой еще одну ее «сильную позицию», однако даже при беглом рассмотрении, можно отметить, что заключения не столь вариативны, как зачины. Чаще всего заключение представляет собой отдельный последний абзац, иногда два абзаца, реже – часть последнего абзаца. В концовке дается итоговая оценка рецензируемому произведению, и именно здесь оценочная функция проявляется эксплицитно, будь то отрицательная или положительная оценка. Эта оценка выражается метким, острым предложением, которое часто является итогом всей статьи. В других случаях автор пытается скомпоновать в одном абзаце и плюсы и минусы той или иной картины и предоставляет читателю сделать заключение, хорошая ли эта картина или нет.

Подводя итоги, можно утверждать, что рецензия характеризуется несколькими стилеобразующими чертами: экспрессивностью, часто сочетающейся с оценочностью, информативностью и воздействием. В результате сопоставительного исследования кинорецензий в американских и французских газетах, мы обнаружили, что их структурно-композиционное построение имеет много общего. Основными функциями для кинорецензии, по нашему мнению, являются информирующая и оценочная.

Информирующая функция кинорецензии обусловлена новизной объекта критики и реализуется за счет нейтрального документально-фактологического повествования и обобщенно-аналитической манеры изложения.

Рецензия индивидуальна, в ней часто выражаются пристрастия автора, его субъективные вкусы и оценочные суждения.

Экспрессивность стиля кинорецензии выражается на всех уровнях языка: фонетическом, морфемном, лексическом и синтаксическом. Во многом экспрессивность обусловлена необходимостью дать оригинальную оценку рецензируемому предмету. Состав лексики также может различаться

в зависимости от конкретного рецензируемого фильма и от отношения автора.

Также в рецензии мы обнаружили контактоустанавливающую, эстетическую, интерактивную и рекламную функции, однако, все они играют вспомогательную роль.

Проявление личностного начала в тексте связано с реализацией прагматической установки субъекта речи. Достижение воздействия на адресата обеспечивается путем выражения автором своего отношения к содержанию и адресату речи, через использование яркой, эмоционально окрашенной речи со множеством эпитетов. Отметим, что оценочные эпитеты более характерны для американских газет. Отсюда можно сделать вывод, что кинорецензия в американской прессе является более экспрессивной, чем во французской. Возможно, это связано с тем, что, исторически в американской прессе новости и комментарии всегда были четко отделены друг от друга. Очевидно, американские кинорецензии относятся, скорее, к комментирующим, чем новостным статьям. В европейской журналистике новости и факты стоят на первом месте. Это находит свое отражение и в кинорецензии, часто носящей описательный характер.

Еще одной чертой, общей для всех рецензий, и американских, и французских, является использование авторских находок, слов, конструкций. Представляется, что склонность к использованию собственного стиля определяется, в основном, индивидуальными качествами автора.

Таким образом, типичные черты публицистического стиля: стремление к воздействию на читателя, информативность, экспрессивность, обусловленная воздействующей функцией, наличие стандарта в выражении, все это присутствует в газетной кинорецензии.

Литература

1. *Тертычный А.А. Жанры периодической печати. – М.: Аспект Пресс, 2002.*
2. *Синдеева Т.И. Речевой жанр «газетная рецензия» и его лингво-текстовые характеристики: дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук.– М., 1983.*

3. Щорс Т.А. Структурные и лингвостилистические параметры текстообразования: автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук: – М., 1983.

Список использованных газет и статей и принятых сокращений

The New York Times (NYT)

1. Lured by Stories and an Ambiguous Femme Fatale, by STEPHEN HOLDEN, published: October 9, 2004;

2. Soaring Rise and Splashy Fall of an Ambitious, Sleek and Fragile Teen Idol, by STEPHEN HOLDEN, published: December 17, 2004;

3. Savoring A Legend Before It Curdled, by MANOHLA DARGIS, published: December 17, 2004;

4. Moral Conflict Plus a Hot Bod: What More Does a Girl Need? by MANOHLA DARGIS , published: January 14, 2005.

The Washington Post (WP)

1. Leonardo's Flying Machine, by Stephen Hunter, December 25, 2004;

2. 'Life Aquatic': A Comedy That Misses The Boat, by Stephen Hunter, December 25, 2004;

3. 'Bad Education': Powerful Knowledge, by Ann Hornaday, January 14, 2005;

4. Unimaginative 'Heroes', March 11, 2005.

Daily News (DN)

1. It's Fanning fear by exploitation, February 28, 2005.

Le Monde (le M)

1. «Melinda et Melinda»: pleurs et rires à la fois, ou comment un suicide peut devenir un gag, par Thomas Sotinel, 11.01.05;

2. «L'un reste, l'autre part»: deux amis face au désir d'aimer et à la terreur de tromper, par Jean-Luc Douin, 11.01.05.

Le Figaro (le F)

1. Avec «L'un reste, l'autre part», il évoque deux manières d'être infidèle, Claude Berri entre deux adultères, par Dominique Borde, 12 janvier 2005;

2. Dans son nouveau film, «Melinda et Melinda», le cinéaste new-yorkais propose deux versions de la même histoire, par Emmanuule Frois et Jean-Luc Wachthausen, 12 janvier 2005.

Разумовская Н.А.

НГИ (г. Электросталь)

Особенности устного перевода как способа выражения языковой ментальности

Перевод необычайно многолик. «Узнают коней ретивых» Пушкина – перевод (из Анакреонта). Субтитры или закадровый голос в иностранном фильме – тоже перевод. Рекламная листовка фармацевтической компании или статья в еженедельнике «За рубежом» – перевод. Работа синхрониста на международной конференции и помощь иноязычному гостю, скажем, на таможне или в больнице – разные ипостаси устного перевода. Список примеров можно продолжать долго.

Габриель Гарсиа Маркес сказал, что «перевод – самый глубокий способ чтения». Эта замечательная мысль относится, разумеется, к такому переводу, который достигает своей цели – с максимально возможной близостью передать смысл и форму оригинала. Продолжая эту мысль, можно сказать, что устный перевод – это самый глубокий способ слушания. И далеко не каждый человек, владеющий двумя языками, обладает этой способностью (или навыком), как и многими другими, необходимыми для того, чтобы хорошо переводить.

У профессии переводчик – многовековая история. Согласно священному писанию, только «вначале», до строительства Вавилонской башни, «на всей земле был один язык и одно наречие». Но после того как Господь «смешал язык их, так, чтобы один не понимал речи другого»[1, С.23], переводчики наверняка потребовались очень скоро.

Умение переключаться с языка на язык, *быстро извлекать мысль из сказанного*, – под силу не каждому. Не зря будущие переводчики совершенствуются не только в языке, и в истории, культуре, психологии.

Находчивость и быстрота реакции у профессионалов потрясающие. В процессе работы у них задействованы и сознание, и подсознание, и особенно интуиция. Приходится, и слушать оратора, и говорить вместе с ним.

Перевод не только искусство, но и ремесло. Только способности, помноженные на желание много трудиться, приведут к нужному результату. Это надо бы помнить всем, кто, по образному выражению Пушкина, возмечтал стать «почтовой лошадью прогресса» [2, С.116]. Так называл наш великий поэт переводчиков, связывающих жизнь человека и общества в единую мировую цивилизацию.

При переводе с одного языка на другой обязательно возникают трудности различного плана. Нас интересуют трудности, обусловленные разной языковой ментальностью. Чтобы избежать трудностей при переводе с английского языка на русский и наоборот, необходимо обратить внимание на различия между английским и русским языками.

Русская культура и культура стран английского языка (иногда о ней говорят – англо-саксонская) – очень разные. Конечно, обе они относятся в широком смысле слова к европейской цивилизации, и поэтому различия между ними не столь велики, как, скажем, между любой из них и культурой Китая или арабского мира. И всё же это серьёзные, глубокие различия. Не понимая этого, переводчик вряд ли сможет успешно выполнять роль культурного посредника.

А это как раз самое трудное – осознать различия культур, национальных характеров. Говоря о национальном характере, один французский писатель заметил: все мы, в общем, понимаем, что это такое, но почти любое высказывание на этот счёт можно опровергнуть. Пожалуй, переводчику лучше идти не от абстракций, а от наблюдений над тем материалом, с которым он работает, – языком.

Приведём (и кратко прокомментируем) небольшую, далеко не полную таблицу некоторых различий между русским и английским языками, русской и английской речью, языковой культурой и традицией.

Русский	Английский
1. Язык флективный, сложные грамматические отношения и оттенки значения часто «впрессованы» в одно слово.	Язык аналитический, сложные смыслы складываются из нескольких слов.

Возьмём, например, русское слово «созвониться». Такого слова просто не может быть в английском языке! Ведь оно означает примерно следующее: два человека обещают звонить друг другу, не договариваясь, кто возьмёт на себя инициативу, но так, чтобы установить контакт. В конкретном тексте одно это слово обозначает также число (единственное или множественное), время, место, род (т.е., по сути дела, пол говорящего – правда, это только в прошедшем времени). В английском языке все эти отношения либо выражаются двумя или несколькими словами (время), либо не выражаются вообще (подразумеваются). Подобных примеров, особенно глаголов, можно привести великое множество.

2. Много безличных, неопределенно – личных конструкций, возвратных и пассивных конструкций.	Преобладают конструкции с явно выраженным субъектом (подлежащим), возвратных глаголов нет, пассив встречается реже.

Типично русские выражения – прорвало трубу, меня продуло, ветром сдуло крышу и т.д. По-английски мы, естественно, скажем: the pipe burst, I caught a cold, the wind blew off the roof.

Тенденция к «безличности» характерна не только для разговорного языка, но и для книжного, официального стиля. Отсюда все эти «наблюдается...», «налицо...», «речь идёт о...» и другие обороты, доставляющие не мало хлопот переводчику. Наш совет: для английской фразы постарайтесь найти «крепкое» подлежащее, четкое сказуемое.

3. В книжной и официальной речи преобладает существительное, часто нагромождение родительных падежей.	Преобладает глагол, особенно в сравнении с русским. В разговорной речи большую роль играет существительное, но, как правило, краткое.

Какой переводчик (и читатель) не мучился с бесконечными цепочками типа: Кожа лица головы человека или нагромождениями типа: Обеспечение осуществления наращивания. Но и в сравнительно хорошо написанном русском тексте, где нет подобных анекдотичных оборотов, легко найти подтверждения нашему тезису. Советуем: при переводе во многих случаях такие слова просто опускать (нередко в отглагольных существительных мало конкретного смысла), в других – преобразовывать их в глаголы.

4. Много «отрицательной» лексики, конструкций с не и двойным не; мысль часто выражается «от противного»	Преобладают утвердительные предложения, гораздо реже, чем в русском, встречается отрицание и двойное отрицание.

Интересно, что это различие наблюдается как в разговорной речи, так и в более книжном, официальном стиле. Например:

– Вы не знаете сколько времени?

Нельзя по-английски переводить: *Don't you know what is the time?* – так как это будет означать: Неужели вы не знаете...

Следует: *Could you tell me the time please?*

Не пропадай! – Stay/ Keep in touch!

Не вешай трубку! – Hold on!

Я не мог не сказать ему об этом. – I had to tell him about it.

Не менее важно... – It is equally important...

По газонам не ходить! – Keep off the grass!

Посторонним вход воспрещен! – Authorized personnel only.

Разумеется, эта закономерность, как и другие, не является абсолютной, бывают исключения (*Курить запрещается! – No smoking!*), но это именно исключения. Советуем в английском переводе предпочитать утвердительные конструкции.

5. Русский текст, как правило, длиннее английского. Во-первых, длиннее сами слова («слоговая величина» русского перевода в среднем 30-50% больше, чем английского оригинала). Во-вторых, мы выражаемся распространеннее, с «длиннотами».	Английский текст чаще состоит из сравнительно коротких предложений стилистически «хорошим тоном» считается употребление коротких слов, сжатых конструкций.

Это различие особенно важно учитывать при переводе на английский язык: многие предложения следует делить на два или три, тогда текст будет выглядеть (звучать) энергичнее, чётче.

6. В русских текстах, особенно официальных, научных публицистических, много абстрактной лексики, обобщений.	Преобладает конкретная лексика, обобщение чаще подразумевается, чем выражается прямо.
7. Преобладает простая модальность, мысль выражается более прямо, «в лоб»	Преобладает сложная модальность, выражающая вероятность, допущение, сомнение. Мысль высказывается как принадлежащая кому-то конкретному.

Те, кто внимательно прислушивался к речи американцев и англичан, особенно образованных, отмечали обилие таких слов и оборотов, как *seems to, apparently, I would think, presumably*, и т.п. В устном переводе на русский язык модальность можно слегка упростить. В переводе на английский стоит позаботиться о том, чтобы наша речь не звучала слишком безапелляционно.

8. Порядок слов в русском языке несёт большую смысловую нагрузку.	В английском языке порядок слов – практически фиксированный, и смысловые оттенки выражаются другими средствами.

Сравните:

Я этого ему не говорила.

Ему я этого не говорила.

Этого ему я не говорила.

Я не говорила ему этого.

Не говорила я ему этого.

Говорящий по-английски, скорее всего, скажет: *I didn't say that to him*, всё остальное будет выражено интонацией.

9. Многие предложения начинаются не с подлежащего, а с дополнения. Главное, новое часто сообщается в конце предложения.	Предложения, как правило, начинаются с подлежащего. Главное, новое сообщается в начале предложения.

«Хрестоматийные» примеры»:

В комнату вошла девушка.	A girl entered the room.
Девушка вошла в комнату.	The girl entered the room.
Лучшим вратарём был Яшин.	Yashin was the best goal-keeper.
В докладе подчёркивается, что…	The report emphasized that…
В результате наводнения погибло сто двадцать человек.	Floods killed 120 people.

Итак, возможен ли в таком случае адекватный перевод? Устный перевод может считаться адекватным, если он не менее чем на 80–90% передаёт суть и форму оригинала. Стопроцентная адекватность невозможна, ибо не только языки, но и культуры слишком разные. Даже одно и тоже слово, точнее его эквивалент или аналог в переводе вызывает различные ассоциации, имеет различные семантические поля. Квалифицированный переводчик работает в промежутке от 80% до величины, максимально близкой к 100%. Это его margin, т.е. в данном контексте – поле возможностей.

В переводе очень важно понятие <u>прецизионной информации.</u>

По определению Р.Миньяр-Белоручева, прецизионная информация (ПИ), или прецизионные слова, – это, в отличие от терминов, «общеупотребительные, однозначные и точные в употреблении единицы речи, не вызывающие конкретных ассоциаций и весьма сложные для запоминания» [5, С.43]. Именно ПИ является главной информацией и требует при переводе особого внимания и абсолютно адекватной передачи.

Её искажение может приводить к нежелательным последствиям. Развивая идею Р.Миньяр-Белоручева, можно разделить ПИ на:

а) буквенную: имена собственные, географические названия, названия организаций, фирм, корпораций, месяцев и дней недели, brand names (торговые марки) и пр.

б) цифровую: числительные, даты…

Вполне очевидно, что ПИ составляет такую нагрузку на память, с которой последняя вряд ли справится, тем более в условиях стрессовой ситуации, а также при повышенных требованиях к точности передачи ПИ.

Итак, ПИ следует либо записывать (что предпочтительнее), либо прибегнуть к различным приёмам мнемоники, смысловой и ассоциативной памяти.

Опора памяти в виде знаков/символов поможет передать содержание переводимой информации. Необходимо использовать ассоциации и аналогии. Определить, что следует запоминать в обязательном порядке. Не затрачивать усилий на запоминание несущественных фактов и сведений.

Внимание – это ключ к запоминанию и длительному хранению информации. Также необходимо взять за правило повторять про себя то, что необходимо запомнить. Запоминать информацию следует не большими массивами сразу, а маленькими порциями и не спеша.

Также хотелось бы отметить роль анализа и синтеза при переводе.

Часто говорят: «Письменный перевод – искусство, устный – ремесло»/ “Translation is an art. Interpreting is a craft”. Процесс устного перевода (как речевой коммуникации) распадается на два этапа – анализ (восприятие) и синтез (говорение), которые протекают в быстрой последовательности, что предполагает автоматизм и анализа, и синтеза.

В устном переводе нет возможности для отвлечения от контекста. Необходимо научиться умению выделять смысловые единицы, подлежащие переводу, т.е. анализировать текст даже тогда, когда некоторый его отрезок не был воспринят или был воспринят в искажённом виде, особенно при

переводе с иностранного языка. Дело в том, что на каждое сообщение всегда накладывается шум, помехи и интерференции, что затрудняет восприятие сообщения.

Все эти помехи можно вполне преодолеть, правильно выделив смысловую единицу, подлежащую переводу, учитывая предшествующий контекст. «Догадка» (умение установить вероятность появления речевой единицы) – необходимая предпосылка успешного анализа при переводе. Она развивается на основе обучения, практики, общей эрудиции, лингвистической и страноведческой подготовленности, а также в результате прочного усвоения типичных словосочетаний, синтагматических связей, грамматических и синтагмационных средств сцепления предложений.

Автоматизм синтеза состоит в том, что выбор лексико-грамматических единиц из языка, на который ведётся перевод (target language), производится в минимальный срок на основании предыдущих единиц речи (контекста). Автоматизм синтеза – это не только знание эквивалентов единиц перевода, но и умение быстро найти близкое соответствие, т.е. аналог. Последнее наиболее важно при переводе на иностранный язык: надо уметь быстро заменить русское слово или грамматическую структуру, не поддающиеся переводу, русским же словом и структурой (синонимика), сохраняющими их основное значение и поддающимися прямому переводу.

Единицы перевода, выраженные в русской речи сложными номинальными группами (отглагольные существительные) или деепричастными оборотами могут быть переведены на другие языки при замене их более простыми (номинальные конструкции – вербальными, деепричастные обороты – предложениями с глаголом в личной форме…)

Хорошее знание общеупотребительных словарных единиц и грамматических структур в сочетании со специальными элементами, встречающимися в том или ином подъязыке (науки, спорта…), – залог успеха устного перевода.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что устный перевод – это и искусство, и ремесло, сложный процесс анализа, синтеза и прогнозирования. Перевод – средство взаимного сближения народов. Переводчик является культурным посредником в диалоге двух культур.

Примечания

1. *Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. – М., 1982.*
2. *Левин Ю.Д. Русские переводчики 19 века и развитие художественного перевода. – Л.: Наука, 1985.*
3. *Палажченко П. Мир перевода. – М.: Валент, 1997.*
4. *Visson L. From Russian into English. – Ardis, 1991.*
5. *Миньяр-Белоручев Р.К. Общая теория перевода и устный перевод. – М., 1980.*

Соклакова О.В.

КГПУ (г. Коломна)

Роль интонации в формировании основных типов прагматических высказываний

Как известно, существенным для интерпретации той или иной функции является нахождение соответствующего ей языкового феномена. Для прагматической функции таким феноменом является коммуникативный тип предложения. Функцию передачи коммуникативной направленности, выраженную в коммуникативном типе высказывания, можно назвать прагматической функцией высказывания.

Коммуникативные типы предложений рассматриваются в рамках синтаксиса, однако эти категории далеко не всегда выражены чисто синтаксическими средствами и наряду с ними обычно указываются средства лексические и интонационные. Интонация участвует как в организации высказывания, так и в оформлении коммуникативного типа последнего, однако ее роль при этом не обязательно дифференцирующая, то есть отождествляющая высказывание. В том случае, когда интонация определяет коммуникативный тип высказывания, ее компоненты обладают функциональной доминантой и можно сказать, что они реализуют прагматическую (коммуникативную) функцию. Таким образом, нет сомнения в значении интонации для выражения коммуникативного типа высказывания.

Но исследование этой функции интонации затрудняется тем, что в лингвистике остается нерешенным вопрос о количестве и классификации коммуникативных (прагматических) типов. Здесь следует отметить, что прагматический тип есть категория текста, а не языка как системы (Галочкина И.Е.), поскольку система языка не всегда располагает специальными средствами передачи значения прагматического типа отдельного высказывания. Это значение складывается на основе интеграции и модификации контекстом и ситуацией значений всех формирующих высказывание языковых средств. Систематика прагматических типов высказываний должна учитывать иерархию коммуникативных целеустановок. Так, выделяется наивысшая ступень обобщения, которая представлена четырьмя основными зонами: сообщением, побуждением, оценкой и фатическими высказываниями (Галочкина И.Е.). Такое членение находит свое обоснование в содержании познавательной и коммуникативной деятельности человека и отражает различия в характере доминирующей информации: предметной (объективной), оперативной (объективно-субъективной) и оценочной (субъективной). Основу различия между зонами и конкретными типами высказываний составляет характер и доля участия в их семантике субъективно-модального компонента. Исключением является зона фатических высказываний, составляющие которой ориентированы не столько на передачу определенного типа информации, сколько на обеспечение потребности общения.

Каждая из зон представляет собой объединение некоторого множества конкретных прагматических типов высказываний, обладающего более или менее четким ядром и размытой периферией. Периферийное положение ряда высказываний связано с наличием в них элементов информации, составляющей семантическую основу другой зоны.

Представителями ядра зон прагматических типов высказываний являются:

в зоне сообщений: сообщение/ рапорт, объявление/ доклад, утверждение, констатация, предложение;

в зоне побуждений: приказ, команда, распоряжение, разрешение, запрет, требование, просьба, мольба, уговаривание, успокаивание, подбадривание, предложение, приглашение, совет, предупреждение;

в зоне оценки: восклицание, похвала, упрек;

в зоне фатических высказываний: приглашение, поздравление, пожелание, приветствие, прощание, благодарность, извинение, соболезнование, обращение.

Особый статус имеет зона вопросительных высказываний, составляющие которых синкретически сочетают в себе элементы зоны сообщений и зоны побуждений. Зона вопросов, таким образом, занимает промежуточное положение между указанными зонами. Ее ядро составляют вопросы, нейтральные с точки зрения предположения о характере ожидаемого ответа. Отнесение высказывания к тому или иному типу осуществляется в конкретном контексте в условиях конкретной интонационной оформленности.

Следует отметить, что деление прагматических типов высказываний на зоны – довольно условно. Каждая из зон представляет собой объединение высказываний, которые обладают достаточно четким ядром и размытой периферией.

Далее представляется целесообразным перейти к рассмотрению роли интонации в формировании прагматических типов высказываний, так как интонационные параметры лежат в основе их классификации.

Роль интонации в формировании побудительных высказываний.

Двумя основными, наиболее резко противопоставленными друг другу в семантическом отношении типами побуждений являются приказ и просьба, которые различаются интонационно оппозицией нисходящего и восходящего тонов.

Модель приказа представляет собой сочетание нисходящей шкалы с низким нисходящим тоном, она семантически ориентирована на говорящего и передает отношение преобладания говорящего над адресатом. Для выражения приказа, однако, может использоваться и низкий восходящий тон. Это происходит, по-видимому, при наложении конкретной психологической ситуации на определенную социальную: общий характер отношений между говорящими сохраняет за высказыванием статус приказа, но специфика момента заставляет говорящего сделать приказ более мягким за счет восходящего тона. Поскольку временные и динамические характеристики передают значения, непосредственно конституирующие семантику конкретного типа побуждения, их роль в формировании типов побуждений более значительна, чем в формировании описываемых ниже типов вопроса или сообщения. Колебания данных характеристик в ту или иную сторону от нормы типа приводят к переходу от одного типа к другому.

Тип «требование» отличается от «приказа» большей степенью настоятельности. Будучи связанной с приказом общим признаком облигативности, облигативность требования основывается на моральном праве говорящего, и потому существует возможность невыполнения побуждения. В связи с этим требование может содержать элемент адаптации, что находит выражение в замене нисходящего тона на зоны, более ориентированные на собеседника (например, восходяще-нисходяще-восходящий тон). Восходяще-нисходяще-восходящий тон – во взаимодействии с лексическим составом высказывания и контекстом – создает значение побуждения большей интенсивности. Например:

Sophie: Don’t enjoy the excitement so much. Stop being a fool!

Nick: Sophie, you owe me an apology. You are by way of being rather a sharp little girl underneath all that shyness, aren’t you. I`m ^^<u>waiting</u>. I`m ^^<u>waiting</u>. (Morris H.)

Созданию значения большей интенсивности требования по сравнению с приказом способствует и изменение других интонационных параметров:

повышение общего уровня произнесения фразы и начала терминального тона, расширение диапазона терминального тона, некоторое замедление темпа фразы.

Роль интонации в формировании прагматических типов группы «просьба».

По данным лингвистических исследований просьба характеризуется восходящим или нисходящим мелодическим завершением, несколько более узким диапазоном произнесения фразы, чем приказ, замедленным темпом и сниженной интенсивностью. В подавляющем большинстве случаев решающую роль в идентификации просьбы играет восходящий терминальный тон. Употребление нисходящего тона создает случаи перехода от просьбы к предложению. Например:

Morris: Zach, `listen to me without `getting /angry. Let me /burn it.

Zach: My letter?

Morris: \Yes. (Harris D.P.)

Настоятельность просьбы создается в основном за счет мелодического и динамического выделения слов, составляющих основу побудительного значения, то есть глагола в императиве. Например:

Billy: That's Barbara!

Arthur: I'll have to get going anyway. I'll get shot when I get back to work. I've been gone nearly half an hour now.

Billy: \Hang on a couple of minutes, /man. Don't make it look \too /obvious. (O'Connor J.D., Arnold G.E.)

При употреблении сочетания нисходящего и восходящего тонов значение настоятельности не обязательно подкреплено повышением среднего уровня интенсивности произнесения фразы. Темп высказывания в подобных условиях несколько повышает средний уровень или приближается к нему, что, по-видимому, способствует противопоставлению настоятельной просьбы и мольбы. Созданию значения настоятельности просьбы

способствует и повышение общей степени эмоциональной насыщенности высказывания.

Таким образом, высказывание, относящееся к одному и тому же типу «просьба», обладает рядом интонационных особенностей, которые делают эти подтипы схожими и одновременно отличными друг от друга. Все высказывания типа «просьба» произносятся либо с восходящим, либо с сочетанием нисходящего и восходящего тонов. Однако различия наблюдаются в темпе и интенсивности произнесения.

Роль интонации в формировании прагматического типа «утверждение».

Утверждение – побуждение к такому конкретному действию, которое с точки зрения говорящего целесообразно или полезно для адресата. «Предложение – не обращение за содействием, а желание содействовать» (Антипова А.М.). Таким образом, в предложении нет апелляции к воле собеседника, свойственной для просьбы. С другой стороны, в нем отсутствует категоричность волеизъявления, присущая приказу. С отсутствием прямой апелляции к собеседнику связано преимущественное использование нисходящего тона. Необходимо отметить, что в отличие от вышеописанных типов побуждений с доминированием грамматической формы императива, в утверждениях можно наблюдать значительную вариативность средств выражения побудительного значения, а именно: вопросительная синтаксическая структура, форма сослагательного наклонения, выражение “You’d better…”, лексический состав повествовательного предложения. С вариативностью лексико-грамматических средств выражения связана отчасти и вариативность шкал в описываемом прагматическом типе. В большинстве случаев мелодическое движение в нетерминальной части контура до начала терминального тона является нисходящим. В высказываниях, выраженных повествовательной структурой, наблюдается восходящее движение шкалы к высокому началу терминального тона, что в условиях лексико-грамматической невыраженности элемента апелляции наиболее соответствует созданию

значения «предложения», так как передает значение сопереживания адресату. При лексической выраженности значения учета интереса адресата и соответствующем контексте та же конфигурация предтерминальной части придает высказыванию оттенок настоятельности.

Параметры диапазона терминального тона варьируются в столь значительных пределах, что обобщенные данные по ним нельзя признать показательными. Также варьируются показатели интенсивности произнесения фраз. Наибольшая стабильность показателей наблюдается в области временных характеристик высказываний, что свидетельствует о том, что темп предложений близок к среднему темпу речи говорящего. При лексико-грамматической невыраженности значения предложения созданию данного значения способствует употребление восходящего или нисходяще-восходящего движения касательной к вершинам ударных слогов. Переход допустимого предела вариативности (использование общего нисходящего мелодического контура, повышение интенсивности произнесения) приводит к постепенному переходу через значение мягкого приказа к приказу и требованию.

Итак, данный тип коммуникативных высказываний находится на периферии зон «просьбы» и «приказа». В типе «предложение» наблюдается вариативность лексико-грамматических средств выражения, что, в свою очередь, обусловливает вариативность шкал.

Роль интонации в формировании оценочных высказываний.

Специфику данной зоны высказываний составляет оценка говорящим свойств, качеств лица, предмета, явления, а через них – признака или действия (Антипова А.М., Торсуева Е.И.). В оценочных высказываниях в различных соотношениях сочетаются рациональный и эмоциональный моменты. Наибольшее обособление эмоционального момента от рационального осуществляется в восклицании, которое является наиболее экспрессивной формой выражения отношения говорящего к предмету речи. Исследователями отмечается, что наиболее типичным для восклицания

является общий нисходящий мелодический контур. Возможны варианты восходящей шкалы и нисходящего тона или восходящей шкалы и восходящего тона в общих вопросах, причем часто восходящее завершение характеризует высказывание с максимальной эмоциональной насыщенностью. Эти данные подтверждают мысль о том, что восходящий контур, как ориентированный на собеседника, обладает большей воздействующей силой, и потому восклицание воспринимается как более эмоциональное.

Необходимо подчеркнуть связь частотных просодических характеристик с тембром. Для высказываний, произнесенных с интенсивными активными эмоциями (положительными или отрицательными), как известно, характерен высокий регистр произнесения, для высказываний, окрашенных пассивными эмоциями (отрицательными), характерен низкий регистр.

К числу отрицательных эмоций, характеризуемых низким регистром, относятся, среди прочих, неудовольствие, досада, огорчение, разочарование и т.п. Перечисленные значения входят в качестве обязательного компонента в семантическую структуру прагматического типа «упрек». Здесь четко прослеживается тенденция к расширению диапазона, усилению фразового ударения, замедлению темпа и эмфатическому продлению звуков и пауз по мере усиления эмоции, отмечается возможность использования, помимо нисходящего, восходяще-нисходящего и нисходяще-восходящего тонов (в упреке с оттенком негодования, осуждения, то есть в интенсивных формах проявления оценки). В большинстве случаев, однако, отмечается использование нисходящего тона, который выполняет вспомогательную роль в отличие от уровневых и тембральных характеристик. Резкое отклонение уровня произнесения вниз от среднего показателя наблюдается в тех случаях, когда отрицательное оценочное содержание целиком концентрируется на интонационных средствах. Например:

Mrs. Hanker: What are you doing tonight?

George: I'll have a drink.

Mrs. Hanker: At the pub?

George: At the club.

Mrs. Hanker: \Boozing. (O'Connor J.D., Arnold G.E. 1961: 230).

Последняя реплика характеризуется низким уровнем произнесения при нисходящем тоне и умеренной скорости и интенсивности произнесения.

На основе данных Л.Н. Трухановой (1990), прагматический тип «упрека» является ядром данной группы, так как он наиболее широк по своему значению и способен входить в состав более сложных семантических образований, таких как «жалоба» и «хвастовство». В условиях высокой степени социальной насыщенности «жалоба» и «хвастовство» представляют собой примеры противопоставления интенсивных форм отрицательной и положительной оценок соответственно. Различие между ними выражено, прежде всего, тембром: при отрицательном отношении – тембром, характерным для возмущения, гнева, негодования, при положительной оценке – тембром, характерным, по-видимому, для гордости и близких с ней состояний.

Можно заключить, что ведущим интонационным средством передачи значения положительной или отрицательной оценки предмета речи является тембр, связанный с уровневыми характеристиками произнесения фразы.

Роль интонации в формировании вопросительных высказываний.

С точки зрения семантики, «вопрос» может быть представлен как синкретическое сочетание неопределенности и побудительности. Функциональная принадлежность вопросительных предложений во многом зависит от того, какое положение они занимают в диалогическом единстве. В пределах диалогического единства вопросительное высказывание чаще всего бывает стимулом. В качестве реакции может выступать встречный вопрос. Анализ вопросительных грамматических структур, выступающих в функции стимула, с одной стороны, и реакции – с другой, позволяет уточнить ту роль, которую играет интонация в передаче значения вопроса. Согласно

приведенному описанию, значение общего вопроса можно передать следующим образом: «Я сомневаюсь, что Р и прошу Вас сделать заключение относительно истинности Р». Исключение из этого описания побудительной части, которая, по-нашему предположению, выражена восходящим тоном и замена этого тона на нисходящий, даст нам высказывание, выражающее сомнение, отрицательную реакцию на стимул собеседника. Напр.: We shall have to take a taxi. – But can we \afford it?

Значение возражения передано во второй реплике с помощью союза “but” и интонации.

В специальных вопросах «сплав» двух элементов вопросительного значения находит выражение в лексико-грамматических средствах – вопросительных местоимениях и инверсии. Использование лексико-грамматических средств элиминируется необходимостью использования средств интонационных. Здесь мы имеем дело с классическим примером взаимной компенсации средств выражения.

Роль интонации в передаче значения вопросительности ярко проявляется при взаимодействии интонационной и грамматической форм в так называемых разделительных вопросах. Грамматическая и интонационная структура присоединительного элемента при передаче значения вопросительности могут действовать как однонаправлено, так и разнонаправлено. Общепризнанным является положение о том, что подъем во второй части высказывания описанной структуры передает допущение несогласия собеседника, а падение – ожидание согласия собеседника с мыслью первой части предложения. Восходящий тон, таким образом, создает в разделительных вопросах значение апелляции к собеседнику – побудительности.

Общеизвестно частое использование разделительных вопросительных структур в английской разговорной речи – “understatements”. Наличие грамматической присоединительной структуры дает возможность смягчить категоричность утверждения, не требуя его поддержки или опровержения.

Одним из условий осуществления акта вопроса может быть то, что спрашивающий не знает ответа на задаваемый вопрос. Употребление нисходящего тона в общем вопросе нарушает это условие. Отсюда восприятие общих вопросов с нисходящим терминальным тоном как неприятных и невежливых. В специальных вопросах с восходящим тоном усиление побудительности и появление созначения заинтересованности – есть проявление вежливости к адресату.

Итак, полагаем, в рамках вопросительного высказывания восходящий тон передает значение побудительности. Это касается высказываний, сформированных на основе разделительной и неместоименной вопросительных синтаксических форм. В местоименных вопросительных структурах это значение модифицируется лексико-грамматическим составом высказывания: возникает созначение заинтересованности и вежливости, которые можно рассматривать как производные в конкретных условиях общения.

Утёнков Г.В.
НГИ (г. Электросталь)

Использование словосочетаний существительных с союзом *and* в инаугурационных выступлениях президентов США

Инаугурация президента США является традиционной церемонией вступления в должность, во время которой он приносит клятву и произносит инаугурационную речь. Эти речи являются яркими образцами ораторских выступлений, обращенных к огромной аудитории. Они вызывают громадный интерес, цитируются и обсуждаются, что объясняется важностью для страны затрагиваемым тем и вопросов, а также определением программы развития страны на ближайшие четыре года.

Основными функциями любой ораторской речи, как утверждает Кохтев Н.Н. [1] являются функции убеждения, разъяснения, призыва или побуждения к действию, императивная и информативная функции.

Инаугурационные выступления можно отнести к ритуальным жанрам президентского дискурса, то есть тем, которые посвящены событиям, значимым для всего коллектива, в котором этот ритуал поддерживается [2]. Содержание инаугурационного дискурса четко определено в политическом пространстве и времени [3]. В нем огромное внимание уделяется базовым ценностям Америки, ее славному прошлому, преемственности традиций и их сохранению и положительным чертам характера американской нации. Президентский дискурс имеет принципиально риторический характер, и цели достигаются с помощью различных способов риторического воздействия на адресата [2]. Инаугурационные речи изобилуют различными стилистическими приемами – параллельными конструкциями и антитезой, инверсией и аллитерацией, риторическими вопросами и метафорами, которые, взаимодействуя между собой, не только воздействуют на эмоциональную сферу слушателей, но и являются сильным средством аргументации. В данной статье внимание будет посвящено лексическим особенностям инаугурационных речей, в частности использованию словосочетаний существительных, объединенных союзом *and*.

Яркой особенностью инаугурационных речей президентов США является использование союза *and* как в зависимых (связывая два или более прилагательных для характеристики существительного или два наречия при глаголе), так и свободных словосочетаниях (между двумя существительными или глаголами). Эти словосочетания не только делают речь более яркой и экспрессивной, но и выполняют прагматические функции – формируют отношение к определенным событиям или понятиям и способствуют убеждению аудитории. Члены одного словосочетания могут находиться между собой в разных отношениях – тождества (в случае синонимии), включения (одно входит в другое), временной или логической последовательности, контрарности или комплементарности (антонимия). В данной статье будут рассмотрены словосочетания существительных с союзом *and,* которые составляют наиболее многочисленную группу (610

примеров) среди сочетаний слов, принадлежащих к другим частям речи (прилагательных как определений к существительному, наречий при глаголе, двух или более глаголов).

Рассматриваемые словосочетания были проанализированы с точки зрения семантических отношений между существительными внутри словосочетания и роли всего словосочетания в предложении. Хотя лексический состав этих сочетаний чрезвычайно разнообразен и богат, можно говорить об относительно небольшой группе существительных, постоянно комбинируемых с другими и между собой. Сюда относятся слова, означающие важнейшие понятия и идеалы американского народа, непреходящие ценности американского общества, которые являются основами государственной системы США – *freedom, liberty* (25), *justice* (20), *peace* (20), *happiness* (14), *duty, responsibility* (14), *power* (12), *strength* (12), *courage* (11), *support* (11), *prosperity* (11), *rights* (11), *law* (10), *order* (9), *knowledge* (9), *confidence* (9), *honor* (9). Как утверждает Чикилева Л.С., повтор ключевых слов и словосочетаний способствует созданию смыслового единства инаугурационного дискурса и его частей.

С точки зрения семантических отношений между членами одного словосочетания можно выделить следующие группы:

1. В большей части словосочетаний существительные имеют разные значения и они объединяются согласно намерениям оратором. Можно говорить о некоторых постоянно встречающихся словосочетаниях, которые в основном состоят из абстрактных существительных, обозначающие важнейшие для американцев понятия: *happiness and freedom, rights and duties, liberty and law, strength and security, patriotism and honor, prosperity and power, peace and order, peace and prosperity, powers and duties, etc*. Такое частое употребление способствует установлению прочных ассоциативных связей между этими словами и, соответственно, между означаемыми ими понятиями – счастье невозможно без свободы, процветание – без мира, порядок – без законов (и их соблюдения) и т.д. Хотя можно найти примеры пар

существительных, означающих людей (*widows and orphans, soldiers and sailors*) или материальные объекты (*farms and factories, soil and industry*), в основном все же группируются абстрактные существительные. В большей части примеров оба существительных имеют положительные оценочные коннотации – *honor and interest, candor and indulgence, wealth and resources, wisdom and firmness, strength and integrity, vision and courage, etc.,* но во многих случаях объединяются слова, вызывающие негативную оценку – *distrust and jealousy, burdens and miseries, extravagance and waste, dread and confusion, resentment and tyranny, hatred and prejudice*.

2. Существительные ассоциируются друг с другом, одно предполагает наличие другого, одно основано на другом. Эта связь базируется на общечеловеческом опыте и отражается в языке. Все словосочетания этой группы (65) можно разделить по следующим темам:

– отношение к чему-либо: *concord and harmony, confidence and respect, support and encouragement, protection and support, fear and distrust, prejudice and contempt*.

– политика: *blood and slaughter, independence and liberty, power and influence, arms and violence, corruption and fraud, lawlessness and abuses, freedom and independence, tyranny and slavery, lies and propaganda, peace and security*.

– экономика: *simplicity and economy, prudence and moderation, checks and limitations, prudence and thrift, success and prosperity, waste and extravagance*.

– наука и образование: *science and letters, education and civilization, knowledge and education, science and invention, knowledge and skill, ignorance and vice.*

– качества и их приобретение: *experience and age, experience and wisdom, experience and trial*.

В парах объединяются существительные, вызывающие одинаковое отношение к соответствующим референтам и их оценку – положительную

или отрицательную. Такое употребление способствует установлению у слушателей более тесной связи между этими словами и усилением экспрессивности текста.

3. Существительные являются языковыми или контекстуальными синонимами или очень близки по значению. Таких примеров найдено 40. Нет сомнения, что два слова с почти одинаковым значением, объединенных в одно словосочетание, гораздо экспрессивнее и заметнее, чем одно любое из них, поэтому такие словосочетания встречаются в наиболее важных частях речей:

– в начале или в конце речей, при выражении надежды на понимание и поддержку своей деятельности: *"Confidently relying upon the aid and assistance of ..., I enter upon the discharge of the high duties…" (James Polk), "…they will accord to me the aid and support which I shall need…" (Franklin Pierce), "I beg your support and encouragement"* (Ulysses S. Grant);

– при характеристике своего высокого поста: *"It's a dedication and consecration under God to the highest office in service of our people"* (Herbert Hoover);

– при упоминании конституции: *"The Constitution itself…, the offspring of concession and compromise, binding together in the bonds of peace and union this great and increasing family of free and independent States…"* (James K. Polk), *"…the Constitution, which…has for almost a century borne the hopes and the aspirations of the great people through prosperity and peace and through the stock of foreign conflicts and the perils of domestic strife and vicissitudes"* (Grover Cleveland). Данные примеры иллюстрируют частое употребление словосочетаний с союзом *and*, состоящих как из существительных (*prosperity and peace, peace and union, hopes and aspirations, concession and compromise*), так и из словосочетаний двух прилагательных (*great and increasing, free and independent*);

– при обсуждении каких-либо важных тем для придания предложению большей экспрессивности, а аргументам – убедительности – *"…a race of*

speculators and jobbers whose ingenuity is…to obtain public money" (James Buchanan); – возмущение деятельностью этих людей; *"prohibit the immigration…bringing with them and retaining the habits and customs repugnant to our civilization"* (Grover Cleveland); – предупреждение об опасности привнесения чуждых взглядов и обычаев; *"…contemplate with the utmost pride and enthusiasm the growth and expansion of our country"* (Grover Cleveland) – чувство радости за расширение страны.

Заслуживают внимания интересные примеры взаимодействия словосочетаний существительных-синонимов с другими словосочетаниями или другими синтаксическими приемами. Так, в речи президента Джеймса Гартфилда в одном предложении употребляются два словосочетания из синонимов: первое – глагольное, а второе – именное: *"It is a danger that lurks and hides in the sources and fountains of power in every state"*. А в речи президента Кельвина Кулиджа два различных притяжательных местоимения делают одно и то же словосочетание частью антитезы: *"If we expect others to rely on our fairness and justice we must show that we rely on their fairness and justice"*.

4. Существительные являются языковыми антонимами или противопоставляются в данном контексте, становясь ситуативными антонимами. При этом реализуются различные семантические функции. Найдено 32 примера такого употребления. Союз *and* объединяет противоположные понятия и затушевывает их различия: *the vicissitudes of peace and war* (любые превратности), *cultivation of the soil and of the mind* (один процесс – окультуривание), *require successful administration both in peace and in war* (успешное руководство в любое время), *a return to the principles and practices of our fathers* (неразрывность теоретического и практического наследия), *destinies of nations and individuals are shaped* (Бог одинаково определяет судьбы как отдельных людей, так и целых народов), *contentions in diplomacy and in war* (любые споры), *the men and women of this country* (все люди), *these rights and duties have been revealed* (все дается в

Конституции), *duty as honest men and women* (все честные люди), work of leaders and citizens (совместная работа). Предлог *between* перед словосочетанием противопоставляет слова – *"...best means of adjustment of differences between employers and employees...*" (William McKinley) и даже заставляет сделать выбор, как в следующем предложении – *"...there was no middle ground for the negro race between slavery and equal citizenship"* (James A.Gartfield). Пример противопоставления в одном предложении двух одинаковых словосочетаний с *and,* которые сами основаны на антонимах, можно найти в речи президента Франклина Пиэрса. Он говорил о важности разделения функций между федеральными властями и властями штатов: *"...the harmony and happiness of our people must depend upon a just discrimination between the separate rights and responsibilities of the States and your common rights and responsibilities under the General Government"*. Хотя, как было отмечено, союз *and* объединяет противоположные стороны одного понятия, замена таких антонимичных сочетаний привела бы к снижению экспрессивности и меньшему эффекту – *men and women – people, peace and war – different times, nations and individuals – everybody*.

5. Небольшая группа словосочетаний, где второе существительное является вероятным (обычно нежелательным и более неблагоприятным) следствием первого: *discord and disaster, armaments and war, debasement and ruin, revolution and anarchy, stagnation and despair, war and dissolution, injustice and oppression, injustice and violence.* Связывая, таким образом, два существительных, убедительно показывается неправильность действий, обозначаемых первым из них, так как их последствия явно негативные.

Синтаксический анализ функций словосочетаний существительных с союзом *and* показывает, что они используются в предложении в качестве:

– подлежащего (75). Большая часть словосочетаний является подлежащим в простых предложениях или главной части сложноподчиненных (38 примеров), но имеются также подлежащие в придаточных дополнительных (после союза *that*) – 10 примеров, в

придаточных определительных (после *whose, on whom, which*) – 10 и времени (*when, before, while*) – 4. Хотя случаи аллитерации в словосочетаниях существительных будут рассматриваться ниже, следует отметить, что она встречается чаще именно при употреблении их в качестве подлежащего (19 раз – в каждом четвертом словосочетании) – *liberty-law, peace-progress, harmony-happiness, work-wealth, obstacles-opposition, justice-generosity*. В подавляющем большинстве словосочетаний существительные имеют различные, не связанные друг с другом значения (*years and changes, ignorance and apathy, virtue and fortitude, etc*), и только в нескольких примерах они ассоциируются друг с другом, так как одно обычно сопутствует другому (*harmony-happiness, freedom-independence*) или являются синонимами (*treaties-covenants, error-wrong*). Пример употребления сразу двух словосочетаний существительных с союзом *and,* которые оба являются подлежащими в придаточном определительном и в обоих(!) присутствует аллитерация, встречается в речи президента Джеймса Полка: "*Well may the boldest fear and the wisest tremble when incurring responsibilities on which may depend our country's peace and prosperity, and in some degree the hopes and happiness of the whole human family."* Предложение интересно и тем, что в нем встречаются параллельные конструкции из субстантивированных прилагательных и глаголов в главной части, которые привлекают внимание, так как слова в нём противоречат друг другу (смелейшие не могут бояться, а мудрейшие – трепетать), и инверсия сказуемого (*may depend*) и подлежащего (*our country's peace and prosperity and... the hopes and happiness of the whole human family*) в придаточном. Можно говорить и о таком приеме, как градация, так как счастье всего человечества важнее, чем процветание отдельной страны. Вся эта конвергенция стилистических приемов, взаимодействие словосочетаний существительных с грамматическими и фонетическими средствами, выделяет данное предложение и обеспечивает дальнейшее внимание и сопереживание аудитории и способствует ее убеждению.

– предикатива. Такое употребление нехарактерно для словосочетаний существительных с *and* – найдено всего 4 примера*: "…danger today is disregard and disobedience of the law…" ,"It is a dedication and consecration under God…"* (Herbert Hoover), *"…they may be the unfailing defence and security of those…"* (Benjamin Harrison). В речи одного из величайших ораторов Америки, Франклина Рузвельта, одно и то же предикативное словосочетание используется в трех параллельных конструкциях, причем после каждого словосочетания следуют уточняющие его смысл аппозитив или придаточное определительное: *"…we… are men and women of good will, men and women who have more than warm hearts of dedication; men and women who have cool heads and willing hands of practical purpose as well."* Задачей президента в тот период было мобилизовать нацию на преодоление последствий экономического кризиса тридцатых годов, внушить ей веру в себя и свои силы и такое предложение служит этой цели.

– дополнения. Это наиболее типичное употребление таких словосочетаний, составляющих подавляющее большинство примеров (свыше 470) Чаще всего словосочетания являются прямым дополнением к глаголу (или герундию) – *understands the hopes and the needs, renew the spirit and the promise, disappointed the hopes and aspirations*. Мы ограничимся здесь тремя примерами, но их около двух сотен. В тех случаях, когда словосочетания являются косвенным дополнением, предлог обычно определяется управлением глагола – *rely upon wisdom and patriotism, called for the vigor and effort, endure against storm and accident*. Также многочисленными являются случаи употребления этих сочетаний после существительных с предлогами, наиболее типичные из которых – *of (record of my words and my acts, the subject of abuse and slander), for (precautions for our peace and safety, contempt for economy and frugality), in (changes in the spirit and purpose), to (our return to right and justice), from (danger from contests and dissentions), against (protection against intrigue and wrong)*. В некоторых случаях употребления словосочетаний с предлогом после существительных их синтаксическую

функцию можно определить и как предложное дополнение, и как аппозитив – *spirit of fairness and equality, a career of freedom and usefulness*. Примеров же использования рассматриваемых сочетаний в качестве дополнения после прилагательных немного (11) – *sufficient for the propaganda and protection, powerful in number and in strength, fortunate in the ability and integrity, essential for the stability and prosperity*.

– обстоятельства. (27) В этой функции словосочетания также употребляются с предлогами и являются обстоятельствами образа действия (большая часть примеров) – *extend domination by arms and violence, measured by inches and feet, with zeal and purity, contemplate with pride and enthusiasm, met with wisdom and courage, to live in peace and harmony, live in tyranny and hopelessness ; места – peoples in the huts and villages, place in our hearts and in our history*. Встречаются случаи использования синонимов – *with suspicion and mistrust, by prudence and moderation*, антонимов – *both in peace and in war, in diplomacy and in war* и аллитерации – *with care and courage, by proper teaching and treatment, in turmoil and triumph, with care and compassion, with heart and hand*... Интересный пример использования словосочетаний существительных в такой функции встречается в предложении из первой инаугурационной речи президента Билла Клинтона. Это предложение стоит почти в самом конце речи, подводит итоги сказанному (*and so*) и является призывом к совместной работе. Здесь использовано прямое обращение *(my fellow Americans)* и параллельные конструкции (2 словосочетания с *and)*, разъясняющие как надо работать, а во второй части предложения – обозначена цель этой работы: *"And so, my fellow Americans, at the edge of the 21 century, let us begin with energy and hope, with faith and discipline, and let us work until the work is done"*.

– приложения (аппозитива) Словосочетания употребляются с предлогом *of,* как правило, после абстрактных существительных, раскрывая или уточняя их значения (26) – *place of honor and trust, offices of power and trust, men of great abilities and patriotism, spirit of concord and harmony*

(fairness and equality). Такое употребление характерно для речей президентов XIX века и не встречается позже.

Яркой особенностью словосочетаний существительных с *and* являются многочисленные случаи аллитерации (98 примеров – почти каждое шестое словосочетание), что еще больше выделяет их в речи. На вопрос – случайно ли это или пары подбирались с учетом их звукового совпадения – однозначно ответить трудно. Наверное, во многих случаях при выборе из нескольких слов, предпочтение отдавалось (инстинктивно или намеренно) слову с такими же начальными звуками. Особенно это заметно в парах, где используются слова, у одного из которых имеется синоним, употребление которого привело бы к утрате аллитерации: *liberty (freedom) – law*, *wants (needs) – wishes, perils (dangers) – penalties*. Наиболее распространенные случаи аллитерации наблюдаются у слов с начальными звуками [p] (24) – *peace-prosperity, prosperity-power, principles-prejudices;* [s] (13) – *sentiments-sympathies, strength-security, civilization-citizenship*; [k] (13) – *consideration-credit, commerce-culture, care-courage;* [d] (10) – *desire-determination, dedication-devotion, duty-destiny*. Гораздо реже встречаются случаи повтора других согласных или гласных звуков: *respect-regard, hope-happiness, toil-tears, willingness-wisdom, virtue-vigilance, lives-limbs, integrity-intelligence, effort-endeavor, aid-assistance*. Среди пар существительных с совпадающими начальными звуками встречаются и пары, состоящие из синонимов (5): *prejudices-prepossessions, concession-compromise* (2), *wants-wishes, safety-security*. Такое двойное (звуковое и семантическое) акцентирование делает их гораздо более заметными, а их воздействие – сильнее.

В речах президентов XIX и первой четверти XX века встречаются словосочетания из трех и более существительных. Они выполняют функцию дополнения (10), подлежащего (4) и аппозитива (2) и употребляются в начале или в самом конце речи или при разъяснении важности конституции, требований к правительству и госслужащим, характеристике американского народа:

– "*it would seem to me that the spirit of* <u>*equity, caution and compromise*</u> *in which the Constitution was formed requires…"* (Andrew Jackson) – ссылка на конституцию при планировании налогового обложения различных отраслей.

– *"…individuals whose* <u>*talents, integrity and purity*</u> *of character will furnish ample guaranties…"* (Zachary Tailor)

– *"They require at my hands* <u>*diligence, integrity and capacity*</u> *wherever there are duties to be performed"* (Franklin Pierce)

– *"*<u>*Honesty, capacity and industry*</u> *are nowhere more indispensable than in public employment"* (William McKinley)

В этих примерах перечислены важнейшие качества, необходимые госчиновникам (включая президента), и основными являются честность *(honesty, integrity, purity)* и работоспособность *(diligence, capacity)*.

Как правило, предложения в начале и конце речей являются длинными сложноподчиненными предложениями, в которых можно встретить целую конвергенцию стилистических приемов и неудивительно, что именно там встречаются словосочетания из трех существительных. Такое словосочетание является последними словами в предложении из речи третьего президента США Томаса Джефферсона. В нем, согласно традиции того времени, он выражает благодарность Богу и просит о его помощи в будущем: *"…I ask you to join in supplications with me that He will so enlighten the minds of your servants, guide their councils, and prosper their measures that whatsoever they do shall result in your good, and shall secure to you* <u>*the peace, friendship, and approbation*</u> *of all nations."* Отметим многочисленные параллельные конструкции – три глагольные части сказуемого с дополнениями (относящиеся к *will*) и два составных глагольных сказуемых также с дополнениями. В начальном предложении речи президента Харрисона, где он также обращается к Богу, встречаются сразу три словосочетания существительных с *and*, и оно также построено на параллельных конструкциях – двух совпадающих по количеству слогов сочетаний глагола с наречием и двух развернутых дополнений: *"Entering thus solemnly into*

covenant with each other, we may reverently invoke and confidently expect the favor and help of Almighty God – that He will give to me wisdom, strength and fidelity, and to our people a spirit of fraternity and a love of righteousness and peace" В предложении из заключительной части речи президента Вудро Вильсона мы находим пример сразу двух словосочетаний из трех существительных, следующих друг за другом, причем второе раскрывает значение последнего слова из первого словосочетания. Для создания ритма и во избежание произнесения шести существительных подряд, перед каждым из них повторяется предлог, стоящий перед первым существительным в группе. Также как и в предыдущих примерах, здесь наблюдается параллельная конструкция – повтор существительного *thing* с придаточными определительными: *"The thing I shall count upon, the thing without which neither counsel nor action will avail, is the unity of America – an America united in feeling, in purpose and in its vision of duty,of opportunity and of service*." Такая подготовка главной мысли высказывания (необходимости единства нации), а затем ее разъяснение, заставляет аудиторию осознать важность этого и поддержать действия президента по ее сохранению.

В одном словосочетании все три существительных являются синонимами и все противопоставляются одному слову – *rights.* Президент Кливленд говорит о статусе гражданина в США и о полном его применении по отношению к освобожденным от рабства неграм: *"The fact that they are citizens entitles them to all the rights due to that relation and charges them with all its duties, obligations, and responsibilities"* Заметим, что, хотя в предложении говорится о правах и обязанностях граждан, акцент с помощью синонимов сделан именно на обязанностях.

В данной статье были рассмотрены случаи использования словосочетаний существительных с союзом *and* в инаугурационных речах президентов США. Они были проанализированы с точки зрения семантических отношений между ними (имеют различные значения, ассоциируются друг с другом, являются синонимами или антонимами), по их

синтаксической роли (большая часть является дополнением или подлежащим) и по количественному составу (типично – два существительных, но встречаются и из трех). Многочисленные примеры доказывают, что такие конструкции являются типичными для этого вида президентского дискурса и совместно с приемами других уровней – аллитерацией, антитезой и параллельными конструкциями служат достижению прагматических целей – оказанию эмоционального воздействия на слушателей и их убеждению.

Примечания

1. *Кохтев Н Н. Основы ораторской речи. – М.: изд. МГУ, 1999.*
2. *Спиридовский О.В. Лингвокультурные характеристики американской президентской риторики как вида политического дискурса. – Автореф. дисс. к. ф. н.– Воронеж, 2006.*
3. *Чикилева Л.С. Когнитивно-прагматические и композиционно-стилистические особенности публичной речи. – Автореф. дисс.д.ф.н. – М., 2005.*

Холодкова А.С.

МПГУ (г. Москва)

Изучение французского языка в контексте диалога языков и культур посредством использования материалов прессы

Старшеклассники – органический субъект развития экономического, политического и социокультурного компонентов в общей структуре государства. Они несут идеи, взгляды, мораль, убеждения, формы и методы материально-производственной деятельности, определяют характер завтрашнего общества. Среди молодых россиян происходит осознание своей роли в социальных преобразованиях жизни российского общества. На сегодняшний день мы вынуждены констатировать доминирование экономического фактора в формировании политических взглядов и убеждений личности, нарастание потребительских установок в молодежной среде, а также пассивное участие в политической жизни страны. Молодому человеку, с одной стороны, нужно быть личностью, иметь устойчивое мировоззрение, социальные, политические и нравственные убеждения. С

другой стороны, необходима высокая психологическая лабильность, гибкость, умение личностно воспринимать и перерабатывать новую информацию, самостоятельно действовать, отстаивать свою позицию.

Сложности общественно-политической, экономической ситуации в стране коренным образом влияют на политические взгляды и позиции старшеклассников в сторону разброса мнений, индивидуализма, агрессивности позиций, шаткости патриотических чувств, нетерпимости к чужой культуре и традициям. В итоге сегодня наиболее остро встает проблема формирования системы позитивных политических ценностей и идеалов, гражданской и патриотической позиции, целостного мировоззрения.

Политическое развитие каждого представителя подрастающего поколения начинается с меры его приобщения к политической информации. Печать, телевидение и радио выполняют следующие функции:

- оперативно-информационную;
- нормативную;
- воспитательную;
- организационную.

В словаре Ожегова термин *пресса* определяется как периодическая печать (газеты, журналы). Печать – в широком значении – это печатная продукция; в более узком, но распространенном значении – периодические издания, главным образом газеты, журналы (синоним-пресса), одно из основных средств массовой информации и пропаганды. Печать является мощным орудием социальной и политической борьбы, просвещения, распространения научных знаний, развития культуры, формирования мировоззрения.

Таким образом, сегодня возрастает необходимость использования материалов прессы в общеобразовательных учреждениях. В данной статье мы бы хотели рассмотреть возможность использования аутентичных материалов прессы на уроках французского языка.

Одной из целей образования является воспитание духовной личности, обладающей «устойчивыми ориентирами, управляющими его деятельностью в любой сфере: культурой созидательного творческого труда, культурой познания, культурой мировоззрения, культурой эстетического освоения действительности» (Е.И.Пассов). Проблема воспитания молодого поколения через свободную или ангажированную прессу, равно, как и политическое медиатизирование молодежи, – объект предельного внимания широкого круга государственных деятелей всех развитых стран, в том числе и педагогов, поскольку средства массовой информации являются одним из важнейших факторов социализации. Воспитательные возможности средств массовой информации исследовались Б.С.Гершунским, П.С.Гуревич, Н.Н.Богомоловой, А.М.Сергеевым, А.В.Мудрик и др.

Особая ценность использования французской прессы на уроках французского языка состоит в том, что ученики получают возможность не только лучше узнать культуру страны изучаемого языка, а именно особенности национальной ментальности, духовные и материальные ценности, но и сравнить ее с культурой родной страны. Благодаря аутентичному материалу, учащиеся могут обдумать и обсудить в классе актуальные проблемы, волнующие современное общество. Разнообразие же видов прессы позволит учителю без особых усилий подобрать статью, соответствующую той или иной теме урока. Изучение иностранного языка с помощью материалов прессы – уникальный способ гражданского и политического воспитания учащихся, раскрывающий понятия относительности и субъективности информации, а также развивающий критическое отношение к прочитанному, умение понимать подстрочный смысл и правильно интерпретировать реалии при чтении газет и журналов. Пресса – это что-то вроде призмы, через которую мы видим реальность, она формирует взгляды и убеждения учащихся.

Для успешного общения необходимо не только владеть одинаковыми языковыми средствами собеседника (фонетическими, лексическими,

грамматическими навыками), но и общими содержательными знаниями о культуре страны изучаемого языка, мире, в котором живут носители данного языка. Подобные общие для участников акта общения когнитивные знания принято называть фоновыми знаниями. В условиях расширения контактов и интеграции в мировое сообщество фоновые знания и представления о политических, экономических, социальных тенденциях приобретают особое значение. Таким образом, чтение материалов прессы не только требует знания реалий, культуры, образа жизни страны изучаемого языка, но и становится ценным источником этих знаний.

Кроме того, привлечение материалов прессы на уроках французского языка способствует повышению мотивации учащихся к изучению предмета, позволяет расширить общий и лингвистический кругозор и, как следствие, повысить их коммуникативную компетенцию.

Использование французской прессы в учебном процессе обусловлено не только развитием методики, но и причинами социально-политического характера, которые часто играют определяющую роль в выборе целей и содержания учебного материала. В настоящее время возникает насущная необходимость составления комплекса упражнений с использованием материалов прессы, создания методики работы с прессой и выделения определённых критериев отбора материала.

Несомненно, педагогу придется столкнуться с определенными трудностями при использовании материалов прессы на уроках французского языка. В первую очередь, преподаватель задаст себе вопрос о том, насколько источник информации будет соответствовать целям обучения: практическая, общеобразовательная, развивающая и воспитательная. Очень важно, чтобы преподаватель сам имел довольно обширные знания по истории и культуре страны, язык которой он преподает, а также знал о наиболее важных текущих событиях и новостях, так как в любом случае он должен выходить за рамки выбранного им источника в целях обучения и воспитания учащихся. Но, как бы там ни было, использование прессы на уроках французского языка – это

прекрасный способ знакомства учеников не только с актуальными событиями, происходящими во Франции, но и с инновационными процессами, тенденциями и новыми образованиями во французском языке, поскольку язык непрерывно развивается, а пресса является постоянным свидетелем этой эволюции. С помощью газет и журналов учащиеся смогут открыть для себя множество новых разговорных выражений, фразеологизмов, идиом, клише современного французского языка.

При введении прессы на уроках французского языка нужно избегать некоторых типичных ошибок. После прочтения статьи не рекомендуется сразу же приступать к вопросам вроде: «Итак, что до нас хотел донести журналист?», «Какова основная идея данной статьи?», иначе вы сразу потерпите поражение: в классе воцарится тишина, взгляды опустятся вниз, ученики начнут волноваться. Не забывайте, что учащимся в этом случае будет довольно сложно сформулировать на иностранном языке мысль, изложенную журналистом, как и события, происходящие в чужой стране.

Напротив, ученики вполне могут оперировать основными лексическими понятиями французского языка, и, благодаря средствам массовой информации, имеют общее представление о стране изучаемого языка. Таким образом, им будет значительно проще подобрать выражения, чтобы подтвердить или опровергнуть то или иное утверждение, чем самостоятельно выразить главную идею. Подобная стратегия может быть квалифицирована как обходный путь с серией упражнений, предназначенных побудить учащихся к размышлению и шаг за шагом сформулировать собственные мысли и идеи.

Обсуждение структуры и формы статьи никогда не является потерей времени, оно помогает ученикам вникнуть в содержание прочитанной информации и подталкивает их к выдвижению определённых гипотез. Кроме того, форма, так или иначе, всегда отражает содержание и, начиная обсуждение статьи с ее формы, заголовка, вы постепенно перейдете к ее непосредственному содержанию. Работа с прессой с опорой на заголовок на

уроках иностранного языка способствует расширению общего и лингвистического кругозора учащихся, формированию навыков поиска и переработки информации и рациональной работы с текстом, повышению интереса к изучаемому предмету.

Сначала можно предложить учащимся перевести заголовок статьи на русский язык и сравнить его перевод с оригиналом, проанализировать лексические и грамматические трудности перевода, затем выделить ключевые слова и попытаться предугадать содержание статьи и ее основную идею. Не менее важное значение имеет работа с иллюстрациями к газетным статьям. Ученикам предлагается ответить на следующие вопросы:

- почему одни статьи иллюстрируются фотографиями, а другие нет?
- Для чего служат иллюстрации?
- На какого возраста читателя они ориентированы?
- В каких рубриках фотографии встречаются чаще, для чего они служат?

В целом на уроках иностранного языка, в частности французского, могут быть использованы следующие типы заданий:

❖ Поиск

Попросить изучающих французский язык постараться быть в курсе событий, происходящих во Франции. Речь идет о записывании даты, содержимого каждой ссылки, ровно, как и точном формулировании отрывка из прессы.

❖ Классификация

После двух недель устно проверить в классе собранную информацию и попросить каждого написать список заголовков, сопровождаемых датой и источником. Попросить учащихся прокомментировать частое повторение ссылок, побудить их к высказыванию гипотез об избытке или недостатке информации.

❖ Отбор

Среди предложенных учениками ссылок выберите статьи, отражающие уже ранее обсуждаемые темы. Составьте список и раздайте учащимся. Проанализируйте содержание отрывков:

- Какой тип информации представлен (положительная, отрицательная)?
- Какие чувства вызывает текст у читателя (эмпатию, гнев, зависть, чувство превосходства, несправедливости, жалости)?
- Как бы отреагировали учащиеся в подобной ситуации?

❖ Гипотезы

Предложить учащимся высказать свои гипотезы и комментарии по поводу смысла заголовка и самой статьи. Приступить к дискуссии.

❖ Сравнение

Найти заголовки, отражающие различные мнения. Например:

«Трансгенные продукты питания: Европа сомневается».

«Франция против трансгенных продуктов питания».

«Число генетически модифицированных организмов в рокфоре растет».

В чем отличие смысла данных заголовков? Дать почувствовать ученикам политическую направленность прессы, как в родной стране, так и за рубежом. Обсудить с классом причины, которые могли бы подтолкнуть страну выступить за генетически модифицированные организмы. Разбить класс на группы и выделить причины, заставляющие быть против трансгенных продуктов питания.

Мы предлагаем вам следующую модель работы на уроке французского языка со статьей, взятой из оригинального источника.

I. Сначала учащимся предлагается прочесть статью из оригинального источника. В конце статьи предлагаются ключевые слова и выражения, которые необходимы для запоминания.

Lisez l'article suivant

Un pays en eau trouble (Естественно прилагается статья)

Mots et expressions à retenir

3. En eau trouble – в мутной воде = eaux fangeuses
4. Être bien mal en point – находиться в неблагоприятных условиях
5. Crise rampante
6. Libertés civiques rognées – урезанные
7. Être en proie à – быть во власти чего-либо
8. Faire main basse sur – прибрать к рукам, завладеть
9. Il tarde à désigner son dauphin
10. En trompe l'œil – а) в объемном изображении, б) мнимо, обманчиво
11. Être réticent à faire qch – быть сдержанным в вопросе чего-либо
12. Le giron – лоно
13. Mettre cap à… – повернуть (нос) на
14. Contre vents et marées – не взирая ни на что, наперекор стихиям
15. Onusien – ооновский
16. Faire miroiter une perspective
17. Ancrer la démocratie
18. Déraper – сбиться, сломаться, сойти с пути

II. Далее преподавателем предлагается определённая работа с заголовком статьи. Данный вид работы подразумевает не только перевод, но и интерпретацию заголовка, объяснение его смысла, как в прямом, так и переносном значении, а также нахождение в статье фраз, подтверждающих правильность высказанных суждений по этому поводу.

Le travail avec le titre

Traduisez en russe le titre de l'article. Expliquez le sens du titre.

Est-il employé dans le sens propre ou son emploie est métaphorique?

Est-ce que le titre de cet article reflète son contenu?

Trouvez dans l'article les phrases qui le prouvent.

III. После этого следует определённая работа с лексикой. Это может быть нахождение ключевых слов и выражений, необходимых для понимания статьи, объяснение их смысла и нахождение соответствующей

эквивалентной замены в родном языке, а также целый ряд других заданий рецептивно-репродуктивного характера.

Le travail avec le lexique

Trouvez dans l'article les mots et les expressions suivants: 2, 3, 5, 7…

Quels sont leurs équivalents en russe?

Expliquez leur sens et dites en d'autres termes si c'est possible.

Faites entrer dans de courtes phrases : 1, 2, 5, 11, 13, 14...

IV. Затем можно переходить уже к работе с текстом статьи. Так, можно попросить учащихся найти в статье некоторые метафоры, имеющие определённое значение в плане знания культуры страны изучаемого языка, и дать свои собственные комментарии на их счёт.

Le travail avec le texte

Trouvez dans cet article les métaphores et expliquez leur emploi.

Donnez vos commentaires des phrases suivantes:

a) «Trois clans oligarchiques rivaux, souvent liés aux intérêts russes, ont fait main basse sur l'économie».

b) «La Russie demeure toutefois essentielle dans le jeu de balance joué tradition-nellement par l'Ukraine».

c) «D'ici à cinq ans, tout peut déraper».

V. После этого можно перейти уже к устной проверке понимания текста статьи. Лучше это сделать в вопросно-ответной форме, акцентируя внимание на личностную направленность вопросов и предоставляя учащимся возможность выразить своё мнение по поводу обсуждаемых в статье проблем. Этот вид работы включает уже репродуктивно-творческие задания.

Compréhension orale

1. Pourquoi l'Ukraine a été bien mal en point? Quelles en sont les causes?
2. Pourquoi les Européens sont-ils réticents à voir l'Ukraine rejoindre le giron de l'Union?
3. Quelles sont les relations de l'Ukraine avec les Etats Unis?

4. Quelles sont les relations de l'Ukraine avec la Russie? Quelle en est votre attitude? Parlez de la situation actuelle.

5. Etes-vous intéressé par les problèmes politiques? Regardez-vous quotidiennement les actualités?

VI. В заключении можно перейти к письменному контролю понимания прочитанной статьи. Лучше всего предложить учащимся сделать резюме статьи и выразить свои собственные взгляды на высказанные в ней идеи. Это подразумевает уже творческую работу учащихся.

Compréhension écrite

Faites le résumé de l'article et formulez (argumentez) vos points de vue sur les idées exposées (exprimées).

Итак, использование аутентичных материалов французской прессы на уроках французского языка в общеобразовательных учреждениях играет значительную роль в процессе обучения и воспитания учащихся. Данная методика преподавания языка позволяет не только обогатить лексические знания учащихся, но и познакомить их с культурой и традициями народа, чей язык они изучают, способствует росту гражданского воспитания и формированию нравственной, правовой и политической культуры, а также повышает интерес к изучаемому предмету. Язык французской прессы – ценный и неиссякаемый источник новых лексических выражений для тех, кому интересен разговорный язык и особенности французского менталитета.

Поэтому мы полагаем, что газетные статьи должны обязательно найти свое место на уроках французского языка как иностранного, где они будут анализироваться учениками совместно с учителем, так как пресса – это всегда отражение общества и мира, в котором мы живем.

Примечания

1. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения говорению на иностранном языке. – М.: 1991.

2. Тютькова И.А. Формирование политических взглядов и убеждений старшеклассников. – М.: Социум, 2001.

3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1989.

Содержание

Пленарные доклады

Монина Т.С.
Механизмы диалога культур 4

Юдов В.С.
Диалектика рационального и иррационального в современной культуре 12

Степакова В.В.
Графический язык как феномен культуры 20

Секция 1

Диалог языков и культур. Интерференция языковых картин мира. Особенности межкультурной коммуникации на современном этапе

Александрова Е.М.
Интернациональный анекдот: проблемы аналогии 30

Барышникова И.В.
Культурные ассимиляторы как метод повышения межкультурной компетентности 41

Дмитренко А.В.
Особенности межкультурной коммуникации в свете интерференции культур *(на материале англо-русских межкультурных отношений)* 44

Егорова Н.А.
Южная идентичность в США и региональная идентичность субъектов Российской Федерации 53

Кузьмина А.А.
Характерные особенности метафорической картины в британской народной балладе 64

Johan Maurer
Towards a dialogue of cultures 73

Назарова О.Б.
Особенности аборигенных заимствований в австралийском варианте английского языка 83

Николаева М.Н.
Диалог культур и его отражение в языке *(на примере лексической группы «Кухня народов мира» в английском языке)* 94

Пучкова И.Н.
Ирландские пословицы как отражение языковой картины мира и национального характера 108

Савельева Г.Н.
Перевод и культура в современном гуманитарном знании 118

Шмелёва А.Н.
Особенности французского национального характера через призму политических слоганов 120

Секция 2

Способы выражения языковой ментальности. Особенности языкового знака как средства выражения языковой ментальности. Проблемы перевода на современном этапе

Багрова А.Я.
Уровни оценки качества перевода 129
Башкирова И.А.
Безличные конструкции *МНЕ РАДОСТНО* с семантикой «состояние субъекта» и особенности их перевода на английский язык 131
Вишняков А.Г.
Метаморфозы Повествователя в сказке «Беглый солдат и чёрт» из сборника Афанасьева, в романе Рамю «Царствие лукавого» и в «Истории солдата» Рамю и Стравинского *(на примере названия и инципита)* 136
Гаврилова Н.В.
Функции коннекторов в дискурсе 148
Герцев С.Д.
Лаконизм английского текста как отражение аналитизма английского языка 157
Каипова В.П.
Инновационные технологии в изучении коммуникативных свойств русской речи *(на материале курса «Русский язык и культура речи»)*..... 167
Коротких Т.А.
Структурно-семантические особенности немецких пословиц *(в плане сопоставления с русскими эквивалентами)*..... 176
Кутнаева А.М.
Межкультурная компетентность как необходимый компонент овладения иностранным языком..... 188
Леденёва В.В.
Сфера знаний в зеркале ЛСГ писем Н.С.Лескова 194
Линёва Е.А.
О выражении значения деятеля именных неопределенно-личных предложений в соотносительных синтаксических конструкциях английского языка..... 199
Мартьянова Е.В.
Интонационный контур иронических высказываний 206
Marie Pantelic
Функциональные аспекты текста кинорецензии..... 212
Разумовская Н.А.
Особенности устного перевода как способа выражения языковой ментальности 224
Соклакова О.В.
Роль интонации в формировании основных типов прагматических высказываний 232
Утёнков Г.В.
Использование словосочетаний существительных с союзом *and* в инаугурационных выступлениях президентов США 242
Холодкова А.С.
Изучение французского языка в контексте диалога языков и культур посредством использования материалов прессы..... 255

Сведения об авторах:

1. ***Александрова Е.М***., ст. преп. кафедры иностр.яз., МГОПИ, г. Орехово-Зуево
2. ***Багрова А.Я.***, к.п.н., доцент, декан факультета лингвистики и межкультурной коммуникации, МИЛ, г. Москва
3. ***Барышникова И.В.***, к.психол.н., доцент, проректор по научной работе, МИЛ, г. Москва
4. ***Башкирова И.А.***, аспирант кафедры совр.рус.языка, МГОПИ, г. Орехово-Зуево
5. ***Вишняков А.Г***., к.филол.н., ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН, г. Москва
6. ***Гаврилова Н.В.***, к.филол.н., доцент кафедры фр. языка факультета иностр.яз., МГОПИ, г. Орехово-Зуево
7. ***Герцев С.Д.***, ст. преп. каф. иностр.яз., МГОПИ, г. Орехово-Зуево
8. ***Дмитренко А.В.***, магистрант кафедры культурологии фак-та социологии, экономики и права МПГУ, г. Москва
9. ***Егорова Н.А***., ст. преп. каф. лингвистики, НГИ, г. Электросталь
10. ***Каипова В.П.***, к.п.н., доцент кафедры рус.языка, КРСУ, г. Бишкек, Киргизия
11. ***Коротких Т.А.***, к.ф.н., доцент кафедры нем. языка факультета иностр.яз., МГОПИ, г. Орехово-Зуево
12. ***Кузьмина А.А.***, ассистент кафедры англ. языка факультета иностр.яз. МГОПИ, г. Орехово-Зуево
13. ***Кутнаева А.М.***, к.п.н., доцент кафедры русского языка Американского университета в Центральной Азии, г. Бишкек, Киргизия
14. ***Леденёва В.В.***, д.филол.н., профессор, МГОУ, г. Москва
15. ***Линёва Е.А.***, ст. преп. кафедры методики преподавания иностр. языков факультета иностр.яз., МГОПИ., г. Орехово-Зуево
16. ***Мартьянова Е.В.***, аспирант, ассистент кафедры грамматики нем. языка, МПГУ, г. Москва
17. ***Johan Maurer***, writer, editor, and marketing consultant, Portland, Oregon, USA
18. ***Монина Т.С.***, д.филол.н., профессор, ректор, НГИ, г. Электросталь
19. ***Назарова О.Б.***, ст. преп. кафедры лингвистики, НГИ, г. Электросталь
20. ***Николаева М.Н.,*** к.филол.н., доцент, проректор по научной работе, НГИ, г. Электросталь
21. ***Marie Pantelic***, Panteon-Assas-Paris II, Institut Français de Presse, Paris, France
22. ***Пучкова И.Н.,*** к.филол.н., доцент кафедры лингвистики, НГИ, г. Электросталь
23. ***Разумовская Н.А.,*** ст. преп. кафедры лингвистики, НГИ, г. Электросталь
24. ***Савельева Г.Н.,*** к.филол.н., профессор кафедры фр. языка, РГГУ, г. Москва
25. ***Соклакова О.В.***, к.п.н., доцент, КГПИ, г. Коломна
26. ***Степакова В.В***., д.п.н., профессор, проректор по учебной работе, Педагогическая академия последипломного образования, г. Москва
27. ***Утёнков Г.В.,*** ст. преп. кафедры лингвистики, НГИ, г. Электросталь
28. ***Холодкова А.С.***, аспирант кафедры методики преподавания иностр. языков, МПГУ, г. Москва
29. ***Шмелёва А.Н.,*** доцент, зав. кафедрой лингвистики, НГИ, г. Электросталь
30. ***Юдов В.С.***, к.филол.н., доцент, зав. кафедрой общественных дисциплин, НГИ, г. Электросталь

Научное издание

Сборник научных трудов

ДИАЛОГ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Материалы международной научно-практической конференции

22 декабря 2006 года

Новый гуманитарный институт

г. Электросталь

ТОМ I

Компьютерная верстка – И.М.Николаева